

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ. РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции
Москва, 23 мая 2014 г.

Сборник докладов и выступлений

Москва
2014

**Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации**

Факультет национальной безопасности

**Стратегическое управление в сфере
национальной безопасности России.
Региональная безопасность**

**Материалы Второй Всероссийской
научно-практической конференции
Москва, 23 мая 2014 г.**

Сборник докладов и выступлений

Москва – 2014

УДК 351.746(063)
ББК 66.5(2Рос)
Ш37

Ш37 Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России.

Региональная безопасность: Материалы Второй Всероссийской научно-практической конференции. Москва, 23 мая 2014 г. / Под ред. д-ра полит. наук С.В. Смутьского, д-ра полит. наук А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Проспект», 2014. – 228 с.

ISBN 978-5-98597-295-5

В мае 2014 г. Факультет национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации провел Вторую Всероссийскую научно-практическую конференцию «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: безопасность регионов России». В работе участвовали представители органов государственного управления, научно-исследовательских институтов и аналитических центров, российские и зарубежные ученые. Обсуждались проблемы стратегического планирования и управления в сфере региональной безопасности России.

В сборник включены доклады и наиболее значимые и интересные выступления.

УДК 351.746(063)
ББК 66.5(2Рос)

ISBN 978-5-98597-295-5

© Факультет национальной безопасности РАНХиГС, 2014
© Авторы

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
-------------------	---

Раздел 1. Теория и методология стратегического управления в сфере региональной безопасности России

Доклады

<i>Назаров В.П.</i> Региональные аспекты обеспечения национальной безопасности Российской Федерации: задачи стратегического планирования	9
--	---

<i>Балашов К.А.</i> Правовые основы и лучшие практики организации планирования и управления в сфере региональной безопасности	18
---	----

<i>Мацнев Д.А.</i> Динамика развития регионов России в среднесрочной и долгосрочной перспективе	29
--	----

<i>Рыжов Г.Б.</i> Национальная безопасность Российской Федерации в Арктическом регионе: проблемы и пути решения	38
---	----

<i>Шевченко А.В.</i> Оценка деятельности органов управления субъектов Федерации в сфере региональной безопасности	49
--	----

<i>Сургуладзе В.Ш.</i> Безопасность России в контексте геополитической концепции Х. Маккиндера	58
---	----

Раздел 2. Направления и методы обеспечения региональной безопасности

Выступления

<i>Михайленко А.Н.</i> Проблемы и перспективы развития Крыма	66
--	----

<i>Лыжин Д.Н.</i> Актуальные направления обеспечения продовольственной безопасности Крыма	70
--	----

<i>Куклина Е.А.</i> Региональная безопасность в условиях современных вызовов и угроз	77
---	----

<i>Родионов М.А.</i> Проблемы аналитического обеспечения принятия стратегических решений на региональном уровне	84
<i>Кравченко Л.И.</i> Экономические и социально- демографические дисбалансы регионального развития	91
<i>Абрамова О.Д.</i> Анализ состояния инвестиционного климата регионов России	97
<i>Старикова О.В.</i> Развитие промышленных зон как условие экономической безопасности региона	106
<i>Титов В.Б.</i> Вариативный (региональный) компонент федерального государственного образовательного стандарта как источник угроз национальной безопасности	111
<i>Хлобустов О.М.</i> Повышение эффективности противодействия терроризму на региональном уровне	118
<i>Суслов Е.В.</i> Стратегический баланс этнических интересов российских финно-угорских регионов и национальных интересов страны	123
<i>Тропин О.В.</i> Национальная культура как фактор устойчивости региональной безопасности России	131
<i>Данюшина Ю.В.</i> Мемы Майдана и украинского кризиса	135
<i>Рыбалко О.М.</i> Рефлексивность журналиста – субъекта обеспечения безопасности региональной массово-коммуникативной системы	140

Научное общество молодых ученых (НОМУ) имени Ивана Кирилловича Макаренко

Выступления

<i>Бухтенков А.А.</i> Государственная поддержка национально-ориентированного бизнеса – важный фактор экономической безопасности страны	149
--	-----

<i>Кожухов А.В.</i> Доминанты антинаркотической политики России	155
<i>Медведев Д.А.</i> Методологические особенности стратегического управления в сфере региональной безопасности: анализ европейского опыта	161
<i>Пенкина В.А.</i> Региональный и местный уровни управления информационной безопасностью (на примере Московской области)	167
<i>Замотаев Д.Ю.</i> Механизмы влияния зарубежных неправительственных организаций на региональную безопасность России	171
<i>Миронов А.А.</i> Семантические риски стратегического планирования	176
<i>Исмоилов Ф.Ш.</i> Влияние «афганского фактора» на безопасность пограничных регионов России	185
<i>Бессонов А.О.</i> Стратегическое планирование в контексте противодействия духовной экспансии	190

Студенческий сектор НОМУ

Выступления

<i>Ошовский В.М.</i> Что тормозит развитие дальневосточных программ	193
<i>Сильченков И.А.</i> Особенности немецкой арктической политики	197
<i>Стрижаков М.В.</i> Интересы Индии в Арктике: союз с Россией	201
<i>Шкрум В.И., Петров Ф.В.</i> Некоторые аспекты японской арктической стратегии	204
Аннотации / Abstracts	208

ПРЕДИСЛОВИЕ

Вторая Всероссийская научно-практическая конференция, проведенная Факультетом национальной безопасности Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации в продолжение исследований проблем стратегического управления в сфере национальной безопасности России, была посвящена вопросам обеспечения региональной безопасности субъектов Российской Федерации.

В работе конференции приняли участие научные сотрудники научно-исследовательских институтов и центров, преподаватели вузов, представители органов государственной власти и управления, специалисты информационно-аналитических управлений и департаментов органов государственной власти, регионального и муниципального управления, аспиранты и магистранты. Более ста исследователей прислали тезисы выступлений по основным направлениям работы конференции:

- теория и методология стратегического управления региональной безопасностью;
- совершенствование правовых, административных, организационных основ стратегического планирования на региональном уровне;
- подходы и методы баланса интересов в сфере международного сотрудничества регионов Российской Федерации;
- механизмы обеспечения баланса интересов на федеральном и региональном уровнях в стратегической перспективе;
- подготовка кадров для системы стратегического управления региональной безопасностью.

Докладчики были едины во мнении, что в условиях роста глобальной нестабильности обеспечение подготовки и принятия оптимальных решений стратегического характера в области безопасности государства является ключевым условием его полноценного развития. Теоретические, методологические и методические подходы к стратегическому управлению в сфере

национальной безопасности должны быть адекватны сложности проблем управления развитием российских территорий, а новые механизмы и инструменты способны обеспечить эффективное противодействие внутренним и внешним угрозам и вызовам. Острота вопросов для большинства территорий обусловлена несовершенством инструментария планирования, проектирования, мониторинга и оценки состояния национальной безопасности в региональном разрезе; слабостью механизмов и институтов, обеспечивающих сбалансированное развитие субъектов РФ, выравнивание диспропорций на основе новых и перспективных инструментов развития; недостатком профессионализма и ответственности управленческих кадров при выполнении должностными лицами функциональных обязанностей. Сложные задачи обеспечения безопасности предстоит решать в сфере управления экономическим, социально-политическим, оборонным комплексом Крымского полуострова, а также развитием территорий Дальнего Востока и Северного Кавказа.

Такое положение во многом является следствием недостаточно проработанной политики регионального развития, сопряжения интересов и функций органов управления федерального и регионального уровней. Актуальность изменения ситуации обострена активизацией внешней политики зарубежных государств по продвижению своих интересов в Арктике, в странах ближнего российского зарубежья в ущерб национальным региональным интересам России.

Эти и другие проблемные темы прозвучали в докладах и выступлениях участников научно-практической конференции «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: безопасность регионов России». Наиболее интересные тексты публикуются в данном сборнике.

С.В. Смутьский –
декан Факультета национальной безопасности РАНХиГС,
доктор политических наук, профессор

**РАЗДЕЛ 1. ТЕОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ
СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ
В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ**

ДОКЛАДЫ

ДОКЛАДЫ

Назаров В.П.

РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ЗАДАЧИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Тема научно-практической конференции «Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: безопасность регионов России» в высшей степени актуальна. Она является важнейшей для развития страны и обеспечения ее национальной безопасности, так как затрагивает ключевой вопрос – повышение эффективности государственного управления.

Важность проблемы повышения эффективности государственного управления отмечена в Указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» и № 596 «О долгосрочной государственной экономической политике».

Эти Указы нацелены на формирование в стране целостной системы стратегического управления и его важнейшей составляющей – стратегического планирования.

И работа, которая в настоящее время проводится на этом направлении, показывает особую важность и социальную значимость повышения эффективности деятельности органов государственной власти в контексте развития гражданского общества.

В Послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию в 2012 г. в числе прочих вопросов по основным направлениям внутренней и внешней политики государства были отражены ключевые принципы новой модели государственного управления.

Суть этой модели заключается в ориентации работы всех звеньев государственного механизма и уровней власти на измеримый,

прозрачный и понятный для общества результат, а также в повсеместном внедрении новых форм и методов контроля и качественно иных критериев оценки эффективности власти.

Тема конференции напрямую соотносится с указаниями главы государства.

Практика показывает, что стратегическое управление в сфере обеспечения национальной безопасности требует уточнения, а в ряде случаев – выработки новых механизмов и инструментов, а также усиления акцентов на проблемах развития российских территорий, на что также неоднократно обращал внимание Президент России.

С позиции обеспечения национальной безопасности Российской Федерации региональная тематика занимает все более заметное место, в том числе в работе Совета Безопасности Российской Федерации. В частности, за последние годы дважды рассматривались проблемы развития Арктики, сформирована государственная политика на этом направлении, принят ряд стратегических документов.

Много внимания уделено вопросам выработки и реализации государственной политики на территории Северо-Кавказского федерального округа. Все вы видите внимание государства к развитию Дальнего Востока и Сибири, что является следствием решений, принятых Советом Безопасности России в отношении этих территорий.

Мы уделяем все больше внимания проблемам сохранения суверенитета и территориальной целостности страны, исходя из новых угроз и вызовов. Общим в этой работе является то, что на опыте подготовки решений отчетливо проявляется необходимость выработки взвешенной и ресурсообеспеченной политики регионального развития.

Очевидно, что без такой политики невозможно реализовать конкурентные преимущества России, добиться безопасности личности, общества, государства, а также сложно решать вопросы укрепления политической стабильности, борьбы с терроризмом и экстремизмом, обеспечения единства и территориальной целостности страны.

Несовершенство регионального развития страны может стать системным вызовом национальной безопасности Российской Федерации.

Государственная политика регионального развития должна обеспечивать решение целого комплекса вопросов. Учитывая тему

конференции, наиболее важными являются вопросы совершенствования системы документов обеспечения национальной безопасности, в том числе на региональном уровне, а также вопросы развития системы оценки состояния национальной безопасности как важнейшего элемента подготовки управленческих решений.

На концептуальном уровне принципиальные подходы к решению проблем регионального развития определяются Конституцией Российской Федерации.

Кроме того, вы знаете, что Указом Президента Российской Федерации от 3 июня 1996 г. № 803 утверждены Основные положения региональной политики в Российской Федерации.

Этот документ направлен на укрепление государственности в Российской Федерации, совершенствование федерализма, создание условий для более эффективного и гармоничного развития регионов Российской Федерации.

Вместе с тем, Основные положения разрабатывались в другой исторической ситуации. Сегодня цели, установленные Основными положениями, достигнуты. Выработаны и апробированы новые механизмы поддержки регионов, совершенствования межбюджетных отношений. Обеспечены экономические, социальные, правовые и организационные основы федерализма, создано единое экономическое пространство.

Однако задача совершенствования стратегического планирования на региональном уровне не может быть снята с повестки дня.

Одной из ключевых практических проблем остается слабость механизмов и институтов, обеспечивающих сбалансированное развитие регионов России на основе новых и перспективных инструментов развития.

В стране сохраняются общие для большинства субъектов Российской Федерации проблемные ситуации в сфере регионального развития. В их числе – нерешенность задач снижения социального и имущественного неравенства, низкие темпы выравнивания диспропорций в развитии регионов России.

Нас не могут не тревожить вопросы роста социальной напряженности и протестной активности населения, распространения

идеологии терроризма и экстремизма на фоне значительного уменьшения темпов роста реального сектора экономики.

Отчетливую угрозу национальной безопасности представляет миграционная проблема. Сегодняшняя политика не обеспечивает в этой сфере поддержание этнодемографического баланса в российском обществе.

Требуется продолжение системной работы, прежде всего в регионах России, по повышению уровня и качества жизни российских граждан, полному их обеспечению социальными гарантиями, предусмотренными законодательством в области здравоохранения, образования, культуры.

Такое положение во многом является следствием недостаточно проработанной политики регионального развития.

Учитывая разноплановый и многофакторный характер задач в области регионального развития, формирование эффективной государственной политики в этой области возможно на основе широкого применения стратегического планирования.

При этом принципы и механизмы стратегического планирования на федеральном и региональном уровне должны быть в максимальной степени унифицированы едиными методиками и регламентами.

Достижение целей развития страны и обеспечения ее безопасности осуществляется за счет последовательной реализации ряда функций стратегического планирования.

Во-первых, анализа внутренних и внешних условий и тенденций, выявления возможных угроз и ограничений в сфере обеспечения национальной безопасности.

Во-вторых, целеполагания и прогнозирования государственной политики Российской Федерации в области обеспечения национальной безопасности.

В-третьих, концептуального определения оптимальных сценариев достижения планируемого состояния национальной безопасности, а также широкого применения в практической деятельности программно-целевого метода при формировании программных документов стратегического планирования.

Неотъемлемой частью стратегического планирования является

организация мониторинга и контроля эффективности реализации государственной политики в области обеспечения национальной безопасности.

Важным элементом стратегического планирования является совершенствование нормативно-правовой базы. В этой связи хотел бы проинформировать участников конференции, что в настоящее время завершается доработка и подготовка ко второму чтению законопроекта «О государственном стратегическом планировании»*.

Для практики государственного управления важно, что Законопроект определяет:

механизмы координации стратегического управления и бюджетной политики;

полномочия и функции федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации;

порядок взаимодействия участников стратегического планирования,

а также систему документов стратегического планирования на федеральном, региональном, отраслевом и муниципальном уровнях.

Кроме того, Законопроект учитывает особую важность для обеспечения национальной безопасности таких предметных областей, как национальная оборона, государственная и общественная безопасность, внешнеполитическая деятельность и предусматривает установление особого порядка формирования документов стратегического планирования в этой сфере.

С принятием федерального закона «О государственном стратегическом планировании» создается единая система правоотношений в рамках стратегического планирования, сформирована иерархия документов стратегического планирования в соответствии с их целевым назначением.

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации на федеральном уровне разработано более 250 документов стратегического планирования.

В это число входят 2 долгосрочных прогноза, 7 доктрин, 28 основ

* Федеральный закон № 172-ФЗ от 28.06.2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации» – принят Государственной Думой 20 июня 2014 г., одобрен Советом Федерации 25 июня 2014 г. – *Ред.*

государственной политики, 50 стратегий, комплекс планово-организационных документов в рамках единого Плана обороны Российской Федерации, а также концепции, государственные и федеральные целевые программы.

Вместе с тем массив принятых документов стратегического планирования по стратегическим национальным приоритетам распределен неравномерно. Недостаточная концептуальная и программно-целевая проработка снижает эффективность государственной политики при реализации отдельных приоритетов, а также степень защищенности от различного вида вызовов и угроз.

Очевидно недостаточное внимание к культуре и экологии, а также к вопросам обеспечения информационной безопасности.

Во многом это отражается на реализации указанных стратегических приоритетов, состояние которых сегодня оценивается как неудовлетворительное или близкое к этой оценке.

Инструментом корректировки и совершенствования системы документов стратегического планирования является *Перечень документов стратегического планирования* Российской Федерации, подлежащих утверждению и актуализации в краткосрочной перспективе.

Проект Перечня готовится Аппаратом Совета Безопасности совместно с Аппаратом Правительства на каждые три года и утверждается Президентом Российской Федерации.

При формировании такого Перечня мы учитываем, что исходной позицией всей системы документов стратегического планирования является *стратегическое целеполагание*, то есть постановка генеральной цели развития Российской Федерации и совокупности целей в рамках стратегических национальных приоритетов.

На основе такого целеполагания в области регионального развития ключевым документом должна стать *Стратегия пространственного развития Российской Федерации*, порядок разработки которой определяется Правительством Российской Федерации.

Это новый тип документа стратегического планирования, предусмотренный законопроектом, определяющий приоритеты, цели и задачи регионального развития Российской Федерации

и направленный на поддержание устойчивости системы расселения на территории Российской Федерации.

Кроме того, ведется разработка «Основ государственной политики регионального развития», которые должны прийти на смену Основным направлениям, о которых я говорил ранее.

Особенность этого документа заключается в том, что типовые Основы государственной политики сочетают в себе принципы целеполагания и, одновременно, меры нормативно-правового регулирования, что делает их наиболее действенным инструментом стратегического планирования.

Необходимость разработки такого документа определяется задачами по совершенствованию системы государственного управления на региональном уровне.

Стратегическое планирование и стратегическое управление находятся в непрерывной взаимосвязи и взаимовлиянии. Эта диалектическая взаимосвязь обеспечивается мониторингом реализации документов планирования, оценкой хода их выполнения и периодической корректировкой документов стратегического планирования по результатам мониторинга.

Наиболее сложным и проблемным является вопрос количественной оценки состояния национальной безопасности в рамках реализации стратегических национальных приоритетов.

Сегодня для этих целей актами Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации утверждены показатели, характеризующих развитие отдельных предметных областей обеспечения национальной безопасности. В их числе следует отметить Перечень критериев и показателей национальной безопасности (Основы стратегического планирования в Российской Федерации утверждены Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 536), в котором содержится 83 показателя. В целях оценки состояния национальной безопасности работают и иные инструменты:

– Перечень индивидуальных показателей для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации (утвержден Постановлением Правительства Российской Федерации от 3 ноября 2012 г. № 1142);

– Основные характеристики состояния национальной безопасности, установленные Стратегией национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (утверждена Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537);

– 41 целевой индикатор состояния национальной безопасности и социально-экономического развития страны, установленный в составе Указов Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г.;

– Целевые индикаторы и показатели государственных программ Российской Федерации и федеральных целевых программ, реализуемых в рамках стратегических национальных приоритетов.

Таким образом, создан достаточно разнообразный инструментарий. Вместе с тем он работает недостаточно эффективно, особенно – на региональном уровне.

Кроме того, важным практическим инструментом оперативного реагирования на стратегические риски и угрозы обеспечению национальной безопасности являются выездные совещания Секретаря Совета Безопасности в федеральных округах.

Как правило, на этих совещаниях значительное место уделяется вопросам реализации чувствительных для обеспечения национальной безопасности приоритетов, прежде всего – государственной и общественной безопасности.

За последние годы в работе на этом направлении удалось добиться заметных результатов в части противодействия нелегальной миграции и незаконному обороту наркотиков, локализации межнациональных и межконфессиональных конфликтов, стабилизации общественных отношений.

Удалось решить ряд задач обеспечения экологической безопасности и природопользования, комплексного развития территорий Арктической зоны Российской Федерации, Сибири и Дальнего Востока.

Проводимый аппаратом Совета Безопасности мониторинг выполнения решений выездных совещаний свидетельствует об их достаточно высокой эффективности при реализации

государственной политики национальной безопасности в федеральных округах.

На направлении обеспечения национальной безопасности остается ряд задач, требующих дальнейшей научно-практической проработки. Это в частности:

- отсутствие методики формирования агрегированной оценки состояния предметных областей национальной безопасности;

- отсутствие единой методологии разработки документов стратегического планирования на федеральном и региональном уровнях;

- отсутствие Единых организационных регламентов взаимодействия разработчиков на федеральном и региональном уровнях;

- необходимость совершенствования инструментария мониторинга и оценки состояния национальной безопасности, в том числе – в региональном разрезе.

- задача научно-методического обоснования выбора вида акта об утверждении документа стратегического планирования в зависимости от места в иерархии и целевого назначения в целях повышения его регулирующего воздействия.

Вместе с тем наиболее важной задачей является совершенствование инструментария мониторинга и оценки состояния национальной безопасности в региональном разрезе, на что я хотел бы обратить внимание участников нашей работы при дальнейшем обсуждении проблемы.

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ЛУЧШИЕ ПРАКТИКИ ОРГАНИЗАЦИИ ПЛАНИРОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Большинство угроз национальной безопасности России затрагивают безопасность всех регионов Российской Федерации. Однако аспекты обеспечения безопасности Российской Федерации на уровне субъектов России не получили должного внимания в процессе становления концептуальных основ национальной безопасности. Так, в Концепциях национальной безопасности 1997 и 2000 гг., а также действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. нет упоминаний о региональной составляющей как участия субъектов Российской Федерации в обеспечении национальной безопасности страны. Вместе с этим, учитывая мультикультурный, многонациональный состав российского общества, а также федеративное устройство Российской Федерации, важен не только общенациональный, но и региональный уровень безопасности, так как угрозы безопасности личности, социальных групп, населения отдельных территорий могут существенно различаться по своей природе и значимости.

В то же время в ст. 72 Конституции Российской Федерации установлено, что вопросы обеспечения законности, правопорядка, общественной безопасности, экологической безопасности находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации. Одновременно с этим ст. 73 Конституции Российской Федерации определяет, что вне пределов ведения Российской Федерации и полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов, субъекты Российской Федерации обладают всей полнотой государственной власти.

При этом ст. 76 Конституции Российской Федерации устанавливает, что вне указанных пределов ведения субъекты Российской Федерации осуществляют собственное правовое регулирование, включая принятие законов и иных нормативных

правовых актов, которые, однако, не могут противоречить федеральным законам. Таким образом, из Конституции РФ следует, что решение широкого круга вопросов обеспечения безопасности в субъектах Федерации, не конкретизированных в Конституции, является компетенцией как федеральных органов государственной власти, так и органов государственной власти самих субъектов Российской Федерации.

О том, что именно на такой основе федеральным законодательством и принимаемыми в его развитие подзаконными нормативными правовыми актами Российской Федерации осуществляется правовое регулирование вопросов обеспечения безопасности субъектов Российской Федерации, т. е. региональной безопасности, свидетельствует целый ряд принятых федеральных законов, актов Президента и Правительства Российской Федерации.

При этом органам государственной власти субъектов Российской Федерации вменяется принимать как самостоятельно, так и совместно с федеральными органами исполнительной власти различные меры по решению широкого круга вопросов обеспечения безопасности на территориях соответствующих субъектов Российской Федерации.

Таким образом, использование потенциала федерализма в процессе развития системы национальной безопасности заложено в российском законодательстве.

Говоря о российском федерализме (федеративных отношениях), стоит отметить, что он базируется на принципах равноправия всех субъектов Российской Федерации, разграничения предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов Российской Федерации, самостоятельного осуществления органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления принадлежащих им полномочий. Урегулирование этих отношений является важнейшим условием для обеспечения целостности и единства государства.

Конституционные принципы организации деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации раскрыты в Федеральном законе от 6 октября 1999 г. № 184-ФЗ

«Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 184-ФЗ). Системное развитие федеративных отношений позволило упорядочить положения отраслевого законодательства, обеспечив должное разграничение полномочий и предметов ведения между уровнями публичной власти в Российской Федерации. В рамках создания единого правового пространства в Российской Федерации развивается законодательство субъектов Российской Федерации.

В сфере федеративных отношений в течение последнего десятилетия активно шел процесс децентрализации полномочий органов государственной власти, их перераспределения с федерального уровня на региональный.

В частности, с 2005 г. в Российской Федерации активно применяется институт передачи части полномочий Российской Федерации по предметам совместного ведения для осуществления органам государственной власти субъектов Российской Федерации. Так, по состоянию на 1 января 2014 г. органы государственной власти субъектов Российской Федерации осуществляют 101 собственное полномочие по предметам совместного ведения Российской Федерации и субъектов Российской Федерации и 100 переданных полномочий. Основной задачей правоприменения указанного института является передача с соответствующим финансовым и материальным обеспечением оказания отдельных государственных услуг или осуществления государственных функций на тот уровень власти, на котором они могут более эффективно осуществляться. При этом на федеральном уровне остается возможность контроля за осуществлением переданных полномочий, а также их изъятия в случае неэффективного исполнения.

Так, в соответствии со ст. 21 Федерального закона № 184-ФЗ высший исполнительный орган государственной власти субъекта Российской Федерации осуществляет в пределах своих полномочий меры:

- по реализации, обеспечению и защите прав и свобод человека и гражданина, охране собственности и общественного порядка,

противодействию терроризму и экстремизму, борьбе с преступностью;

- по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств;

- по предотвращению ограничения прав и дискриминации по признакам социальной, расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности;

- защите прав национальных меньшинств;

- социальной и культурной адаптации мигрантов;

- профилактике межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечению межнационального и межконфессионального согласия.

Кроме этого, в настоящее время ст. 26.3 Федерального закона № 184-ФЗ к полномочиям органов государственной власти субъекта Российской Федерации по предметам совместного ведения, осуществляемым данными органами самостоятельно за счет средств бюджета субъекта Российской Федерации, отнесено решение ряда вопросов в сфере региональной безопасности:

- предупреждения чрезвычайных ситуаций межмуниципального и регионального характера, стихийных бедствий, эпидемий и ликвидации их последствий, реализации мероприятий, направленных на спасение жизни и сохранение здоровья людей при чрезвычайных ситуациях;

- предупреждения ситуаций, которые могут привести к нарушению функционирования систем жизнеобеспечения населения, и ликвидации их последствий;

- осуществления в пределах своих полномочий мер по обеспечению государственных гарантий равенства прав, свобод и законных интересов человека и гражданина независимо от расы, национальности, языка, отношения к религии и других обстоятельств, предотвращению любых форм ограничения прав и дискриминации по признакам расовой, национальной, языковой или религиозной принадлежности; разработки и реализации региональных программ государственной поддержки, сохранения и развития языков и культуры

народов Российской Федерации, проживающих на территории субъекта Российской Федерации, осуществления иных мер, направленных на укрепление гражданского единства, межнационального и межконфессионального согласия, защиту прав национальных меньшинств, социальную и культурную адаптацию мигрантов, профилактику межнациональных (межэтнических) конфликтов и обеспечение межнационального и межконфессионального согласия;

- организации профилактики незаконного потребления наркотических средств и психотропных веществ, наркомании;

- организации тушения пожаров силами Государственной противопожарной службы (за исключением лесных пожаров, пожаров в закрытых административно-территориальных образованиях, на объектах, входящих в утверждаемый Правительством Российской Федерации перечень объектов, критически важных для национальной безопасности страны, других особо важных пожароопасных объектов, особо ценных объектов культурного наследия народов Российской Федерации, а также при проведении мероприятий федерального уровня с массовым сосредоточением людей);

- установления административной ответственности за нарушение законов и иных нормативных правовых актов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления, определения подведомственности дел об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации, организации производства по делам об административных правонарушениях, предусмотренных законами субъектов Российской Федерации;

- организации и осуществления на межмуниципальном и региональном уровне мероприятий по территориальной обороне и гражданской обороне, защите населения и территории субъекта Российской Федерации, включая поддержку в состоянии постоянной готовности к использованию систем оповещения населения об опасности, объектов гражданской обороны, создание и содержание в целях гражданской обороны запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств;

- создания, содержания и организации деятельности аварийно-спасательных служб и аварийно-спасательных формирований;
- организации и осуществления на территории субъекта Российской Федерации мероприятий по предупреждению терроризма и экстремизма, минимизации их последствий, за исключением вопросов, решение которых отнесено к ведению Российской Федерации;
- создания по решению органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации мобилизационных органов в зависимости от объема мобилизационных заданий (заказов) или задач по проведению мероприятий по переводу экономики субъекта Российской Федерации на работу в условиях военного времени и обеспечения условий работникам созданных мобилизационных органов, координации и контроля за проведением органами местного самоуправления и организациями, деятельность которых связана с деятельностью указанных органов или которые находятся в сфере их ведения, мероприятий по мобилизационной подготовке, а также осуществления методического обеспечения этих мероприятий.

В то же время достаточно большой круг властных полномочий, оказывающих существенное влияние на национальную безопасность в регионах, осуществляется территориальными органами федеральных органов исполнительной власти. Это приводит к параллелизму работы органов государственной власти различных уровней, снижению ответственности региональных и местных руководителей за развитие территорий, увеличению бюджетных расходов на содержание системы государственного и муниципального управления.

Национальная безопасность, как политическая система, представляет собой чрезвычайно сложный многоуровневый функциональный процесс, в котором своевременное обнаружение угроз и реагирование на них со стороны системы обеспечения национальной безопасности имеет первостепенную важность в практической деятельности по защите жизненно важных интересов личности, общества и государства.

Именно поэтому для обеспечения региональной и национальной безопасности государства необходима сбалансированность между федеральным и региональным уровнями государственного управления.

Взаимодействие федерального и регионального уровней

государственного управления оказывает большое влияние на политическую безопасность государства. Отрицание необходимости такого взаимодействия повлечет возникновение политического напряжения и дестабилизации обстановки в стране.

Сегодня в ряде субъектов Российской Федерации образованы структуры региональной безопасности, которые в рамках своей компетенции осуществляют исполнительно-распорядительную деятельность в сфере безопасности, проводят государственную политику и реализуют управление в указанной сфере деятельности. Успешным опытом функционирования органов региональной безопасности обладают Московская, Костромская, Рязанская, Тверская области, в город федерального значения Москва.

В числе основных задач, решаемых органами региональной безопасности этих субъектов, следует отметить противодействие коррупции, осуществление единой государственной политики по обеспечению законности и правопорядка, общественной безопасности, прав и свобод граждан, а также обеспечение экономической безопасности и безопасности жизнедеятельности населения; организация разработки и реализация антикоррупционной политики государства; организация мер, направленных на борьбу с экстремизмом, терроризмом, чрезвычайными ситуациями; организация мероприятий гражданской обороны.

Органы региональной безопасности также выполняют функции координации взаимодействия с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти соответствующих субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления муниципальных образований, общественными объединениями, воинскими формированиями по вопросам обеспечения безопасности на территории данных субъектов Российской Федерации.

Существование подобных государственных институтов на уровне субъектов Российской Федерации позволяет наиболее эффективно адаптировать направления национальной безопасности в соответствии с теми потребностями, которые возникают на территории конкретных регионов.

К примеру, в Рязанской области в качестве одного из приоритетов региональной безопасности определены обеспечение соблюдения установленного порядка использования средств бюджета Рязанской области и осуществление контроля в сфере закупок в соответствии с российским законодательством и иными нормативными правовыми актами о контрактной системе в сфере закупок.

Департамент региональной безопасности и противодействия коррупции г. Москвы в числе полномочий в указанной сфере определяет разработку проектов правовых актов мэра Москвы и Правительства Москвы о мерах по обеспечению законности при организации и проведении азартных игр и лотерей, а также о взаимодействии с правоохранительными органами и органами военного управления в сфере социальной поддержки сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих.

Главное управление региональной безопасности Тверской области помимо прочего осуществляет организационное, материально-техническое, информационное обеспечение деятельности областных мировых судей; формирование общего и запасного списков кандидатов в присяжные заседатели области для федеральных судов общей юрисдикции.

Департаментом региональной безопасности Костромской области был отработан механизм информирования администрации со стороны органов внутренних дел, который предоставлял возможность принимать адекватные меры по недопущению проявлений терроризма и экстремизма, отслеживать обстановку в сфере межнациональных отношений.

Рабочей группой по рассмотрению вопросов о несостоятельности (банкротстве) предприятий и организаций Костромской области были выявлены факты, указывающие на деятельность на территории данного субъекта организованной группы лиц, специализирующейся на организации и осуществлении правонарушений в данной сфере. По обращениям департамента к административной ответственности привлечено 20 арбитражных управляющих. За 2010-2011 гг. выявлено 20 преступлений, связанных с неправомерными действиями в преддверии или в ходе ведения процедур банкротства с общей суммой ущерба 123,2 млн руб.

В рамках антинаркотической деятельности этим же департаментом было организовано взаимодействие с ФСКН России по финансированию организации наркологического реабилитационного центра в Костромской области.

Кроме того, на структуры региональной безопасности возложены функции по координации взаимодействия с территориальными органами федеральных органов исполнительной власти, исполнительными органами государственной власти субъекта Российской Федерации, органами местного самоуправления муниципальных образований, общественными объединениями, воинскими формированиями по вопросам обеспечения безопасности на территории соответствующего субъекта Российской Федерации.

Немаловажную роль органы региональной безопасности также играют и в обеспечении осуществления мероприятий гражданской обороны, предотвращении стихийных бедствий и ликвидации их последствий. Региональная безопасность в чрезвычайных ситуациях обеспечивается в первую очередь следующими мерами:

- совершенствование и развитие единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера (в том числе объектовых, муниципальных и региональных сегментов), ее интеграции с аналогичными федеральными системами;

- повышение эффективности реализации полномочий органов местного самоуправления в области обеспечения безопасности жизнедеятельности населения;

- надлежащего содержания и регулярной модернизацией парка технологического оборудования и технологий производства на потенциально опасных объектах и объектах жизнеобеспечения;

- внедрения современных технических средств информирования и оповещения населения в местах их массового пребывания;

- своевременного выявления и предупреждения рисков диверсионно-террористических актов;

- минимизации последствий чрезвычайных ситуаций техногенного и природного характера.

В сфере гражданской обороны основные усилия органов региональной безопасности направлены на:

- повышение готовности гражданской обороны муниципальных образований, организаций, совершенствование систем управления, связи и оповещения;

- повышение уровня технической оснащенности сил гражданской обороны современными средствами ведения аварийно-спасательных работ;

- поддержание в готовности к использованию по назначению запасов средств индивидуальной защиты и фонда защитных сооружений гражданской обороны;

- создание в муниципальных образованиях в целях гражданской обороны запасов материально-технических, продовольственных, медицинских и иных средств;

- проведение мероприятий по обучению населения и подготовке руководящего состава, развитие нормативной правовой базы в области гражданской обороны.

В связи с этим, отсутствие органов региональной безопасности в большинстве субъектов Федерации приводит к рассредоточению полномочий в области региональной безопасности между различными органами исполнительной власти субъектов, что влечет за собой невозможность осуществления эффективного межведомственного взаимодействия и несвоевременное реагирование на возникающие в регионах угрозы национальной безопасности страны в целом.

Положительный опыт функционирования региональных органов безопасности достоин более внимательного изучения с целью распространения успешных практик на территории всех субъектов. При рассмотрении вопросов организации региональной безопасности представляется возможным использовать все доступные регионам инструменты и современные технологии:

– в рамках реализации положений Федерального закона № 184-ФЗ – региональные программы в сфере региональной безопасности, в частности региональные программы, направленные на профилактику правонарушений;

– механизм государственно-частного партнерства, который позволяет создавать на территориях субъектов организации некоммерческого партнерства негосударственных структур безопасности (частных охранных предприятий) и правоохранительных органов, направленные на сотрудничество и координация совместных действий частных охранных предприятий и подразделений полиции, направленных на обеспечение безопасных условий жизни граждан, защиты населения от терроризма, снижения уровня преступности, обеспечение общественного порядка в регионах. Необходимо предоставить негосударственным структурам безопасности (частным охранным предприятиям) и органам государственной власти возможность совместными усилиями внедрять и реализовывать проекты ГЧП, приводящие к созданию и дальнейшей эксплуатации имущества (зданий, помещений, объектов инфраструктуры и пр.) совместно с государством;

– использование современных технологий, таких как система ГЛОНАСС, позволяет создать комплексную муниципальную и региональную системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций. Результатом этого станет возможность пользоваться современным навигационным оборудованием в специальных автомобилях, обеспечить безопасность транспорта и технически сложных объектов, улучшить координацию и маневрирование сил и средств служб, отвечающих за предотвращение аварий и чрезвычайных ситуаций, за ликвидацию последствий природных и техногенных происшествий.

Дальнейшее развитие национальной безопасности возможно только путем осуществления эффективной региональной политики, в том числе непосредственно связанной с реализацией органами государственной власти субъектов Российской Федерации своих полномочий.

Мацнев Д.А.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ В СРЕДНЕСРОЧНОЙ И ДОЛГОСРОЧНОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года (далее – Стратегии), неравномерное развитие российских регионов отнесено к числу главных стратегических рисков и угроз в экономической сфере. Исторически Россия характеризуется чрезмерной дифференциацией экономического пространства. В европейской части страны сконцентрировано 80% обрабатывающей промышленности, а на востоке (в Сибири и на Дальнем Востоке) сосредоточены почти 2/3 объема выпуска продукции добывающей промышленности и преобладающая часть запасов важнейших природных ресурсов [1].

На усиление неравномерности в экономическом пространстве России существенно повлиял переход от командно-административных методов управления к рыночным. Упрочение связей с мировым рынком российских добывающих отраслей неизбежно препятствовало их спросу на продукцию отечественной обработки в силу ее неконкурентоспособности. Это неизбежно приводило к разнонаправленности экономического развития добывающих и обрабатывающих отраслей в России. В отраслях первой группы замедлялся спад производства и начинался его постепенный рост в силу их последовательной интеграции в систему мирохозяйственных связей. В отраслях второй группы спад производства продолжал углубляться из-за дальнейшего снижения его ресурсного обеспечения и уменьшения спроса на их продукцию.

Существенно, что такой хозяйственный механизм в условиях глобализации имеет самоподдерживающийся характер. Чем интенсивнее добывающие отрасли экономики России «врастают» в систему мирохозяйственных связей, тем глубже спад производства в ее обрабатывающих отраслях, препятствующий модернизации отечественной экономики. Это неизбежно ведет к еще более энергичным усилиям по развитию торговли с мировым рынком, в основе которой – ускоренное развитие добывающих отраслей промышленности и их интеграция в мирохозяйственные связи.

С 2001 г. начинается новый период в развитии российской экономики. В его основе – благоприятная внешнеэкономическая конъюнктура, позволившая достичь высоких темпов экономического роста. Мировая экономика активно развивалась, увеличивались

мировые цены на продукцию российских добывающих отраслей – нефть, газ, черные и цветные металлы. Высокие доходы от экспорта обеспечили увеличение внутреннего спроса на продукцию обрабатывающих отраслей отечественной промышленности.

В этих условиях снижение уровня неравномерности в экономическом пространстве России стало одной из целей государственной политики регионального развития, предложенной в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Политика включала широкий круг действий, обеспечивающих стимулирование экономического развития регионов, координацию инфраструктурных инвестиций государства и бизнеса, сокращение дифференциации в уровне и качестве жизни населения России [2].

Однако фактическое развитие экономики за период с 2008 г. свидетельствует о том, что реальное положение дел мало изменилось в лучшую сторону. По мнению российских ученых, для современной России характерна чрезмерная пространственная дифференциация экономики. Наиболее и наименее развитые регионы различаются между собой по величине валового регионального продукта (ВРП)* в 60 раз [3].

Для оценки тенденций изменения неравномерности регионального развития рассмотрим прогнозы территориального развития страны на среднесрочную и долгосрочную перспективу [4, с. 51-52, 292-334]. В их основе лежат два сценария: консервативный (энергосырьевой) и инновационный.

Консервативный (энергосырьевой) сценарий предполагает умеренные среднесрочные и долгосрочные темпы роста экономики на основе активной модернизации топливно-энергетического и сырьевого секторов российской экономики при сохранении относительного отставания в гражданских высоко- и среднетехнологичных секторах. Модернизация экономики ориентируется в большей степени на импортные технологии и знания. Среднегодовые темпы роста ВВП оцениваются на уровне 3,0-3,2% в 2013-2030 гг. Экономика увеличится к 2030 г. всего в 1,7 раза, реальные доходы населения возрастут в 1,9 раза, а доля России в мировом ВВП уменьшится с 3,8% в 2012 г. до 3,6% в 2030 г.

* Валовой региональный продукт (ВРП) – обобщающий показатель экономической деятельности региона, характеризующий процесс производства товаров и услуг. ВРП определяется как сумма вновь созданных стоимостей отраслей экономики региона [3, с. 872].

В рамках консервативного сценария используется сложившаяся модель российской экономики, которой предлагается придать динамизм за счет развития инфраструктуры и применения новых научно-технических решений в отраслях традиционной специализации. Предполагается качественно повысить уровень энергосырьевых отраслей и укрепить позиции России в мире как поставщика важнейших минерально-сырьевых ресурсов.

Это предполагает усиление поляризации между федеральными округами, европейской и азиатской частями России, что требует реализации крупных проектов по развитию транспортной и энергетической инфраструктуры.

Специализация субъектов, входящих в состав федеральных округов, будет в основном сохраняться, динамично развиваясь на основе ускоренного роста ресурсодобывающих отраслей: топливно-энергетического комплекса, черной и цветной металлургии, химии и транспорта. Не будут отставать и те обрабатывающие отрасли, которые работают на энергетику, добычу и первичную обработку сырья, транспорт. Вместе с тем обрабатывающие отрасли, не сопряженные с экспортно-сырьевым производством, будут развиваться сложившимися темпами, продолжая терять конкурентоспособность продукции на отечественном и мировом рынках.

Региональные пропорции экономики России в консервативном сценарии в основном сохранятся, поскольку они формируются в соответствии с имеющейся и прогнозируемой минерально-сырьевой и энергетической базой. Ее объекты расположены преимущественно в Дальневосточном и Сибирском федеральных округах.

Таким образом, осуществление консервативного сценария не будет сопровождаться значительными пространственными изменениями в распределении ВРП по территории России.

Отношение среднедушевых показателей ВРП в федеральных округах к средним по Российской Федерации в консервативном сценарии прогноза для среднесрочного (до 2020 г.) и долгосрочного (до 2030 г.) периодов представлено в таблице 1.

Из таблицы 1 видно, что и в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе распределение относительного среднедушевого ВРП по федеральным округам России в основном сохраняется по сравнению с фактически сложившимся распределением 2011 г. Вместе с тем, наблюдаются признаки диверсификации экономического роста за счет увеличения относительно среднедушевого ВРП в Центральном, Южном и Дальневосточном федеральных округах.

Таблица 1. Отношение среднедушевых показателей ВРП в федеральных округах к средним по Российской Федерации в консервативном сценарии прогноза, %

Федеральные округа России	2011 г. (факт.)	2020 г. (прогноз)	2030 г. (прогноз)
ЦФО	132,7	138,8	139,1
СЗФО	110,5	112,6	114,9
ЮФО	62,9	66,8	69,8
СКФО	35,8	37,7	38,2
ПрФО	72,7	70,5	69,7
УрФО	162,4	139,3	128,8
СФО	78,5	81,0	81,6
ДВФО	116,3	136,9	152,5
Уровень неравномерности (разы)	4,5	3,7	4,0

2020, 2030 гг. – Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [5, с. 284].

Из таблицы 1 видно, что и в среднесрочной, и в долгосрочной перспективе распределение относительного среднедушевого ВРП по федеральным округам России в основном сохраняется по сравнению с фактически сложившимся распределением 2011 г. Вместе с тем, наблюдаются признаки диверсификации экономического роста за счет увеличения относительно среднедушевого ВРП в Центральном, Южном и Дальневосточном федеральных округах.

В таблице 1 уровень неравномерности для 2020 г. равен отношению относительного среднедушевого ВРП Уральского федерального округа (139,3% – максимальное значение) к соответствующей величине Северо-Кавказского федерального округа (37,7% – минимальное значение).

Следовательно, для 2020 г. уровень неравномерности равен 3,7.

Для 2030 г. уровень неравномерности определяется отношением соответствующих показателей Дальневосточного (152,5% – максимальное значение) и Северо-Кавказского (38,2% – минимальное значение) федеральных округов. Таким образом, для 2030 г. в консервативном сценарии прогноза уровень неравномерности развития российского экономического пространства равен 4,0.

Инновационный сценарий характеризуется усилением инвестиционной направленности экономического роста. Сценарий нацелен на создание современной транспортной инфраструктуры и конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств

и экономики знаний наряду с модернизацией энергосырьевого комплекса. Сценарий предполагает превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста. Среднегодовые темпы роста российской экономики оцениваются на уровне 4,0-4,2% в 2013-2030 гг., что будет превышать рост мировой экономики и позволит увеличить долю России в мировом ВВП до 4,3% к 2030 г.

Модель инновационного развития отличается многополярностью распределения точек экономического роста. Поэтому она предполагает активное развитие городов и крупных городских агломераций на западе и востоке страны, «не привязанных» к сложившимся источникам энерго-сырьевых и финансовых ресурсов.

Регионализация производства в рассматриваемой модели будет зависеть от внедрения энергетических и транспортных проектов в южных, восточных и северных районах страны. Влиять на этот процесс будет также формирование новых центров экономического роста, реализующих имеющийся и создаваемый инновационный потенциал.

Инновационная модель требует проведения активной инвестиционной политики. Основной объем средств следует направить в Центральный, Приволжский и Уральский федеральные округа. В перспективе в суммарных инвестициях увеличивается доля Северо-Западного, Сибирского и Дальневосточного федеральных округов, где предполагается создание новых центров экономического роста.

В рамках инновационного сценария предполагается снижение в России доли промышленных видов деятельности и соответствующий рост отраслей сервисного сектора. Основными центрами промышленного роста в стране остаются Центральный и Приволжский федеральные округа за счет развития инновационных обрабатывающих отраслей.

Региональная структура добывающих отраслей в инновационном сценарии прогноза изменяется незначительно, поскольку она определена сложившейся минерально-сырьевой базой.

Особенность инновационной модели – рост отраслей сервисного сектора: информационно-коммуникационных, финансовых, образовательных, инновационных. Их темпы развития будут наиболее высокими в Центральном и Северо-Западном федеральных округах, а также в Северо-Кавказском, Уральском и Дальневосточном.

Однако инновационный рост экономики России в основном не приведет к заметному изменению относительных среднелетовых

показателей ВРП по территории страны в период между 2020 г. и 2030 г.

Для 2030 г. уровень неравномерности определяется отношением соответствующих показателей Дальневосточного (147,6% – максимальное значение) и Северо-Кавказского (40,8% – минимальное значение) федеральных округов. Следовательно, для 2030 г. в инновационном сценарии прогноза уровень неравномерности развития российского экономического пространства равен 3,6.

Для оценки влияния различных прогнозных сценариев и периодов прогнозирования на динамику уровня неравномерности российского экономического пространства рассмотрим таблицу 2.

Таблица 2. Уровень неравномерности развития российского экономического пространства в 2011-2030 гг. в различных прогнозных сценариях, разы

Прогнозные сценарии	2011 г. (факт.)	2020 г. (прогноз)	2030 г. (прогноз)
Консервативный	4,5	3,7	4,0
Инновационный		3,7	3,6

Из данных таблицы 2 следует, что уровень неравномерности развития российского экономического пространства в период 2011-2030 гг. для принципиально различных прогнозных сценариев изменялся незначительно. В 2011-2020 гг. данный показатель для различных сценариев вообще оказался одинаковым. В период 2020-2030 гг. уровень неравномерности несколько возрос для консервативного сценария и незначительно уменьшился – для инновационного.

Из этого следует, что региональные пропорции развития экономики России на длительный период отличаются стабильностью несмотря на значительный уровень межрегиональной дифференциации. Следовательно, исторически сложившаяся неравномерность в региональном развитии экономики России устойчиво сохраняется в длительной перспективе при различных стратегиях развития.

Это свидетельствует о постоянном существовании потенциального источника стратегических рисков и угроз национальной безопасности России на региональном уровне, который требует своего научного исследования и последующей нейтрализации.

Дополнительная государственная поддержка развития таких территорий и субъектов Российской Федерации может осуществляться

путем разработки и реализации государственных программ Российской Федерации или подпрограмм и федеральных целевых программ комплексного территориального развития входящих в их состав, а также путем создания зон территориального развития, с предоставлением на установленных федеральным законом специальных условий осуществления предпринимательской и иной экономической деятельности; субсидирования тарифов на услуги естественных монополий на территориях, где они определяют чрезмерно высокие издержки производства, а также отдельных видов деятельности.

Наличие данных Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. [5] позволяет представить динамику российского воспроизводственного процесса в течение 1992–2030 гг. в виде изменения индексов физических объемов основных макроэкономических показателей России за данный период.

Третий – *целевой форсированный сценарий* сформирован на основе инновационного сценария. Для него характерны активизированные темпы роста, повышенная норма накоплений бизнеса, создание масштабного несырьевого экспортного сектора и значительный приток иностранного капитала. Данный сценарий предусматривает полномасштабную реализацию всех задач, поставленных в указах Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. №596-606.

В соответствии с форсированным сценарием, среднегодовые темпы роста ВВП увеличиваются до 5,0-5,4% в 2013–2030 гг., что повышает долю российской экономики в мировом ВВП до 5,3% к 2030 г.

Представленные в таблице 3 ряды индексов физических объемов основных макроэкономических показателей России за 1992–2030 гг. получены присоединением к рядам, определенным на основе статистических данных Росстата и Статкомитета СНГ, показателей, рассчитанных в соответствии с тремя сценариями Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 г. Ряды всех показателей таблицы 3 рассчитаны за 39 лет.

Из таблицы 3 следует, что тенденции деформации воспроизводственного процесса в российской экономике, сложившиеся в 1992–2030 гг., продолжают действовать в период 2013–2030 гг. для всех трех сценариев прогноза развития России до 2030 г. Это свидетельствует о глубоком деформационном тренде, действовавшем и прогнозируемом в воспроизводственном процессе российской экономики.

Таблица 3. Индексы физических объемов основных макроэкономических показателей России за 1992–2030 гг., % к 1990 г. (1990=100%)*

Показатели	1992	2000	2013	2030 (прогноз)**		
				1	2	3
ВВП	81,0	67,0	118,0	197,0-204,0	434,0-242,0	278,0-298,0
Продукция промышленности	77,0	52,0	80,0	127,0	141,0	168,0
Продукция сельского хозяйства	86,0	62,0	91,0	нет данных	нет данных	нет данных
Инвестиции в основной капитал	51,0	26,0	66,0	151,0	186,0	273,0
Перевозки грузов предприятиями транспорта (без трубопроводного)	67,0	19,0	21,0	нет данных	нет данных	нет данных
Розничный товарооборот через все каналы реализации	97,0	97,0	289,0	526,0	626,0	795,0
Экспорт, млрд долл. США	53,6	103,1	523,3	1176,0	1438,0	1615,0
Импорт, млрд долл. США	43,0	33,9	344,3	909,0	1067,0	1244,0

*Рассчитано и составлено на основе:

1992–2013 гг. – статистических данных Росстата и Статкомитета СНГ за соответствующие годы; 2030 г. – данных «Прогноза долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года [5].

**Сценарии долгосрочного развития: 1 – консервативный сценарий (среднегодовые темпы роста экономики 3,0-3,2% в 2013–2030 гг., доля России в мировом ВВП уменьшается с 3,8% в 2012 г. до 3,6% в 2030 г.); 2 – инновационный сценарий (среднегодовые темпы роста экономики 4,0-4,2% в 2013–2030 гг., доля России в мировом ВВП увеличивается до 4,3% в 2030 г.; 3 – целевой (форсированный) сценарий (среднегодовые темпы роста экономики 5,0-5,4% в 2013–2030 гг., доля России в мировом ВВП повышается до 5,3% в 2030 г.).

Так, для третьего сценария долгосрочного развития России при увеличении ВВП за 1992–2030 гг. примерно в 3,7 раза, продукция промышленности возрастает ориентировочно в 2,2 раза, объем инвестиций в основной капитал – в 5,4 раза, розничный товарооборот через все каналы реализации – в 8,2 раза, российский экспорт и импорт – приблизительно в 30 раз.

По нашему мнению, такой глубокий и длительный деформационный тренд в воспроизводственном процессе российской экономики является важнейшей причиной устойчиво сохраняемой неравномерности. Поэтому главными направлениями обеспечения региональной безопасности России на современном этапе являются те, что способствуют нормализации воспроизводственного процесса в российской экономике:

- модернизация и инновации в промышленном и сельскохозяйственном производстве;
- всемерное наращивание инвестиций в основной капитал;
- насыщение розничного товарооборота товарами национального производства;
- расширение несырьевого экспорта;
- реализация политики импортозамещения;
- последовательное развитие внешнеэкономических связей со странами Евразийского экономического союза и государствами объединения БРИКС.

Согласованная комплексная реализация этих направлений развития воспроизводственного процесса российской экономики в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе способна снизить уровень стратегических рисков и угроз национальной безопасности России в сфере экономики.

Элементом стратегического планирования регионального развития должны стать баланс трудовых ресурсов в Российской Федерации и меры по регулированию внешней и внутренней миграции населения для формирования постоянных трудовых ресурсов на развивающихся, геополитически важных и депрессивных территориях. Такие меры должны быть согласованы и синхронизированы с реализацией мероприятий по активизации производственной деятельности на соответствующих территориях, созданию качественной социальной инфраструктуры, подготовке и переподготовке кадров для обеспечения потребности региональных экономик в трудовых ресурсах в территориальном и профессионально-квалификационном разрезе с учетом перспективных экономических специализаций субъектов Российской Федерации и долгосрочных инвестиционных планов крупных компаний и естественных монополий.

Документы управления региональной безопасностью должны быть взаимоувязаны с документами территориального развития Российской Федерации, субъектов и муниципальных образований, которые в свою очередь представляют собой один из инструментов управления комплексным развитием территорий и создают пространственно-территориальную основу для реализации стратегий и программ социально-экономического развития регионов и государства в целом.

Литература

1. Региональное развитие: опыт России и Европейского Союза / Рук. авт. колл. и отв. ред. А.Г. Гранберг. – М.: ЗАО «Изд-во «Экономика», 2000. – С. 19.
2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года. Глава VII. Региональное развитие / Официальный сайт Минэкономразвития России: Электронный ресурс. URL: <http://www.economy.gov.ru/>
3. Регионы России: Стат. сб. в 2-х т. Т. 2. Госкомстат России. – М.: АО Московский Издательский Дом, 2001. – С. 872.
4. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Научный доклад РАН / Под ред. академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. Официальный сайт РАН, 9 декабря 2013 г. Электронный ресурс. URL: <http://www.ras.ru/news/>
5. Прогноз долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года / Официальный сайт Минэкономразвития России. 25 марта 2013 г. Электронный ресурс. URL: http://www.economy.gov.ru/minec/activity/sections/macro/prognoz/doc20130325_06

Рыжов Г.Б.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В АРКТИЧЕСКОМ РЕГИОНЕ: ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

Начало XXI в. характеризуется радикальными изменениями геополитической, экономической и военно-стратегической обстановки в мире, которые стали возможными по причине обострения борьбы ведущих государств за энергетические, биологические и другие ресурсы. Существенное значение приобрели месторождения полезных ископаемых, расположенные в акваториях морей и океанов, при этом Арктика как богатейшая природно-сырьевая база стала местом столкновения интересов России, развитых европейских стран, Азии и Америки. При этом следует учитывать, что в российском секторе Арктического региона

сосредоточено около 30% мировых нефтяных и газовых запасов (на континентальном шельфе), 40% запасов золота, 90% хрома и марганца, практически всех российских запасов никеля, кобальта, титана, олова и минеральных удобрений. Здесь сконцентрированы жизненно-важные интересы нашего государства. Значимость национальной безопасности России в Арктике подтверждается Морской доктриной Российской Федерации [1], где арктическое региональное направление определено в качестве приоритетного.

Анализ **экономической деятельности** в Арктическом регионе показал, что на безопасность Российской Федерации в этом регионе влияют функционирование транспортных коммуникаций, освоение ресурсов побережья, акваторий и шельфа арктических морей. Главной транспортной магистралью Арктики, бесспорно, является Северный морской путь (СМП). Роль и значение СМП в развитии экономики и транспортных связей Северо-Востока России и, прежде всего, Республики Саха, Магаданской области и Чукотки, на долю которых приходится основная часть добычи алмазов, золота и олова, неуклонно возрастают. Кроме того, Северный морской путь является стратегической и кратчайшей морской коммуникацией, связывающей европейские страны с Дальним Востоком и западным побережьем Америки.

Однако при всей важности данной магистрали существуют факторы, препятствующие ее развитию. К ним относятся несоответствие портовой инфраструктуры СМП современным требованиям обеспечения судоходства, слабые возможности системы управления движением судов, отсутствие централизованной поисково-спасательной службы и прочее.

Все это не может не вызвать негативного отношения развитых морских держав к российской национальной принадлежности этой судоходной магистрали, что толкает отдельные страны на попытки вывода Северного морского пути из-под юрисдикции России и придание ему международного статуса. Это первая проблема национальной безопасности России в Арктике.

Освоение ресурсов арктических морей включает: разведку, добычу нефти и газа; рыбный промысел и добычу иных морских биологических ресурсов; добычу полезных ископаемых; использование

энергоресурсов океана; разведку и добычу строительных материалов; строительство специальных гидротехнических сооружений.

Минерально-сырьевые и, прежде всего, углеводородные ресурсы континентального шельфа Арктики в акваториях Баренцева, Карского, Чукотского, Берингова морей, а также в приполярной области Северного Ледовитого океана представляют собой важную часть национального достояния России.

В частности, в Баренцевом, Печорском и Карском морях выявлено более 100 нефтегазовых перспективных районов. По официальным оценкам, на Баренцево и Карское моря приходится около 80% начальных потенциальных ресурсов углеводородов всего континентального шельфа России, ориентировочные запасы которого составляют 90 млрд т условного топлива (13 млрд т нефти и 52 трлн м³ газа) [2].

Следует отметить, что разработка указанных нефтегазовых месторождений имеет фундаментальное значение не только для экономического развития Российского Севера, но и для обживания российским населением арктических территорий как фактора регионального присутствия России в Арктике.

Вместе с тем, в международных отношениях наблюдается неприятие отдельными государствами секторального принципа деления пространства Арктики и российской принадлежности большинства шельфовых месторождений нефти и газа. Претензии на беспрепятственную разработку углеводородов на арктическом шельфе предъявляют даже те государства, которые не имеют прямого выхода своих территорий в арктические моря, например, Великобритания, Франция, Япония и Китай.

Косвенное противодействие разработкам шельфовых месторождений осуществляется в виде незаконных действий различных западных неправительственных организаций по отношению к российским буровым платформам в Баренцевом море и судам в портах западноевропейских государств, обеспечивающих деятельность буровых платформ в Арктике.

Разведенные запасы углеводородного сырья в Арктическом секторе Российской Федерации наряду с нарастающим политическим

противодействием экономической деятельности России в Арктике свидетельствуют о перспективности разработки нефти и газа в «арктических морях». Однако темпы освоения указанных национальных месторождений, по ряду объективных и субъективных причин, остаются слабыми, что не способствует устойчивому развитию российского Арктического региона и это вторая проблема национальной безопасности Российской Федерации в Арктике.

Промысловая обстановка в Северном бассейне в 2015-2020 гг. будет определяться, с одной стороны, состоянием запасов рыбных ресурсов и моллюсков, с другой – состоянием промыслового флота. В настоящее время общий объем добычи морских биологических ресурсов может составить до 390 тыс. т в год с учетом наличия возможности ведения круглогодичного промысла в акваториях Баренцева и Норвежского морей. Однако общее количество российских судов, участвующих в рыболовстве в бассейне арктических морей, неизменно сокращается из-за списания устаревших судов при незначительных объемах строительства новых кораблей, при этом выработка ресурса старых судов, находящихся в эксплуатации, в ближайшей перспективе будет только возрастать.

В этих условиях нельзя исключать роста интенсивности деятельности иностранных судов в российской морской экономической зоне вследствие невозможности российского промыслового флота освоить все районы промысла. А ведь морские биологические ресурсы являются важной составной частью продовольственного комплекса страны. Кроме того, занятость населения приморских регионов России в добыче морских биологических ресурсов весьма значительна, и Арктика в этом смысле не является исключением.

Таким образом, снижение числа и устаревание судов промыслового флота России в Арктике является еще одной проблемой национальной безопасности Российской Федерации в Арктике в экономической сфере.

Основными **геополитическими факторами** в Арктическом регионе являются: беспрепятственный и круглогодичный выход морских путей Российской Федерации к странам Европы, Африки, Америки и Юго-Восточной Азии; преимущественное право России в освоении Арктики, поскольку протяженность ее арктического

побережья составляет более 52% от общей протяженности побережья арктических государств; расширение российских владений арктического шельфа на 1,2 млн км² по итогам экспедиций «Арктика-2000», «Арктика-2005, 2007 и 2008».

Секторальное деление Арктики, за которое выступает Россия, находит поддержку у Канады. Вместе с тем на сегодняшний день можно утверждать, что приарктические государства не имеют единой позиции по делению Арктики, например, Норвегия и Дания выступают за иной принцип ее раздела, чем успешно пользуются США в своей политической деятельности.

Политическое руководство США отказывается ратифицировать Конвенцию ООН по морскому праву, что позволяет ему не связывать себя обязательствами с другими странами при проведении морской политики. Одновременно в рамках реализации своих интересов в Арктике США особое внимание уделяют формированию у мирового сообщества негативного отношения к другим приполярным государствам как к непосредственным конкурентам за контроль в регионе. Уже сейчас в рамках стратегии Вашингтон проводит кампанию, направленную на дискредитацию действий России и Канады в Арктике в глазах ООН и других различных политических институтов [3].

Следовательно, в сложившейся обстановке в явном виде присутствует проблема в политической сфере национальной безопасности России, которая заключается в отсутствии единой арктической политики у государств, имеющих выход в Арктику, не смотря на функционирование международного Арктического совета.

Основным **военным фактором** в Арктическом регионе является расширение деятельности НАТО в Арктике, анализ которой показал, что за период 2009-2010 гг. в Арктическом регионе существенно повысился уровень военного присутствия США и других стран НАТО. Подтверждением тому является следующий факт: в течение 2009-2010 гг. в Арктическом океанском районе и на прилегающих территориях приарктическими странами проведено 11 мероприятий оперативной и боевой подготовки (в 2005-2008 гг. – семь), из них девять совместных, два – национальных (ВС Канады).

Командование стратегических исследований НАТО в 2010 г. внесло изменения в план оперативной и боевой подготовки коалиционных войск (сил) на 2010-2015 гг., увеличив на 20% количество проводимых учебно-боевых мероприятий альянса в районах Крайнего Севера.

Кроме этого, с участием ВМС США выполнено восемь научно-исследовательских экспедиций, из которых три – совместные (США, Канада).

Анализ военных факторов, влияющих на национальную безопасность России, свидетельствует о коалиционном характере действий арктических государств по милитаризации Арктики, что создает условия по формированию системной угрозы в сфере обеспечения военной безопасности России.

Необходимо отметить, что совершенствование военной деятельности НАТО в Арктике происходит на фоне снижения боевого потенциала Северного флота, в частности, в силах общего назначения. Вырабатывается ресурс существующих надводных кораблей при одновременном отсутствии строительства новых кораблей океанской зоны. Силы морской авиации, принесшие около 70% побед в войне на море в годы Второй мировой войны, сокращены до минимума. Вооружение и военная техника береговых войск длительное время не обновляются.

Активизация учений и боевых походов в последние два года свидетельствует о понимании руководством Минобрны России наличия острых противоречий в области обеспечения военной безопасности России в Арктике и поиске путей их решения. Становится ясно, что рациональных решений, связанных с применением только одного флота, в обеспечении военной безопасности в Арктике быть не может.

Совокупность представленных военных факторов и степень их влияния на национальную безопасность России в Арктике убедительно свидетельствует о наличии проблемы обеспечения военной безопасности в Арктическом регионе.

Анализ экономической и военно-политической деятельности в Арктике позволил сформулировать принципы обеспечения безопасности морской деятельности России в Арктике. Они классифицированы как общие и частные.

Общие принципы раскрывают обобщенные рекомендации обеспечения национальной безопасности. К ним относятся:

- 1) учет взаимовлияния уровня безопасности в экономической, политической и оборонной сферах;
- 2) приоритетность невоенных мер при разрешении противоречий в Арктическом регионе;
- 3) адекватность реагирования на угрозы Российской Федерации в Арктическом регионе с применением как невоенных, так и военных мер;
- 4) принцип единой ответственности за национальную безопасность России в Арктике.

Учет взаимовлияния уровня безопасности в экономической, политической и военно-морской деятельности государства зиждется на основе анализа опыта морской экономической деятельности (МЭД), политической, военно-морской деятельности (ВМД) ведущих морских держав. Деятельность государства в каждой из этих приоритетных сфер не может быть изолированной. Напротив, МЭД, политическая деятельность и ВМД имеют устойчивые взаимосвязи. В частности, в бытность СССР и наличия мощного Северного флота и достаточного количества сил морской пограничной службы, что позволяло держать в районах Баренцева, Норвежского морей на постоянной основе группировки кораблей боевой службы, препятствования со стороны Норвегии отечественному рыбному промыслу не отмечалось. Но с начала 1990-х гг. Северный флот значительно утратил свой боевой потенциал и его корабли стали нести боевую службу эпизодически. В результате с 2000-х гг. по настоящее время суда российских рыболовецких кампаний регулярно задерживаются кораблями береговой охраны ВМС Норвегии [4, 5]. Это прямая связь военно-морской деятельности с безопасностью МЭД России в Арктике.

В арктической региональной политике безопасности Россия отдает приоритетность невоенным мерам: политическим, экономическим, информационным, правовым. Применение вооруженного насилия во внешней или внутренней политике нашего государства является крайним случаем и возможно только лишь тогда, когда иными мерами разрешить возникшие противоречия не представляется возможным.

Адекватность реагирования системы безопасности ожидаемому характеру угроз в различных сферах морской деятельности состоит в строгом соответствии предпринимаемых мер невоенного и военного характера степеням угроз в различных сферах обеспечения безопасности в регионе. Любые изменения в характере угроз национальной безопасности должны вызывать корректуру мероприятий невоенного и военного характера.

Реализация принципа достигается:

при возрастании степени экономических, социально-политических, экологических и других невоенных угроз – увеличением количества и степени воздействия политических, экономических, юридических и др. санкций;

при возрастании степени военных угроз – увеличением количества и качества группировок сил (войск) в Арктическом регионе, интенсификацией их оперативной и боевой подготовки;

при уменьшении угроз национальным интересам Российской Федерации – свертыванием количества мероприятий невоенного и военного характера до минимально необходимых.

Важнейший принцип, на котором базируется отечественная региональная арктическая политика, – принцип единой персональной ответственности за национальную безопасность России в Арктическом регионе в целом.

Реализация принципа осуществляется в ходе принятия решения и последующего утверждения должностным лицом Плана обеспечения безопасности России в Арктическом регионе на определенный срок. Такой срок может быть определен методом экспертных оценок, либо назначен Президентом Российской Федерации. Принцип учитывает, что силы и средства, выделенные для обеспечения национальной безопасности в Арктике, действуют по единому плану, утвержденному конкретным должностным лицом и под его руководством.

Частные принципы сформулированы относительно основных сфер морской деятельности Российской Федерации в Арктическом регионе. Так, основными принципами обеспечения безопасности *в экономической сфере* являются:

сосредоточение усилий на обеспечении безопасности критически важных объектов МЭД;

минимизация для объектов МЭД уровня опасностей и угроз техногенного, природного и антропогенного характера;

обеспечение безопасности объектов МЭД в Арктике с применением силовой составляющей морского потенциала государства.

Наиболее важными принципами национальной морской политики России в Арктике являются:

единство государственной национальной морской политики в Арктике;

соблюдение общепринятых норм международного права и международных договоров Российской Федерации при реализации национальной морской политики в Арктике;

обоснованное рациональное применение силовой составляющей морского потенциала страны при реализации национальной морской политики в Арктике.

Дальнейшее развитие указанных принципов, выполненное с учетом тенденций в изменении геополитической обстановки в Арктике и с учетом закономерностей морской деятельности [6], позволило сформулировать новые принципы обеспечения военной безопасности в Арктическом регионе:

обеспечение военной безопасности России в Арктике на базе специальных воинских контингентов межвидового и межведомственного характера;

создание силами общего назначения зоны господства для действий морских стратегических ядерных сил Северного флота;

учет в обеспечении военной безопасности возможности возникновения в Арктическом регионе фактора морского терроризма.

На основе принципов обеспечения национальной безопасности и с учетом существующих угроз целесообразно предпринять дополнительные меры укрепления региональной безопасности. Во-первых, разработать Концепцию безопасности морской экономической деятельности России в Арктике. Во-вторых, активизировать взаимодействие с международными организациями, которые

сформированы приарктическими государствами и призваны отстаивать свои национальные интересы в Арктике и ограничивать деятельность других государств, не имеющих прямого выхода в данный регион. (Это возможно за счет разработки совместных экономических проектов по использованию ресурсов северных морей и их недр, организации с соседними странами экологической деятельности, охраны биоресурсов, действий по спасанию на море, туризма и др.). При этом Российской Федерации необходимо укреплять свое влияние в международных организациях, занятых решением проблем Арктики: в Совете Баренцева/Евроарктического региона, Международном арктическом научном комитете, Постоянном комитете парламентариев Арктического региона, Арктическом совете и др.

В-третьих, для эффективного отстаивания интересов России на международной политической арене предлагается сформировать:

а) в администрации Президента Российской Федерации – Главное управление морской политики Российской Федерации, в котором создать отдел безопасности морской деятельности;

б) в аппарате Совета Безопасности Российской Федерации – управление безопасности Российской Федерации в Арктике;

в) в Правительстве Российской Федерации – Министерство по делам в Арктике;

г) в Совете Федерации – комиссию по делам Арктики и Антарктики (на базе экспертного совета по Арктике и Антарктике);

д) в Государственной Думе – комитет по Арктике, в структуре которого предусмотреть отдел безопасности РФ в Арктике.

Необходимо в кратчайший срок разработать Арктическую стратегию Российской Федерации. Для разработки привлечь научный потенциал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Военной академии Генерального штаба, военно-научные комплексы министерств и ведомств, в ведении которых находятся вопросы обеспечения безопасности Российской Федерации в Арктике.

В последующем Арктическая стратегия России на международной арене может стать базой для формирования международной программы развития приарктических государств.

В качестве рекомендаций по обеспечению военной безопасности в Арктике предлагается создать новое стратегическое объединение «Арктическая группировка сил и войск», главным элементом которого будет Северный флот. Анализ применения военной силы за последние 20 лет показывает, что решение задач обороны с минимальными потерями стало невозможно силами только одного вида вооруженных сил. Данный постулат в полной мере относится и к военно-морской деятельности отечественного ВМФ в Арктическом регионе. Безусловно, в предлагаемом стратегическом объединении силы и войска Северного флота будут создавать основу группировки сил (войск), но с учетом обязательного ее дополнения войсками и силами других Видов ВС РФ.

Нарастающие угрозы интересам России в Арктике требуют принятия органами государственной власти РФ решительных, но одновременно и адекватных реальной ситуации практических действий по обеспечению национальной безопасности. Для этого недостаточно имеющихся концептуальных и методологических основ, подготовленных преимущественно с учетом лишь ведомственных позиций. Именно в таком ключе настало время поиска новых научных подходов к развитию теоретических положений и выработке на их основе практических рекомендаций по обеспечению национальной безопасности в Арктике.

Литература

1. Морская доктрина Российской Федерации на период до 2020 года. Утверждена Приказом Президента РФ от 27 июля 2001 г. № 1387. URL: <http://www.president.kremlin.ru>
2. Программа АО «Росшельф» и РАО «Газпром» освоения арктического шельфа России до 2010 г. / Труды 2-й Международной конференции «Освоение шельфа арктических морей России». – СПб., 1995.
3. Директива по арктической политике США.
4. <http://newsru.net/Russia/24oct2005/suda>
5. http://novostimira.com/n_1521665
6. Синецкий В.П. Состав и обеспечивающая инфраструктура специализированных флотов на каждом региональном направлении должны быть сбалансированы, исходя из общих задач и условий функционирования / О теоретических основах развития морской деятельности. – М.: ГНИУ СОПС, 2007.

Шевченко А.В.

ОЦЕНКА ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ УПРАВЛЕНИЯ СУБЪЕКТОВ ФЕДЕРАЦИИ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Региональная политика, осуществляемая органами управления субъектов Российской Федерации, должна быть своеобразным индикатором, позволяющим оценить направленность и эффективность обеспечения национальной безопасности России. Однако стратегии и механизмы этой деятельности не определены, несмотря на указание об их разработке в Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Одна из причин – отсутствие единого подхода к оценке степени угроз и унификации показателей безопасности в рамках федеральных округов и субъектов Федерации. Методологический и методический аппарат оценивания состояния национальной безопасности на региональном уровне недостаточно разработан и не обеспечивает эффективность подготовки управленческих решений, что увеличивает рост стратегических рисков и неопределенности при формировании и реализации региональных стратегий развития на среднесрочный и долгосрочный период.

Научный совет при Совете безопасности Российской Федерации выделяет следующие «узкие места» в работе с инструментами диагностики, мониторинга, координации управленческих решений:

- отсутствие методики формирования агрегированной оценки состояния предметных областей национальной безопасности;
- отсутствие единой методологии разработки документов стратегического управления на федеральном и региональном уровнях;
- отсутствие единых организационных регламентов взаимодействия разработчиков на федеральном и региональном уровнях;
- слабость инструментария мониторинга и оценки состояния национальной безопасности в региональном разрезе [1].

Эти и другие факты явились следствием комплекса проблем обеспечения устойчивой динамики развития регионов России, сложившихся в постсоветский период. Существует большой круг властных полномочий, не распределенных между субъектами

обеспечения национальной безопасности по уровням – федеральному, региональному (субъектовому), местному. Это создает межуровневые противоречия в принятии стратегических решений, приводит к параллелизму работы органов государственной и муниципальной власти, снижению ответственности руководителей за развитие территорий, увеличению бюджетных расходов на содержание системы государственного и муниципального управления.

Подлежит пересмотру и организационно-функциональное основание региональной безопасности. Как показывает анализ штатной сетки аппаратов исполнительной власти регионов, многие субъекты не имеют структур, которые обеспечивали бы безопасность на этом уровне. Лишь в немногих есть орган, который организует работу по исполнению комплексных функций защиты от угроз. В частности, в Центральном федеральном округе комплексную систему управления сферой региональной безопасности имеют Московская, Костромская, Рязанская, Тверская области и Москва.

Одна из причин такого положения дел – недостаточное кадровое обеспечение стратегического планирования. Согласно Федеральному Закону «О государственной гражданской службе Российской Федерации» претенденты на замещение государственных постов должны иметь высшее образование по направлению работы. Но в перечне специальностей, соответствующих управленческой должности, направление «стратегия», «стратегическое планирование», «стратегическое управление» отсутствует [2]. Задача создания федерального государственного стандарта аналитических специальностей решается вяло, хотя уже и этого недостаточно для формирования квалифицированного корпуса аналитиков: нужно вести речь о стратегическом управлении как о функционально-поведенческом комплексе [3].

Для мышления и поведения государственных служащих, занимающихся стратегированием, часто характерно то, что в теории и практике менеджмента определяется как «туннелирование, исключаящее способность различать скрытые в реальности вероятные варианты развития...» [4]. Как следствие – ложные расчеты негативных социальных последствий, несостоятельные сценарии и проваленные

проекты. Нужны специалисты, способные промышлять сложносистемные задачи, которые должны отражаться в стратегиях обеспечения региональной безопасности.

Несмотря на то, что администрации субъектов располагают различными аналитическими службами (информационными, экспертными, справочными, статистическими, информационно-техническими и др.), на которые возложены обязанности разработки документов долгосрочного развития, производимые информационно-аналитические продукты зачастую не годятся для эффективного управления социально-экономическими и политическими процессами. Анализ документов, представленных в Министерство регионального развития рядом субъектов Северо-Западного, Центрального и Дальневосточного федеральных округов показал, что около трети стратегий нуждается в доработке и корректировке: в 2013 г. Минэкономразвития не утвердил каждую вторую стратегию. Кроме замечаний глубоко экономического характера, отмечались серьезные расхождения даже по формальным признакам, как то: несовпадение основных направлений развития регионов и расчетных показателей с ориентирами, определенными Стратегией национальной безопасности до 2020 г.; необоснованное превышение временных границ планирования (до 2025 – 2030 гг.) Ясно, что при этом нарушается связность структуры стратегического планирования в масштабах страны, провоцируются факторы, ведущие к политико-экономическому дисбалансу и формированию угроз региональной и национальной безопасности [5].

Для того чтобы избежать многих просчетов, аналитикам нужно иметь такую методику реализации федеральных полномочий, делегированных субъектам, которая содержала бы понятную и приемлемую всеми регионами цель. В стратегическом управлении в сфере национальной безопасности совершенно не приемлемо так называемое «нецелевое планирование» действий, столь распространенное в обычной политической практике решения слабоструктурированных проблем, при неясности условий задачи и возможности постепенного их усвоения и достижения какого-либо результата. Также невозможно и характерное для формирования

стратегических перспектив политико-символическое расширение государственных целей, фактически исключающее «потребность в их конкретном наполнении показателями, особенно количественными» [3].

Для стратегического управления, требующего четкой, согласованной по времени, месту и содержанию постановки заданий, более подходит модель управления по целям. Но здесь неизбежно национальное (государственное) масштабирование показателей, исключающее их детализацию по регионам. Как отмечают руководители субъектов, уже в рамках федеральных округов проблема унификации показателей безопасности стоит достаточно остро: в каждом из входящих в них регионов условия жизнеобеспечения и опыт его достижения разные. И все же в достаточно широком диапазоне региональных угроз необходимо выработать единые подходы к их оценке относительно национальной безопасности. Это в равной степени важно как для принятия решений «сверху», так и для их исполнения «снизу». И глубина методической проработки должна доходить до методик решения критических вопросов на уровне муниципального самоуправления.

При этом, по мнению не одного-двух, а многих руководителей органов исполнительной власти регионов, приоритетные показатели эффективности управления субъектами Федерации нужно сместить с достигаемых результатов в ресурсно-богатых регионах (Ханты-Мансийский АО, Республика Татарстан, Московская область и др.) на те, что получаются при оптимальном управлении ограниченной базой развития (например, в Ульяновской, Калужской, Белгородской областях).

Очевидна задача выбора конкурентоспособной концептуальной модели оценки состояния региона, позволяющей максимально использовать геополитический и геоэкономический потенциал субъектов в целях обеспечения его безопасности. Известно немало направлений методического обеспечения реализаций стратегий региональной безопасности (развития). Например, реализуемые Институтом экономических стратегий Отделения общественных наук РАН (модель «стратегической матрицы» региона) [6]; Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования

(концепт жизнеспособности страны) [7]; исследовательской группой МГИМО и Института общественного проектирования (модель единого многопараметрического классификатора угроз на макроуровне политической системы) [8]. Еще одно направление развивается в русле теории социально-экономической кластеризации в научно-исследовательской лаборатории технологий обеспечения национальной безопасности Факультета национальной безопасности РАНХиГС.

Кратко остановимся на содержании этих направлений.

Разработанная в «Центре Сулакшина» методология отличается выделением предельного критерия (коэффициента) жизнеспособности страны – это сам факт ее существования [7, с.12]. На фоне многочисленных существующих индексов успешности государств главная ценность – жизнеспособность страны – принципиально выдвигается авторами как единый, наиболее интегративный целевой индикатор успешности и как функция цели в государственном управлении высшего уровня [7, с.111]. Страна как идентичная сущность характеризуется тремя необходимыми и достаточными признаками: территория, народонаселение и государственное управление. Коэффициент жизнеспособности (ЖКС) определяется как произведение этих трех показателей. Применен метод дублирующего независимого определения несвязанными способами вычисленного коэффициента, который определяется путем интегративной экспертной оценки. При значении ЖКС = 0 страна исчезает как нежизнеспособная [7, с. 13].

Анализируя эффективность сорок одной реализуемой в России политики, ученые выявляют высокую корреляционную связь бюджетной и налоговой, инвестиционной, внешнеэкономической, промышленной политик, политики по борьбе с преступностью и политики в области компетентности служб безопасности. Высокий уровень их скоррелированности соотносится с тезисом о необходимости выработки интегративно-комплексной стратегии безопасности [7, с. 111].

Авторские подходы сотрудников «Центра Сулакшина» корреспондируют с методикой «Стратегическая матрица», разработанной Институтом экономических стратегий под руководством академика РАЕН А.И. Агеева. Ежегодно в рамках этого проекта

выводится интегральный показатель мощи государств (ИПМ). Расчет ведется по девяти базовым факторам интегральной мощи: 1) управление; 2) территория; 3) природные ресурсы; 4) население; 5) экономика; 6) культура и религия; 7) наука и образование; 8) армия (вооруженные силы); 9) внешняя политика (геополитическая среда). Интегральный показатель мощи – это аналог коэффициента жизнеспособности государства. Особую значимость среди параметров стратегической матрицы имеет фактор управления, определяемый для «обеспечения взаимодействия» [6, с. 202-203].

Критически оценивая потенциал метода «стратегическая матрица», группа Сулакшина противопоставляет ей методологию факторной декомпозиции, с одной стороны, позволяющей видеть разнородность факторов стратегической матрицы, а с другой – целенаправленно формировать соответствующие факторные профили, т. е. вести целенаправленное государственное управление. Различие в понимании функций государства определяет разницу методик. Если в проекте «стратегическая матрица» – это один показатель, то в подходе коллектива С.С. Сулакшина – это сумма по 42-м экспертно определяемым величинам [7, с. 203-204].

Следует назвать еще один метод исследования состояния региональной безопасности, разработанный исследовательской группой МГИМО и Института общественного проектирования и апробированный на макроуровне политической системы безопасности. Во вступительном слове к первому тому энциклопедического справочника «Политические системы современных государств», касаясь методологии многолетних исследований, руководители научного проекта объясняют: «Выбранные нами параметры описания политических систем современных государств взаимосвязаны: внешние вызовы и угрозы задают набор обязательных ответов, которые политические системы должны дать в своем развитии. Однако и сами внутренние процессы оказывают обратное влияние на внешнюю среду» [8, с. 9].

Интересующему нас разделу «Вызовы и угрозы безопасности» предшествуют аналитические выкладки, отражающие общие контуры политической системы, особенности политических процессов,

положение в мировой экономике и политике каждого из описанных почти двух сотен государств. Эти знания, в свою очередь, получены благодаря применению «математического и сравнительного анализа... динамики мировой системы и нелинейных эволюционных траекторий развития конкретных стран и межгосударственных систем» [8].

Анализируя внешние и внутренние вызовы и угрозы безопасности, авторы дают оценки ее состояния по следующим показателям: официальная идеология, идеологические расколы и конфликты; роль идеологии в политике; политическая роль военных; положение и роль СМИ; вес в мировой экономике; военные расходы; участие в международных организациях; индекс восприятия коррупции; размещение территории страны в зоне повышенной опасности и стихийных бедствий; уровню экономических угроз и угроз безопасности человека. Исследование имеет солидную научно-справочную и оперативную фактуальную базу. Результаты подтверждают эффективность выбранного метода, привлекательного для экстраполяции его приемов на региональные масштабы одной из политических систем – Российской Федерации.

Еще одним методом, позволяющим комплексно рассматривать сферу стратегического планирования и обеспечения безопасности в отдельных регионах (а в ряде случаев и внутригосударственных макрорегионах), может быть метод политико-экономической кластеризации [2]. Благодаря кластерному подходу реализуется возможность комплексного ограничения факторов влияния, которая сводится к нормативности (постоянности числа элементов и связей между ними, без ограничения взаимовлияния), упрощению отдельной системы путем ее формирования в виде кластера, упрощение контроля, диверсификации и управления при стратегическом управлении и, как следствие, происходит усиление устойчивости кластера как системы.

Методика кластеризации, как и всякая другая, имеет ряд ограничений для применения в сфере стратегического управления, но может претендовать на определенное место в одном из этапов формирования механизма стратегического управления.

Собственные методики оценок деятельности руководителей регионов России составляют общественные организации. Например, Фонд развития гражданского общества, «Клуб регионов» сформулировали свои критерии роли первых лиц на основе изучения наиболее значимых событий федерального и регионального уровней. Разнообразные методы рейтингования успешности управленческой деятельности используют средства массовой информации. Но ни один из них не свободен от субъективизма в оценке качества управленческой деятельности в целом и в сфере обеспечения безопасности в частности. Тем не менее, в целях выработки оптимальных критериев нужно изучить имеющиеся во многих регионах оценочные схемы (например, [9]), отражающие общее, специфическое и уникальное в управлении территориями, чтобы достигалась необходимая увязка деятельности государственных и муниципальных служб по формуле: цель – ресурс – функция – результат.

Разрабатываемые многими субъектами методики и модели должны предусматривать возможность инкорпорирования последних в общую систему организационно-управленческой деятельности главной координирующей структуры национальной безопасности – Совета Безопасности РФ. Для того, чтобы модель была универсальной, она должна быть емкой за счет аккумуляирования множество особенностей отдельных региональных схем и на основе их типизации выражать существенные характеристики элементов и связей.

Кроме типовой организационной модели региональной безопасности могут и должны создаваться вариативные схемы-приложения, учитывающие специфику и динамику состояния конкретных объектов защиты в субъектах Федерации. Также очевидно, что целеполагание систем обеспечения безопасности должно быть заложено в стратегии развития региона как единой территориальной, духовной, социально-экономической государственной целостности.

С этой целью научно-исследовательской лабораторией технологий обеспечения национальной безопасности Факультета национальной безопасности РАНХиГС разработан автоматизированный макет Паспорта обеспечения национальной безопасности и регионального развития страны для использования его в ситуационных центрах вышеназванных субъектов управления национальной безопасностью

на федеральном и региональном уровнях. Основное его назначение – формирование эффективной национальной системы управления, гарантированно обеспечивающей организацию и реализацию национальных интересов и стратегических целей России.

Литература

1. Назаров В.П. Стратегическое планирование как важнейший фактор повышения эффективности государственного управления / Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: субъекты, ресурсы, технологии. – М.: Изд-во «Проспект», 2013. – С. 11-20.
2. Препринт НИР «Разработка типовой модели оценки региональной безопасности субъекта Российской Федерации». – М.: РАНХиГС, 2014. – С. 35.
3. Соловьев А.И. Принятие и исполнение государственных решений. – М.: Аспект-Пресс, 2014.
4. Бабинцев В., Захаров В. Гражданский контроль в практике государственной службы: проблемы и перспективы // Государственная служба. – 2014. № 4. – С. 39.
5. Молостов А.Н. Стратегическое планирование как инструмент обеспечения региональной политико-экономической безопасности / Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: субъекты, ресурсы, технологии. – М.: Изд-во «Проспект», 2013. – С. 212-216.
6. Агеев А.И., Куроедов Б.В. Особенности применения методологии стратегической матрицы при прогнозировании развития государств (на примере России и Китая). – М.: Институт экономических стратегий, 2008.
7. Якунин В.И., Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Строганова С.М. Качество и успешность государственных политик и управления. Серия «Политическая аксиология». – М.: Научный эксперт, 2012.
8. Политические системы современных государств: Энциклопедический справочник. В 4 т. Т. 1: Европа / МГИМО (У) МИД России, ИНОП; гл. редактор А.В. Торкунов; науч. редактор А.Ю. Мельвиль; отв. редактор М.Г. Миронюк. – М.: Аспект Пресс, 2012.
9. Открытые коды управления регионом // Государственная служба. – 2011. № 3.

БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЙ КОНЦЕПЦИИ Х. МАККИНДЕРА

Ситуация на Украине заставляет задуматься о том, как Запад смотрел на Россию не только во время существования СССР, но и до октябрьского переворота 1917 г. Уместно вспомнить, что одну, быть может наиболее известную, касающуюся России, геополитическую теорию – концепцию Хартленда или Осевого региона, британский географ и геополитик Хэлфорд Джон Маккиндер выдвинул в начале XX в., изложив ее в докладе «Географическая ось истории», прочитанном в Королевском географическом обществе 25 января 1904 г.

Хартленд – «срединная земля» или «сердцевина земли» – массивная северо-восточная часть Евразии, конкретные контуры которой в разное время корректировались Маккиндером и его последователями, но всегда включали большую часть территории Российской империи, СССР, а теперь – Российской Федерации [1, р. 15-18]. По Маккиндеру, территория СССР – эквивалент Хартленда, а Южный Урал – ось осевой земли («the very pivot of the pivot area») [2, р. 598, 600].

Если российское восприятие мира характеризуется постоянной обороной против внешних врагов, то Маккиндер изображал историю Европы в контексте постоянных нашествий из Азии. Примечательно, что высказанные им взгляды повторяют многие выводы российского географа и геополитика Николая Яковлевича Данилевского, приведенные в фундаментальном исследовании «Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому», вышедшем в 1869 г. [3]. В отличие от известной работы Данилевского, доклад Маккиндера был сжатым изложением геополитической теории, которая сразу получила широкий резонанс, так как была ориентирована на западную, уже подготовленную к восприятию подобных идей, аудиторию.

Работы Маккиндера более чем на столетие определили образ стратегического мышления элит государств Запада, прежде всего атлантических – Великобритании и США. До сих пор заданный

Маккиндером вектор геополитического мышления доминирует при рассмотрении мировых проблем, стратегическом планировании в странах НАТО. Примечательно, что похожая геополитическая схема мира была представлена в конце XX в. в книге Зб. Бжезинского «Великая шахматная доска: главенство Америки и ее геостратегические императивы». По сути, Бжезинский почти столетие спустя после Маккиндера расставил те же геополитические акценты: 1) Евразия – наиболее важный регион мира; 2) Евразию необходимо сдерживать в целях предотвращения мировой гегемонии.

«Наиболее примечательной отличительной особенностью политической карты современной Европы, – писал Маккиндер, – является громадная территория России, занимающая половину континента, и группа территорий, занимаемых западными державами. С физической точки зрения – это контраст между нескончаемыми равнинами востока и богатым комплексом гор и долин, островов и полуостровов, совокупность которых образует оставшуюся часть мира» [4, р. 423].

Маккиндер отмечал: «Великобритания, Канада, Соединенные Штаты, Южная Африка, Австралия и Япония образуют внешнее замкнутое кольцо – основу могущества и коммерции, недостижимую для сухопутного могущества Евразии. Но сухопутное могущество сохраняется... его значение возрастает. Пока морские народы Западной Европы покрывали океан своими флотами, заселяя внешние континенты, в разной степени делая своими данниками океанскую периферию Азии, Россия организовала казаков, и, расширяясь от своих северных лесов, контролировала степь, расселяя своих кочевников, в качестве противовеса татарским кочевникам» [4, р. 433].

С образованием казачества Россия стала медленно, но верно выходить из состояния изоляции в северных лесах. Маккиндер считал, что миграция русских крестьян на юг была, возможно, главным событием XIX столетия в Европе [4, р. 433-434].

При этом противопоставляя морю сушу, Маккиндер кроме геополитического аспекта коснулся и вопроса культурных отличий мира германо-романского от мира славяно-византийского.

«Россия заменяет Монгольскую империю. Ее давление на Финляндию, Скандинавию, Польшу, Турцию, Персию, Индию и Китай заменяет центробежные рейды степняков. В целом, в мире она занимает центральное стратегическое место, такое, которое Германия занимает в Европе. ... Не похоже, что любая из возможных социальных революций существенно изменит ее отношение к великим географическим пределам ее существования. Мудро признавая фундаментальные пределы ее власти, ее правители расстались с Аляской в силу того, что политическим законом для России является не владеть ничем за морями, в той же мере, как для Британии – главенствовать на морях» [4, р. 436].

В традициях британской геополитической мысли Россия рассматривалась как основная угроза балансу сил в мире, а объединение России в союз с Германией приводило к кошмару перехода континентальных держав к проведению активной политики на морях, строительству флота – катастрофический сценарий развития мировой истории в глазах поколений британских стратегов.

Исходя из географического детерминизма, Маккиндер считал, что Осевой регион будет играть ключевую роль в мировой политике вне зависимости от того, кому эта территория будет принадлежать: «Можно определенно указать, что замена российского контроля над внутренними пространствами новым контролем не приведет к снижению географического значения осевого положения. Если, например, организованные японцами китайцы ниспровергнут Российскую империю и займут ее территорию, они создадут желтую угрозу свободе мира просто потому, что добавят морскую границу к ресурсам великого континента – преимущество пока недоступное российскому обитателю (tenant) осевого региона» [4, р. 437].

В своей более поздней работе 1919 года «Демократические идеалы и реальность» Маккиндер предложил известную формулу: кто правит Восточной Европой, правит Хартлендом; кто правит Хартлендом, правит Мировым Островом; кто правит Мировым Островом, правит миром [5, р. 194]. Мировой Остров по терминологии Маккиндера – это Евразия.

Положение Маккиндера о России как Хартленде может льстить национальному самолюбию, однако важно помнить, что, по его мнению, Россия только обитатель (tenant) Хартленда, место которого может занимать любое государство, которое будет контролировать это пространство, точно так же, как и контроль над ним. В чьих руках он бы ни находился, должен вызывать опасения у атлантических и периферийных государств.

Концепция Хартленда важна в первую очередь не как геополитическая теория, по поводу которой выдвигалась и может быть выдвинута масса возражений, а как проявление геополитического самосознания, враждебного России геополитического мышления, ставшего реальной политической и военной практикой второй половины XX столетия и начала XXI в. Сдерживание и окружение СССР, а затем и России странами Запада имеет в своей основе именно этот побудительный мотив исторического страха, который Маккиндер блестяще выразил языком геополитики. Работы Маккиндера и их значение для геополитических построений Запада важно понимать, когда оцениваешь положение России в мире, то насколько дружелюбен или враждебен ей окружающий мир.

Сам Маккиндер признал в статье 1943 г. что единственной опасностью для заморских владений Британии в 1870-е гг. было положение России, занимаемое в Азии [2, р. 595]. Тридцать лет спустя к списку главных соперников Британии присоединились Германия и США, но, несмотря на расширение состава основных игроков мировой политики, значение Хартленда и основных теоретических положений Маккиндера сохранялось. Более того, выдвижение впоследствии на передний край мировой арены атлантических Соединенных Штатов и территориально интегрированного Советского Союза делали концепцию Маккиндера еще более актуальной. «Все принятые во внимание обстоятельства, — писал геополитик, — приводят к неизбежному выводу о том, что если Советский Союз выйдет из этой войны победителем Германии, он достигнет ранга величайшей сухопутной державы на Земле. Более того, он будет Державой в стратегически самой сильной оборонительной позиции. Хартланд — величайшая естественная крепость на Земле. Впервые в истории она

укомплектована гарнизоном достаточным и количественно, и качественно» [2, р. 601].

Если анализировать происходящие на постсоветском пространстве в целом и на Украине в частности процессы в более общем историческом контексте, то становится очевидным: Россия для Запада по-прежнему остается Хартлендом, Осевой землей мировой геополитики, центром притяжения, притягивающим к себе весь Евразийский континент. Это именно те опасения, о которых писал Н.Я. Данилевский: только от одного взгляда на карту мира европейцу становится страшно – настолько громадно Русское государство по сравнению с тесной и стиснутой со всех сторон границами Европой. Гражданину, испытывавшей бесконечную череду внешних сокрушительных нашествий России, конечно, нелегко понять этот вековой страх Запада. Запад же не в состоянии понять политической психологии России.

Продемонстрированное Западом на Украине циничное использование организационных схем дестабилизации общества наглядно показало, как важно для социума нравственное, ценностное, идейное единство. Слово «идеология» в значительной мере себя дискредитировало, однако именно наличие идеологии, либо более мягких, но общепринятых и защищаемых государством систем идейных и ценностных норм, приходит в голову, когда проводишь анализ необходимых морально-нравственных основ, на которых зиждется единство общества и его жизнеспособность.

История знает много примеров краха идеологий, но если рассмотреть вопрос глубже, шире и серьезнее, то окажется, что зачастую примеры распада государств и цивилизаций, окончание целых эпох было связано с изживанием идеологии, утратой общих ценностей, деморализацией общества. Одним из таких примеров является Римская империя – сложный политический организм, который на определенном этапе своего развития оказался ценностно опустошен и отступил перед моральной силой новой идеологии – христианства. Отсутствие моральной стойкости приводит к материальному краху и напротив, моральная сила способна приводить к осязаемому материальному успеху [6].

Сложно противостоять чужим ценностям, не имея, не формулируя, не отстаивая своих. Без собственной, альтернативной навязываемой извне картины мира сохранить национальную независимость либо очень сложно, либо невозможно. Именно поэтому обществу нужна система ценностей и идеология. Особенно важную роль понятное ценностное целеполагание, определяющее мотивы поведения, играет в информационную эпоху во внешней политике, в качестве противовеса навязываемым извне правилам игры и критериям оценок, когда политическое противодействие обретает черты транслируемого всему миру идейного противостояния.

После дезинтеграции СССР Россия на протяжении двадцати лет старалась найти свое место в мире, обрести смысл своего существования. Снова вопрос о пути развития стал основным вопросом русской истории. Неудачи советского глобального идеологического проекта привели к тому, что российское общество 1990-х гг. оказалось дезориентированным. Общество утратило коллективную идентичность, чувство самотождественности, понимания того, кем оно является и зачем существует. Чужеродные модели, успешные образцы извне стали казаться панацеей от всех бед и бездумно внедряться в России.

Сегодня можно с уверенностью сказать, что опыт безоглядной вестернизации и следования западным моделям оказался несостоятельным. Более того, особое значение приобретает заполнение нравственной пустоты, ставшей результатом неверия в собственные силы и краха глобального мессианского проекта, который олицетворял Советский Союз. Для стратегического выживания общество должно сохранять свою коллективную идентичность, не допускать взаимного отчуждения и внутренней пустоты, духовного вакуума, который могут заполнить чуждые национальным интересам идеологические течения.

Происходящие в последнее время на Западе тенденции общественной трансформации и события на Украине приводят к мысли о том, что наступает момент, когда история Запада постепенно станет для России примером того, как не надо жить. Традиционность России – надежда на возможность стратегического выживания русского общества и государства. Агрессивная пропаганда прав различных меньшинств в ущерб большинству неприемлема для России. С точки зрения

либерально мыслящих интеллектуалов это свидетельство отсталости. Однако в исторической перспективе можно констатировать, что это совершенно не так. Крайние формы индивидуальной свободы личности наблюдались в различные эпохи в разных обществах и всегда свидетельствовали об упадке этих обществ. Крайняя степень индивидуальной свободы за счет и вопреки интересам большинства – верный признак движения общества к деградации и закату.

Литература

1. Cohen S.B. Geography and Strategy: Their Interrelationship // *Naval WarCollege Review*. Vol. X. December 1957. № 4.
2. Mackinder H.J. The Round World and the Winning of the Peace // *Foreign Affairs*. Vol. 21. July 1943. № 4. P. 598, 600.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа: Взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому. – М.: Известия, 2003; Данилевский Н.Я. Политическая философия. Дополнения к книге «Россия и Европа». – М.: Издательство «ФИВ», 2013.
4. Mackinder H.J. The Geographical Pivot of History // *The Geographical Journal*. Vol. XXIII. April 1904. № 4. 5 Ibid. P. 433.
5. Mackinder H.J. *Democratic Ideals and Reality. A study in the Politics of Reconstruction*. London: Constable and Company Ltd., 1919. P. 194.
6. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и путь к процветанию. – М.: АСТ, Ермак, 2004.

РАЗДЕЛ 2
НАПРАВЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ
РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ

ВЫСТУПЛЕНИЯ В ПЛЕНАРНОЙ СЕССИИ

Михайленко А.Н.

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ КРЫМА

16 марта 2014 года в Крыму прошел референдум о присоединении к России. Почти 97% населения полуострова проголосовали за воссоединение и восстановление исторической справедливости. Уже через несколько дней Республика Крым и Севастополь были приняты в Российскую Федерацию в качестве ее субъектов. Согласно опросам общественного мнения, это решение поддержали более 90% россиян. Такое единодушие в данном вопросе создает благоприятные предпосылки для развития Крыма в составе России. Однако перспективы интеграции полуострова в ткань российской жизни зависят от эффективного использования ряда других предпосылок. Особое внимание следует уделить имеющимся на данном пути проблемам. Нужно попытаться избежать ситуации, когда за эйфорией теряется чувство ответственности за решение серьезных проблем, которые наверняка возникнут на крымском направлении.

Существующие проблемы можно условно разделить на политические и экономические. Среди *политических* выделим внутренние и внешние.

В настоящее время проявляются следующие внутривнутриполитические проблемы в развитии Крыма. России необходимо попытаться максимально полно использовать кадровый потенциал крымчан. Украинские власти в течение всех лет независимости страны постоянно игнорировали этот фактор. При В. Ющенко на полуостров направляли «оранжевые» десанты руководителей, при В. Януковиче – донецких и макеевских начальников, что создавало напряжение в отношениях с крымчанами. России нельзя повторять эти ошибки. Нужно использовать и выращивать местные кадры. В этой работе участвует и Президентская Академия. Наши профессора проводят с крымскими руководителями

курсы повышения квалификации, с тем чтобы ознакомить их с российским управленческими принципами и тенденциями в государственном управлении, адаптировать их к российскому законодательству.

Важной внутривнутриполитической проблемой является криминальная обстановка в Крыму. За последние годы там при странных обстоятельствах было убито пять мэров, а на более чем десяток других заведены уголовные дела. Все это связано с переделом собственности и сфер влияния на полуострове. Очевидно, что с приходом Крыма «в российскую гавань» этот процесс может видоизмениться, и ему необходимо уделить достаточное внимание. Нельзя допустить, чтобы с переходом Крыма под российскую юрисдикцию уровень преступности в регионе не снижался, а тем более рос. Кроме ущерба, связанного с ростом преступности, это серьезно ударило бы по международному имиджу России, дискредитировало использование «мягкой силы».

Очень серьезный политический вопрос – перспективы развития крымско-татарского народа (в Крыму проживают более 250 тыс. его представителей, т.е. более 12% населения полуострова). Во время проведения референдума его руководители М. Джемилев и Р. Чубаров были отрицательно настроены по отношению к воссоединению с Россией. Вместе с тем, Меджлис согласился на сотрудничество с новыми крымскими властями, направил туда своих представителей. Необходимо развивать сотрудничество с крымскими татарами. Можно предположить, что старые лидеры крымских татар будут продолжать играть по киевским правилам, препятствовать всестороннему вхождению крымских татар в российскую семью народов. Однако новые экономические реалии, рост доходов рядовых крымских татар должен привести к переориентации их на новых лидеров, которых надо выращивать.

Проблема крымских татар имеет и *внешнеполитические* аспекты. Это касается отношений с мусульманскими странами, прежде всего с Турцией. Существуют и другие внешнеполитические аспекты развития Крыма. Это, конечно, вопросы укрепления Черноморского флота. Необходимо продолжить работу с мировым сообществом в направлении признания закономерными последних событий в Крыму. Одно из важных направлений в этом смысле – привлечение зарубежных инвестиций на реализацию проектов в Крыму. Благодаря чему будут

созданы более благоприятные условия для развития полуострова. Очевидно, что надо создавать льготные экономические условия. Например, многие страны используют для привлечения иностранных инвестиций такие инструменты, как свободные экономические зоны.

Для решения *экономических* проблем необходимо в первую очередь эффективно использовать имеющиеся в Крыму конкурентные преимущества. Сегодня можно предположить, что Украина будет ставить на этом пути всевозможные преграды. Крым на 80% зависит от поставок с материка питьевой воды и электроэнергии, и от такой зависимости нужно избавляться. Придется также вложить немалые средства в развитие транспортной инфраструктуры, в том числе в Керченский переход и аэропорты.

Конечно, было бы желательно, чтобы Киев не препятствовал своим компаниям и гражданам в их уже много лет установившихся связях с полуостровом. Это во многом будет зависеть от дальновидности нынешних украинских политиков. Судя по их воинственным заявлениям, сотрудничество с российским Крымом не входит в их планы.

Наиболее перспективными в экономическом направлении представляются такие отрасли крымского хозяйства, как здравоохранение, туризм и сельское хозяйство, в том числе знаменитое виноделие Массандры. Климат Крыма более сухой, чем Черноморского побережья Кавказа, что важно для лечения ряда болезней. Необходимо использовать этот фактор для обеспечения оздоровления россиян. В прошлом году в Крыму отдохнули более 6 млн человек, но большинство из них – это граждане Украины. Сегодня им запретили ехать на полуостров, и в мгновение ока эту ситуацию изменить трудно. Что, кстати, бьет и по их интересам, ведь найти замену Крыму в плане отдыха украинцев не так легко. Тем не менее, следует постараться компенсировать эту потерю, способствовать отдыху на полуострове максимального возможного количества россиян. Для этого много делается (единный транспортный билет и др.)

Одновременно следует отметить, что изучение состояния хозяйства полуострова уже сейчас показало: украинские власти за годы независимости практически ничего не вкладывали в развитие Крыма.

Сравнение с российской туристической инфраструктурой свидетельствует, что крымские санатории, дома отдыха остались в прошлом веке, и необходимы значительные средства для их модернизации. Иначе они не будут соответствовать довольно высокому уровню комфорта, к которому уже привыкли россияне. Особенно это заметно на фоне серьезно модернизированного при подготовке к зимней Олимпиаде 2014 г. курортного района Сочи, которому Крым в нынешнем его состоянии никак не может составить конкуренцию.

Однако частный инвестор, как российский, так, тем более, и зарубежный, пока с настороженностью следит за развитием событий, потому что ему неясна международно-правовая перспектива Крыма (экономические санкции и пр.) Это представляется важным направлением российской внешней политики. Но ожидать, что США и Запад через пару месяцев откажутся от своей политики непризнания Крыма как российской территории – это фантазия. Однако кроме Запада есть и другие страны мира, с которыми надо работать в плане признания существующих реалий. Особое внимание следует уделить нашим крупным партнерам по объединению БРИКС. Они довольно самостоятельны в своей внешней политике и могут увидеть в нынешних изменениях ряд обстоятельств, которые соответствуют их национальным интересам.

Таким образом, перед 84-м субъектом Российской Федерации стоит ряд проблем, от решения которых и зависит перспектива его развития. Некоторые из них предстоит преодолевать самим крымчанам, большинство же – совместными с Москвой и остальной Россией усилиями. Слаженность этой работы позволит нам доказать себе и всему миру, что принятое весной 2014 г. решение о воссоединении Крыма и России было верным, исторически оправданным и соответствующим чаяниям живущих там простых людей и всех россиян.

АКТУАЛЬНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ КРЫМА

Интеграция Крыма в российское пространство является одним из важнейших направлений государственной политики России в среднесрочной перспективе [1]. Можно отметить, что уже состоялась интеграция на уровне общественного сознания, однако для перестроения системы управления экономикой региона, создания новых коммерческих связей и цепочек поставок потребуется время. Основные цели, которые ставит руководство страны – это динамичное развитие Крыма и Севастополя, гармоничное включение региона в экономику страны, а также обеспечение региональных аспектов национальной безопасности. В их числе можно отметить необходимость повышения инвестиционной активности, стабилизацию работы основных отраслей, а также обеспечение населения Крыма важнейшими потребительскими товарами, в том числе водой и продовольствием.

Общий объем финансирования, направленного на интеграционное развитие Крыма и Севастополя до 2020 г., превысит 700 млрд руб. [2]. Проблемы функционирования региона будут рассматриваться комплексно в рамках программно-целевого подхода. Именно он сейчас является основным стратегическим механизмом управления в России [3]. Соответственно на территорию региона распространится действие таких государственных программ, как «Развитие промышленности и повышение ее конкурентоспособности» на период до 2020 года, «Развитие сельского хозяйства и регулирования рынков сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия» на 2013 - 2020 годы, «Развитие культуры и туризма» на 2013 – 2020 годы, «Развитие судостроения» и др. Кроме того, специально для региона разработана Федеральная целевая программа развития Крыма и Севастополя до 2020 года [4].

Финансирование этой Программы составляет около 680 млрд руб., на 97% это будут средства федерального центра. В пересчете на одного жителя Крыма получается почти 300 тыс. руб. на человека, или около

50 тыс. руб. в год. В России больше нет регионов с таким уровнем экономической поддержки.

Планируемые экономические итоги данной ФЦП включают в себя устранение диспропорций в региональном развитии, доведение уровня жизни населения и развития экономики Крыма до среднероссийского уровня. Программа должна обеспечить совершенствование инженерной и транспортной инфраструктуры, в том числе обеспечение водоснабжения и сообщения с материковой частью страны. Кроме того, регион должен стать энергоэффективным.

В настоящий момент необходима разработка обособленных механизмов управления агропромышленным комплексом Крыма в виде отдельной программы развития аграрного производства. Продовольственная безопасность региона должна базироваться на его конкурентных преимуществах и территориально-отраслевом разделении труда в сфере агропромышленного производства.

Важнейшей проблемой, от решения которой зависят преобразования в АПК и обеспечение продовольственной безопасности, является нехватка пресной воды. В настоящее время основной водоснабжающей артерией Крыма остается Северо-Крымский оросительно-обводнительный канал. В 2014 г. Крым рассчитывал получить извне порядка 1 млрд м³ пресной воды, большую часть которых планировалось выделить на нужды сельского хозяйства [5].

Однако после включения региона в состав Российской Федерации возникла напряженная ситуация с поставкой днепровской воды. Отбросив политические факторы можно отметить, что ситуация осложнена крайне неудовлетворительным техническим состоянием канала. По экспертным оценкам, подача воды потребителям в Крыму за последние десятилетия сократилась в четыре раза.

В этой связи предлагается принять меры по снижению зависимости полуострова от днепровской воды. Экономически оправданным является комплексное решение проблемы обеспечения Крыма водой с применением ресурсосберегающих технологий водопользования, исключающих потери на фильтрацию и испарение, и глубокой очисткой сточных вод. Около 7% водохозяйственного баланса Крыма могут дать подземные воды и 5% – опресненная морская вода (целесообразно

построить завод по опреснению). Перспективным является проект перекачки кубанской воды через Керченский пролив. При сбросе в Азовское море 4 км³ стока р. Кубань в год, переброска 1-2 км³ воды через Керченский пролив в Крым вполне возможна.

Учитывая то, что в водохозяйственном балансе аграрного производства Крыма 60% воды используется для выращивания зерновых культур (преимущественно риса), целесообразно частично изменить направления деятельности хозяйств и выбрать другие культуры [6].

В 2014 г. во многом за счет благоприятных погодных условий удастся собрать хороший урожай зерновых. По прогнозам, валовой сбор может составить более миллиона тонн, что гарантированно обеспечит продовольственную безопасность на полуострове. Возникнет необходимость сбыта излишков полученного зерна. Здесь проблемы связаны с неясной юрисдикцией крымских портов, сложностью перевалки и оформлением фитосанитарных сертификатов. На наш взгляд, помощь Крыму должна прийти за счет региональной кооперации.

Одной из первоочередных мер, которую необходимо реализовать в аграрной отрасли Крыма, является реконструкция основных мелиоративных оросительных фондов. Возможен также переход на системы орошения с низким водопотреблением, широкое применение очищенных сточных вод, использование гидропоники, технологий капельного и малообъемного орошения. Данные методы позволят не только решить проблемы водопотребления аграрного производства, но и получать продукцию заданного высокого качества, что также необходимо для экономической интеграции региона и определения его ниши в системе производства аграрной продукции.

Целесообразно обратить внимание на опыт израильского сельского хозяйства, работающего в условиях нехватки воды, при этом являющегося одним из самых эффективных в мире. В частности, интерес представляют системы водоподачи и распределения, автоматического контроля и управления, устройства для подачи растворимых удобрений вместе с поливной водой, системы контроля окружающей среды, состояния растений и регулирования

микроклимата. Стоит также обратить внимание на разработанные сорта овощей, технологией выращивания которых допускается полив морской водой.

Оптимизация водного баланса и стабильный рост выпуска аграрной продукции в Крыму возможны при создании аграрных кластеров. Необходимо отметить, что последние 10 лет за рубежом кластерная политика является одним из главных направлений государственного управления, которое нацелено на повышение национальной и региональной экономической безопасности [7].

В Крыму кластеры в аграрном производстве, на наш взгляд, следует организовать на базе эффективно действующих предприятий виноделия, таких, как «Массандра», Дом шампанских вин «Новый свет», «Инкерманский завод марочных вин», Крымский вино-коньячный завод «Бахчисарай». Стоит отметить, что за рубежом накоплен значительный опыт в формировании именно винодельческих кластеров. Они успешно функционируют во Франции, Испании, Болгарии, ЮАР, Чили.

Также реализация кластерной политики в регионе возможна за счет организации комплексов по выращиванию овощной и зеленой продукции. Причем представляется рациональным переход к производству в закрытом грунте. Необходимо осуществить строительство современных тепличных комплексов с применением кластерных технологий, оснащенных автоматическим расчетом и подачей углекислого газа, системами охлаждения, орошения и климат-контроля. Такое производство может стать новым специализированным направлением крымского сельского хозяйства, обеспечивать население полуострова и прибывающих туристов, а также позволит наладить выгодный межрегиональный обмен.

У региона имеются хорошие перспективы для обеспечения продовольственной безопасности за счет расширения ассортимента и объемов добываемой и культивируемой рыбы и морепродуктов. Это обусловлено наличием акваторий для развития рыболовства и рыбоводства и необходимостью замещения импорта рыбной продукции на российских рынках. Рыба из Крыма – еще одна ниша для полуострова, интегрированного в российскую экономику.

В настоящий момент разрабатывается план развития рыбной отрасли на базе российских стандартов, норм и правил, логистики.

Необходимо отметить, что сырьевой базой прибрежного рыболовства Крыма являются запасы промысловых рыб, которые эксплуатируются рыбаками других регионов России (Краснодарского края, Ростовской области) и Украины (Донецкой, Запорожской и Херсонской областей). Поэтому важно ежегодно определять объемы общих допустимых уловов (ОДУ) отдельных видов рыб и достичь консенсуса в распределении квот на вылов между рыбопромысловыми организациями различных государств и регионов. Также необходимо сформировать эффективную систему контроля и регулирования промысла, и мероприятий по охране и воспроизводству рыбных запасов в Азово-Черноморском бассейне.

По экспертным оценкам, развитие аквакультуры в регионе может дать не менее 10–15 тыс. т высококачественной рыбной продукции. Однако в настоящее время состояние рыбоводства в Крыму оценивается как неудовлетворительное (особенно в связи с проблемами доставки днепровской воды). За последние 10 лет объем рыбоводной продукции составил немногим более 1 тыс. т за счет выращивания рыбы в пресноводных прудах [8].

В перспективе хорошими производственными возможностями обладают рыбоводные пруды Крымского производственного рыбокомбината и рыбколхоза им. Крымских партизан, которые способны обеспечить производство до 5–6 тыс. т товарной рыбы. Однако развитие аквакультуры потребует серьезной поддержки со стороны государства в плане создания стимулирующих экономических условий (льготного налогообложения, прямой финансовой и кредитной поддержки предприятий). Для успешной реализации имеющихся в Крыму научных и технологических разработок в области морской аквакультуры и новых технологий необходима их экономическая оценка с проведением маркетинговых исследований и определением уровня рентабельности планируемого производства.

Базой для пастбищного экстенсивного рыбоводства могут быть малые водохранилища разного целевого назначения (питьевые, технические, ирригационные, рекреационные). Интерес представляет группа небольших по площади водоемов (до 3-5 га), построенных

для агропроизводства, с целью использования их для отдыха и платного любительского и спортивного рыболовства.

Возможно освоение морских и солоноватоводных акваторий – крупных заливов и лиманов Азовского и Черного морей. В лиманах, например, могут быть сформированы самовоспроизводящиеся стада пиленгаса. Для улучшения условий естественного нереста данного вида рыб необходимо строительство рыбоходных каналов, соединяющих Сиваш с Азовским морем, что, кроме увеличения прохода на нерест, позволит эффективно отлавливать осенью уходящую в море рыбу. Для улучшения условий зимовки рыб целесообразно создание искусственных зимовальных ям в местах впадения в залив малых рек и сбросов ирригационных систем. По экспертным оценкам, создание на базе залива Сиваш единого управляемого рыбохозяйственного комплекса позволит ежегодно получать до 3–5 тыс. т товарной рыбы и до 3 млн шт. рыбопосадочного материала пиленгаса.

Искусственное разведение ценных морских промысловых рыб (форели, калкана, осетровых, кефалей) с дальнейшим их выпуском в естественную среду может иметь большое значение в восстановлении и увеличении промысловых запасов Черного и Азовского морей [9].

Морские форелевые садковые хозяйства показали свою эффективность в теплом Средиземном море (Франция). Это направление развития марикультуры особенно актуально в связи с запретом на ввоз рыбной продукции из стран Европейского союза и Норвегии, поскольку будет способствовать полному замещению импорта на рынке лососевых рыб в европейской части Российской Федерации. Перевозка лососевой продукции с российского Дальнего Востока достаточно дорога и может быть невыгодна рыбопромысловым организациям также в связи с более высокими ценами на этот вид продукции на рынках экономически развитых стран тихоокеанского региона [10].

В целом, решение проблем продовольственной безопасности Крыма является долгосрочным приоритетом для Российской Федерации. Однако выполнение этой задачи будет зависеть не только от помощи федерального центра, но и от способности региона к самостоятельной реализации указанных инициатив. В случае успеха продукция,

произведенная в Крыму, займет достойное место в общегосударственном ассортименте, а местные производители – в системе межрегиональной кооперации.

Литература

1. Обращение Президента Российской Федерации от 18 марта 2014 г. // Президент России. Официальный сайт. 18.03.2014 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/news/20603>
2. Объем программы развития Крыма // Российская газета. – 2014. 14 августа. Официальный сайт. – URL: <http://www.rg.ru/2014/08/14/krim-anons.html>
3. Федеральный закон Российской Федерации от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2014. 11 июля. Официальный сайт. – URL: <http://www.rg.ru/2014/07/03/strategia-dok.html>
4. Федеральная целевая программа «Социально-экономическое развитие Республики Крым и города Севастополя до 2020 года»: Постановление Правительства Российской Федерации от 11 августа 2014 г. № 790. Официальный сайт. – URL: <http://government.ru/docs/14254/>
5. Северо-Крымский канал // Крымология. Электронный ресурс. – URL: http://krymology.info/index.php/Северо-Крымский_канал
6. В Крыму не будут выращивать рис из-за проблем с водоснабжением // РИА Новый регион – Крым. 2014. 17 ноября. – URL: <http://novocrimea.ru/crimea/518241.html>
7. Прокофьев И.В. и др. Кластерная политика как фактор инновационного развития национальной экономики // Проблемы национальной стратегии. – 2013. № 3(18). – С. 7-26.
8. Серобаба И.И., Спиридонов В.Л., Яковлев В.Н. Концепция развития рыбного хозяйства Крыма // Труды Южного НИИ морского рыбного хозяйства и океанографии. – 1996. Т. 42. – С. 283-292.
9. Сушко Н.А. Оценка инвестиционной привлекательности рыбного хозяйства Республики Крым // Научный журнал КубГАУ – Scientific Journal of KubSAU. – 2014. № 100. – С. 1275-1287.
10. Пономарев С.В., Киреева И.Ю. Мировая аквакультура в XXI веке // Вестник АГТУ. – 2006. №3. – С. 25-28.

Куклина Е.А.

РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ И УГРОЗ

Экономическая безопасность регионов России является базовым элементом обеспечения национальной безопасности, что обуславливает повышенную актуальность исследований в данной предметной области.

Глобализация мирохозяйственных связей, виртуализация экономики, рост сферы услуг, ускоренное развитие высокотехнологичных производств, создание и внедрение CALS-технологий, увеличение роли финансового сектора и т. д. являются признаками формирования экономики нового типа. Ее можно охарактеризовать как финансовую экономику, главный мотив деятельности экономических субъектов которой заключается не в получении прибыли на реальный капитал, а в получении финансовой ренты.

Невозможность эффективного функционирования финансового рынка в условиях тотального дерегулирования, усиление тенденции к формированию региональных валютных блоков, опирающихся во взаимных расчетах на использование национальных валют, и многое другое формируют финансовый блок той уникальной комбинации внешних вызовов, с которой сталкивается в настоящее время как мировая экономика в целом, так и экономика России и ее регионов.

В сложившихся условиях определение контуров новой финансовой архитектуры мира не носит академический характер, а участвующие в этом процессе государства стремятся не просто найти работающую модель, адекватную сложившимся реалиям, но и максимизировать достижение собственных целей и национальных интересов.

Проблемы в финансово-экономической сфере, существующие на фоне серьезнейших изменений в экологической, климатической и энергетической сферах, сопряжены с переходом мировой экономики на новый технологический уклад, свидетельством чему является «шторм нововведений». Так, несмотря на глобальный финансовый кризис, на протяжении последнего десятилетия расходы на освоение технологий, составляющих новый технологический уклад, равно как и масштаб их применения, увеличиваются примерно на 35% в год [1, с. 7].

Одной из главных проблем «инновационной России» стала технологическая безопасность, которая может быть определена и как один из важнейших аспектов национальной безопасности, создающий условия и ресурсы для защиты национальных интересов, и как составная часть экономической безопасности государства, формирующая материальную базу поддержания других видов безопасности. Очевидно, что без национальных современных технологий мы обречены на полное историческое поражение в стремительно меняющемся мире.

В современной России процессы технологического перевооружения производства развиваются с задержкой и не в том объеме, как в передовых и динамично развивающихся странах (США, Японии, КНР, Бразилии и др.). Имеющийся потенциал отечественных производителей высокотехнологичного оборудования используется недостаточно, а зависимость от иностранных технологий увеличивается; по этой причине отставание России в ближайшие годы, к сожалению, может усилиться.

В таблице приведены некоторые показатели, определяющие технологическую безопасность России (по состоянию на середину первого десятилетия XXI в.).

Таблица. Показатели, определяющие технологическую безопасность России

Показатели	Пороговое значение	Российская Федерация
Доля расходов на науку в ВВП, %	3,0	0,28
Доля расходов на науку в бюджете, %	6,0	1,5
Отношение инвестиций из всех источников и основных фондов, дол. ед.	0,2	0,08
Удельный вес наукоемкой продукции, реализуемый на мировых рынках, %	20,0	< 1,0
Средний срок службы технологического оборудования, лет	5	25
Степень износа основных производственных фондов, %	30,0	44,0*

* по официальным статистическим данным; по экспертным оценкам – 65-75% в зависимости от отрасли.

Источник: Россия в цифрах. М., 2007; «Группа восьми» в цифрах. Официальное издание. Росстат, 2006. С. 92.

В докладе РАН «Россия на пути к современной и эффективной экономике» [2] отмеченные вызовы и угрозы названы инновационными, и на примере взаимодействия с ЕС они выглядят следующим образом.

1. В отраслях, где пока значительная часть продукции экспортируется из России, произойдут технологические сдвиги, которые сократят возможности отечественных предприятий сбывать продукцию в ЕС (энергетика).

2. В отраслях, в которых существует отставание от ЕС, произойдет юридическое закрепление новых стандартов, что создаст дополнительные сложности для российских производителей (химическая промышленность).

3. При значительном отставании РФ от ЕС очередной проигрыш в инновационной гонке в долгосрочной перспективе будет способствовать консервации разрыва (специализированное машиностроение и фармацевтика).

Важнейшие факторы риска для России связаны с динамикой спроса на традиционные товары национального экспорта (в первую очередь – углеводородного сырья) и уровнем цен на них. С высокой долей вероятности можно утверждать, что в текущем десятилетии определяющими в топливно-энергетическом секторе мирового хозяйства станут следующие тенденции:

- рост производства нетрадиционных и альтернативных источников энергии с использованием новых технологий, что приведет к обострению конкуренции на рынке энергоресурсов;

- снижение удельных затрат всех видов ресурсов на единицу ВВП и гораздо более медленный, чем в 2001-2010 гг., прирост их потребления;

- ускоренное превращение энергетических рынков в «рынки покупателя» [1, с. 8].

Ранее нами были сформулированы критерии и показатели устойчивого развития, а также базовые принципы оптимального управления экономическими системами с целью достижения ими развития устойчивого типа: принцип триединства целей (экономических, социальных, экологических), принцип учета региональных факторов [3].

В соответствии с первым принципом ни одна из перечисленных целей не может считаться абсолютной, т. е. следует говорить о реализации компромисса в виде разумного набора управленческих решений для достижения того состояния экономики, которое может быть определено как устойчивое. По нашему мнению, сегодня необходимо эти два базовых принципа дополнить третьим, *отражающим приоритет обеспечения экономической и технологической безопасности.*

Таким образом, в настоящее время можно говорить о четырех целях устойчивого развития: 1) экономическая эффективность; 2) социальная справедливость; 3) экологическая целостность; 4) экономическая (технологическая) безопасность.

Критерием успешности экономической системы любого уровня является способность отражать угрозы и минимизировать риски, чтобы «быть всегда» [4]. Таким образом, экономическая безопасность государства может быть достигнута в том случае, если степень зависимости от доминирующей экономики, а также степень обострения внутрисполитической, социальной и экономической ситуации не превышает предела, который грозит потерей национального суверенитета, значительным снижением уровня и качества жизни населения, экологической катастрофой, либо срывом достижения глобальных стратегических целей.

Понятие «экономическая безопасность субъекта РФ» или «региональная безопасность», по нашему мнению, можно соотнести с понятием «жизнеспособность» региона.

Жизнеспособность региона – вероятность того, что региональная экономическая система сможет устойчиво выполнять свои функции в будущем, а ее функционирование будет продолжено вследствие того, что учтены все внутренние ресурсы, а также предполагаемые или возможные изменения факторов внешней и внутренней среды.

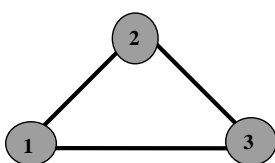
Жизнеспособность региона можно идентифицировать с развитием устойчивого типа, т. е. с устойчивым развитием экономической системы.

В целях визуализации устойчивое развитие, переход к которому является стратегической целью РФ, раньше представлялся в виде равностороннего треугольника, вершинами которого являлись цели устойчивого развития

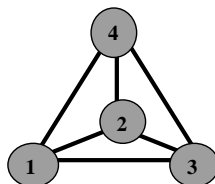
(экономическая, социальная и экологическая), а площадь треугольника можно было определить как «пространство устойчивого развития» (рис. 1а).

Сейчас можно дополнить этот треугольник осью, которая проходит внутри треугольника и является «ребром жесткости». Эта ось идентифицируется с экономической безопасностью, т. е. четвертой (современной) целью устойчивого развития [5].

Таким образом, «треугольник» устойчивого развития (двухмерная фигура) превращается в трехмерную фигуру – «пирамиду» устойчивого развития (рис. 1б).

а) «Треугольник»
устойчивого развития

б) «Пирамида»
устойчивого развития

1, 2, 3, 4 – цели устойчивого развития

Рис. 1. Пространство устойчивого развития

Уровень региональной безопасности определяется различными факторами, ключевыми из которых, по нашему мнению, являются:

- ориентация институциональной системы государства на поддержку тех отраслей индустриальной экономики, от которых зависит уровень национальной безопасности;

- приоритеты экономической политики государства в отношении отраслей, обеспечивающих конкурентное преимущество предприятий национальной экономики;

- параметры отраслевой и региональной структуры ВВП стратегической значимости отраслей национальной экономики.

В данном контексте чрезвычайно важными представляются те аспекты деятельности, которые непосредственно влияют на сохранение максимально эффективного уровня экономической безопасности, и важнейший из них – инвестиции в развитие новейших технологий и наукоемких производств, т. е. технологические инновации (по классификации Ю.В. Яковца).

В современных условиях экономического развития технологические инновации являются одними из основных факторов, гарантирующих долгосрочное благосостояние будущих поколений. Инновационное развитие обеспечивает экономический рост за счет создания новых рынков и современных высокотехнологичных производств, а также повышение эффективности НИОКР и реального производства. Для успешного инновационного развития на региональном уровне *необходимо сформировать научно обоснованную политику инновационного развития региона*. Основные трудности ее разработки и реализации обусловлены прогнозированием тенденций перспективного развития сфер производства и предоставления услуг, определяющих жизнедеятельность региона.

В данном контексте необходимо отметить новые тенденции в сферах НИОКР и инновационного развития регионов, среди которых можно выделить: усиление интернационализации НИОКР; постепенный перевод сотрудничества в НИОКР на онлайн-технологии; появление и реализация принципа «совместных инноваций».

Имеющиеся данные свидетельствуют о стремлении вести НИОКР за рубежом, тем самым приближая их результаты к потребителям [6]. Примерами интернационализации НИОКР являются создание зарубежных центров с местными компаниями и университетами, сделки по слиянию и поглощению местных компаний, повышение интенсивности НИОКР на зарубежных предприятиях. Такое стремление расширить масштаб и сферу внешних партнерств и альянсов для получения доступа к новым технологиям, знаниям и рынкам, привело к возникновению понятия «совместные инновации», которые получили наибольшее распространение в государствах с быстро развивающейся экономикой (Китай, Индия, Бразилия). В этих странах компании научились эффективно работать на местном рынке для получения конкурентных преимуществ.

Считающееся ранее выгодным размещение центров НИОКР и инноваций в непосредственной близости друг от друга, что упрощало неофициальный обмен информацией, сегодня утрачивает значение, поскольку благодаря развитию информационных технологий, такой обмен стал возможен в режиме онлайн [7].

Вместе с этим правительства ряда стран используют принцип совместных инноваций для совершенствования модели государственно-частного партнерства (ГЧП). Так, например, в 2010 г. в Сингапуре учреждено совместное инновационное ГЧП – Public-Private Co-Innovation Partnership (или CI-Partnership) в виде платформы сингапурского правительства и местных компаний, предназначенной для совместной разработки инновационных подходов в целях удовлетворения государственного спроса. В соответствии с условиями совместного инновационного партнерства участвующие в нем компании обязаны нести совместные расходы, при этом предприятия малого и среднего бизнеса получают более значительную государственную поддержку, чем другие компании.

Литература

1. Политика перехода к эффективной экономике // Экономист. – 2014. № 1. – С. 3-31.
2. Россия на пути к современной динамичной и эффективной экономике. Доклад РАН под редакцией академиков А.Д. Некипелова, В.В. Ивантера, С.Ю. Глазьева. – М.: РАН, 2013. – 93 с.
3. Куклина Е.А. Теория и методология устойчивого развития региона на основе управления промышленными комплексами: монография / Е.А. Куклина. – СПб.: СПбГИЭУ, 2008. – 219 с.
4. Национальная идея России. В 6 т. Под общ. ред. С.С. Сулакшина. Т. VI. – М.: Научный эксперт, 2012. – 992 с.
5. Куклина Е.А. «Геометрия» развития экономических систем в глобальном контексте. Электронный ресурс. – URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2014/dokladi/KuklinaEA_sec4.1_rus_13.05.14.pdf
6. Ларин С.Н. Влияние достижений в научно-технической сфере и новых инновационных продуктов, услуг и технологий на развитие экономики региона // Региональная экономика: теория и практика. – 2014. № 16. – С. 33-42.
7. Хрусталева Е.Ю., Ларин С.Н. Использование информационных ресурсов и технологий для стимулирования инновационного развития экономики // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2011. № 32.

**ПРОБЛЕМЫ АНАЛИТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ПРИНЯТИЯ СТРАТЕГИЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ
НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ**

При управлении в сфере национальной безопасности, в том числе на региональном уровне, центральное место занимают вопросы разработки и принятия стратегических управленческих решений, которые в современных условиях немыслимы без эффективной информационно-аналитической поддержки. Решение детализируется в процессе стратегического планирования, составляет основу организации и проведения мероприятий стратегического управления. Обоснованность и своевременность его отработки является важнейшей задачей соответствующих должностных лиц и аналитических подразделений. Большое влияние на выполнение этой задачи оказывают применяемые должностными лицами методы, совершенствование которых осуществляется на основе комплексной автоматизации и информатизации.

Необходимым условием эффективности аналитического обеспечения принятия стратегических решений по безопасности на региональном уровне является использование в процессе разработки и принятия управленческих решений информационных технологий. В соответствии с п. 4 Приложения 1 ГОСТ 34.003-90, информационные технологии (ИТ) – это способы и методы применения средств вычислительной техники при выполнении функций сбора, хранения, обработки, передачи и использования данных. В более широком смысле данное понятие рассматривает Федеральный закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации», в котором ИТ трактуются как процессы, методы поиска, сбора, хранения, обработки, предоставления, распространения информации и способы осуществления таких процессов и методов. В статье под информационной технологией принятия решения будем понимать систему ИТ, применяемых руководителями и обеспечивающими их деятельность

аналитиками на отдельных этапах принятия управленческого решения с использованием соответствующих средств автоматизации.

В последние десятилетия усиливается тенденция применения методов искусственного интеллекта (ИИ) в автоматизации процессов стратегического управления. Однако их применение ограничивается, в основном, рамками экспертного подхода при автоматизации отдельных этапов подготовки информации для принятия решения. В меньшей степени методы ИИ используются в имитационных системах моделирования. Такое положение обусловлено существующими проблемами применения псевдофизических логик для моделирования процессов в пространственно-временном континууме, что не обеспечивает возможность выявления и использования каузальных цепочек «элементы обстановки – элементы управленческого решения – результаты процессов обеспечения безопасности» в достаточно представительном диапазоне условий. Это показывает, что в обозримой перспективе наиболее практически значимым полномасштабным источником формирования подобных цепочек остается инструментарий математического моделирования.

С точки зрения системного подхода никакая отдельно взятая математическая модель не может претендовать на полный учет всего многообразия факторов и условий, влияющих на протекание описываемых процессов, а само математическое моделирование этих процессов представляет собой лишь один из важных источников информации для принятия решения. Важным шагом в развитии теории и практики автоматизации рассматриваемых процессов является появление в наиболее развитых странах новых ИТ, опирающихся на использование знаний, получаемых из различных дополняющих источников. Особенностью этих систем является широкое использование новейших достижений системотехники и ИИ. Основу этого составляет обширная база знаний, позволяющая лицу, принимающему решение (ЛПР), конструировать математические модели, наиболее адекватные для решения стоящих перед ним задач и широко опирающиеся на опыт практического использования моделей в практике процессов обеспечения национальной безопасности на региональном уровне и научных исследованиях.

При разработке и создании таких систем возникает проблема рационального состава и характеристик комплекса средств информатизации (КСИ), а также рационального его применения при автоматизации процессов разработки и принятия стратегических решений. ИТ принятия стратегического решения рассматривается, прежде всего, как научно-обоснованный подход формирования рациональных вариантов решений. В соответствии с этим, при разработке ИТ решаются все вопросы определения рационального состава и порядка применения КСИ в процессе принятия решений по региональной безопасности. Рассмотрим содержание этих вопросов.

В ранее проведенных исследованиях было рассмотрено влияние автоматизации и информатизации на применяемые соответствующими должностными лицами методы принятия решения [1, 2]. Состав и характеристики КСИ, порядок их применения определяются принятым способом человеко-машинного решения рассматриваемой задачи, который представляет собой совокупность приемов и методов решения, полученных в результате декомпозиции частных задач, обеспечивающих достижение целей управления. Принятый способ человеко-машинного решения задачи управления будем называть способом функционирования автоматизированной системы (АС).

Между способом функционирования АС и составом ее КСИ существует диалектическая взаимосвязь, раскрытие которой может осуществляться в рамках трех типов задач, составляющих основу исследования решаемой проблемы, в данном случае – автоматизации принятия стратегического решения.

Первая задача – оценить эффективность АС (качество и своевременность подготовки информации для обоснования принимаемого решения) при заданном способе ее функционирования и фиксированном составе применяемого КСИ. Эта, по сути, задача измерения, решается с целью сравнительной оценки вариантов автоматизации данной управленческой функции.

Вторая задача – определить рациональный способ функционирования АС при заданном составе КСИ. Здесь имеется в виду способ, обеспечивающий подготовку информации для принятия решения о наиболее высоком уровне качества, которое может быть достигнуто

за заданное время в рассматриваемых условиях. Примером второй задачи является создание автоматизированной системы, в контуре управления которой используется математическая модель рассматриваемого бизнес-процесса.

Третья задача – определить требуемый состав КСИ и рациональный способ функционирования АС, при которых обеспечивается достижение заданного уровня эффективности системы. Эта задача наиболее сложна и наименее исследована, ее формулировка выражает сущность главной проблемы автоматизации управления – создание высокоэффективной ИТ ее выполнения. Сложность задачи обусловлена необходимостью учета в автоматизируемом процессе человеческого фактора и связанных с ним трудно формализуемых качеств (управленческий талант, образовательный уровень, практический опыт работы, стиль мышления, склонность к риску и др.). Ключевым аспектом здесь является выработка специфических принципов и познание закономерностей интеллектуальной деятельности ЛПР в конкретной области.

Применительно к существующим средствам поддержки принятия решений речь идет о подготовке прогнозной информации о практических результатах принятого варианта решения. Следует отметить, что подобной информации недостаточно для принятия рационального стратегического решения. Ведь ЛПР интересуют не столько сами результаты расчетов по отдельным вариантам решения, сколько то, как, используя эти результаты, выявить основные закономерности, влияющие на протекание рассматриваемых процессов с тем, чтобы использовать эту вновь полученную информацию для подготовки и обоснования рационального управленческого решения. Затраты на получение и обработку этой дополнительной прогнозной информации и являются своеобразной «платой» за применение существующих средств автоматизации. Если при этом имеет место существенное повышение качества принимаемого решения, то ЛПР может пойти на определенное снижение оперативности процесса, связанного с затратами времени и усилий на получение, анализ и преобразование дополнительной информации.

Основным содержанием осуществляемого ЛПР преобразования данной информации является решение следующих вопросов:

1. Определение требуемого количества вариантов решения, гарантирующего соответствующий уровень обоснования принимаемого решения.

2. Выявление, на основе анализа результатов моделирования по заданным вариантам исходных данных, наиболее устойчивых «каузальных цепочек» вида «элементы обстановки – элементы решения – результаты реализации принятых управленческих решений», отражающих соответствующие закономерности процессов и непосредственно используемых для формирования соответствующих элементов решения, и их обоснование.

3. На основе системного анализа всей совокупности полученных «каузальных цепочек», в соответствии с целями и задачами проводимого стратегического планирования, осуществление синтеза рационального варианта стратегического решения и подготовка его обоснования.

Для оценки трудоемкости решения указанных вопросов отметим особенности вариантного метода, широко применяемого при стратегическом планировании. Прежде всего, ЭВМ, не будучи способна «различать» в рамках одного и того же варианта решения отдельные его элементы, фактически подменяет причинно-следственные отношения между ними отношениями толерантности. Это заставляет человека, использующего данную технологию, оперировать (на уровне исходных данных) одновременно всеми вариантами решения, поскольку оперирование лишь отдельными его данными будет с точки зрения определения рационального варианта решения неэффективным. Несоответствие «машинной» и «человеческой» технологий принятия решения приводит к глубоким обратным связям в этом процессе, повторному рассмотрению в ходе планирования одних и тех же вопросов, снижающих вследствие этого эффективность выполнения функций автоматизации принятия стратегического решения.

Для получения гарантированного результата вариативный метод предполагает полный перебор возможных вариантов решения. В виду большой размерности области принятия стратегического решения, это нередко возможно лишь теоретически. Такая высокая размерность задачи обуславливается тем, что в автоматизированных системах принятия решений реально существующие отношения между элементами

решения фактически подменяются отношениями толерантности, исключая при этом возможность декомпозиции проблемной задачи, а следовательно, и снижения ее размерности. Поясним последний тезис примером.

Пусть I – число элементов управленческого решения, J_i – число альтернативных значений i -го элемента ($i = 1, 2, \dots, I$). Тогда размерность проблемной задачи равна

$$r = \prod_{i=1}^I J_i. \quad (1)$$

Размерность этой же задачи при ее полной декомпозиции (если она возможна) равна

$$r^* = \sum_{i=1}^I J_i. \quad (2)$$

При больших размерностях I величина $r \gg r^*$. Это означает, что декомпозиция является наиболее рациональным способом снижения размерности проблемной задачи и важнейшим условием повышения эффективности ее решения. Если способ решения задачи большой размерности не допускает ее декомпозиции, то он не является эффективным. Это полностью можно отнести и к вариантному методу. Большое количество вариантов требует применения специальных математических методов оптимизации по критерию «эффективность–стоимость». Трудоемкость процесса преобразования дополнительной информации для принятия решения, получаемой с помощью существующих средств информатизации, представляется для задач большой размерности слишком высокой. Наиболее совершенные средства информатизации лишь «ускоряют» эти процессы, не меняя их сути. Внедрение в работу аналитических структур средств, реализующих лишь вариантный метод подготовки решения, означает подмену одной проблемы на другую, не уступающую первой по сложности, что, в целом, не позволяет говорить о повышении эффективности осуществления данного процесса.

Автоматизированное выполнение управленческой задачи можно рассматривать как решение некоторой слабо формализуемой задачи управления (СФЗУ). Применительно к автоматизированному управлению понятие качества решения СФЗУ обычно связывают с понятиями качества и оперативности подготовки управленческой информации. Если с этих

позиций рассматривать множество всех возможных способов решения СФЗУ, то можно поставит вопрос об определении рационального способа, при котором достигается наиболее высокий уровень качества решения при заданном ограничении на время его разработки и принятия. Тогда порядок решения частных задач СФЗУ, полученных при рациональном варианте ее декомпозиции, рассматривается как информационная технология данной функции управления.

В целом, принципы построения ИТ управления тесно связаны с принципами декомпозиции СФЗУ, которые отражают общие и специфические закономерности выполнения данной автоматизируемой функции управления. При этом речь идет о параметрическом семействе ИТ, в котором каждая технология обеспечивает реализацию данной управленческой функции с качеством, адекватным заданному ограничению на время ее выполнения, которое и рассматривается в качестве параметра. Применение «пакетов» технологий обеспечивают ЛПР наиболее широкий выбор и обоснование рациональной технологии в зависимости от величины располагаемого времени на реализацию данной управленческой функции.

Дальнейшее развитие исследуемых вопросов предполагает разработку методов построения баз знаний для обеспечения систем дедуктивного вывода и автоматизированного построения моделей процессов стратегического управления на региональном уровне на основе знаний, а также создание информационных технологий принятия стратегических решений с учетом отраслевой и региональной специфики решаемых вопросов безопасности.

Литература

1. Родионов М.А. Проблемы информационно-аналитического обеспечения современного стратегического менеджмента // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2014. № 202. – С. 65-69.
2. Родионов М.А. Информационно-аналитическая поддержка принятия решений в антикризисном менеджменте // Научный вестник Московского государственного технического университета гражданской авиации. – 2008. № 131. – С. 126-130.

Кравченко Л.И.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСБАЛАНСЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Государство как политическую систему образуют регионы, связанные друг с другом посредством вертикальных (иерархичных) и горизонтальных связей. Для устойчивости системы во времени необходимо обеспечить равномерность и сбалансированность развития всех ее элементов на принципах социальной справедливости и равномерности развития. Нарушение равновесия может привести к появлению экстремумов дисбалансов регионального развития в виде полюсов роста и депрессивных регионов.

Полюса роста аккумулируют внутри себя однородное в этническом отношении население с высоким уровнем жизни. Субъект Федерации становится фактически независимым от федерального центра. Депрессивные регионы неспособны обеспечить устойчивость развития, численность их населения сокращается, растет внутренний долг, темпы роста производственной сферы снижаются. В итоге происходит обострение социальной напряженности в регионе, растут протестные настроения, или наблюдается опустение региона, увеличиваются риски того, что территория будет занята геополитическим соседом (для приграничных регионов).

Наличие полюса роста, явно доминирующего над другими в краткосрочном интервале, чревато угрозами: он выступает центром притяжения рабочей силы (соответственно растет неравномерность ее размещения), происходит разрыв семейных связей, пересмотр ценностных основ общества. В долгосрочном периоде это ведет к стремлению полюса роста получить большую степень самостоятельности, развиваться в рамках собственной государственности. Особенно эта угроза становится реальной, когда совокупность условий появляется одновременно, тем самым их синергия дает неожиданный толчок, когда, пройдя точку невозврата, система выходит из равновесия.

В глобальном контексте общего исторического тренда на увеличение количества государств, в том числе непризнанных,

диспропорции развития создают дополнительные риски (они же характерны и для регионов России), которые обостряются в следующих ситуациях:

- этно-цивилизационные различия (пример: Югославия);
- сосредоточение крупных месторождений, наличие природных ископаемых, недоступных населению региона, или изымаемых (по этой линии произошел раскол в Судане);
- наличие автономии в рамках государственного образования.

Проблема диспропорции регионального развития остро актуальна. Показателен пример соседнего государства, от которого отделилась культурно обособленная Крымская автономия, а протестные движения на Востоке, начавшиеся с лозунгов отказа кормить западные области, вылились в гражданскую войну. В российских регионах-донорах тоже присутствуют оппозиционные настроения в отношении традиционно дотационных территорий.

Ежегодно разрывы социально-экономического регионального развития нарастают: увеличивается внутренний долг субъектов, сокращается число доноров, меняется соотношение численности населения регионов из-за неравномерности демографического роста. Это ведет к замедлению темпов роста российской экономики, активизации напряженности между регионами.

Сохраняется недостаточная разработанность государственных инициатив, ориентация на средние показатели, не учитывающие диспропорции. В итоге это отражается в целом на уровне стратегической безопасности государства.

Рассмотрим три ключевые сферы, региональные диспропорции, в которых создают угрозы национальной безопасности.

Демографическая. Во-первых, происходит изменение этнического состава ряда республик: концентрация титульной нации на местах постоянного проживания, что повышает вероятность роста сепаратистских настроений. Самыми неустойчивыми в этом отношении являются те республики Северного Кавказа, в которых доля титульных народов более 90%, а также Республика Тыва. В этих регионах наблюдается и самая низкая доля людей, говорящих по-русски (таблица 1).

Таблица 1. Регионы с наибольшей потенциальной угрозой националистической розни с русскими и сепаратизма, %

Субъект Федерации	Доля титульного народа	Доля русских	Доля владеющих русским языком
Республика Дагестан	96	4	91
Республика Ингушетия	93	1	88
Чеченская Республика	91	2	92
Республика Тыва	81	16	85

Будучи приграничными, эти регионы имеют больше геополитических возможностей отделения, так как при наличии открытой границы с другими государствами возможность влияния на них снижается.

Во-вторых, диспропорции демографической политики (естественная убыль или прирост) ведут к постепенной смене этнического состава, которые могут происходить двумя путями: посредством роста численности одной нации за счет естественного прироста, или при сокращении численности происходит заполнение пространства мигрантами – а это миграционный вызов или фактически невидимый захват территории.

Неизменной остается ситуация, при которой уровень жизни, в большинстве случаев, обратно пропорционален демографическим показателям: при постепенном восстановлении демографического прироста более половины всех субъектов по-прежнему демонстрируют естественную убыль населения (рис. 1). Значительное превышение рождаемости над смертностью – в республиках Северного Кавказа и национальных исламских, буддистских или традиционного верования республиках. Аномальной в этом случае является Москва, где увеличение численности сопровождается, во-первых, активным притоком мигрантов, во-вторых, высоким естественным приростом. С 2000 г. выросла доля жителей Москвы, Дагестана, Московской области (хотя в Московской области сохраняется естественная убыль населения), Чечни, Санкт-Петербурга, Краснодарского края в общей численности страны [1].

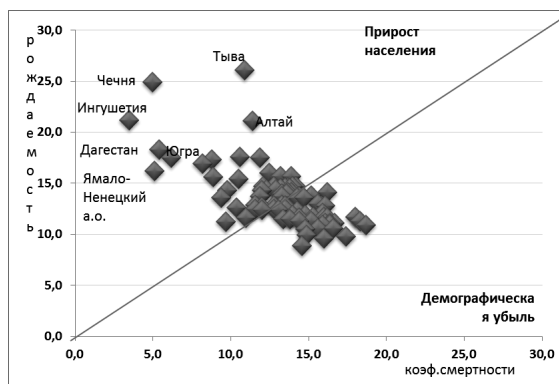

Рис. 1. Коэффициенты рождаемости и смертности по регионам (по данным Росстата)

В итоге появляется целая группа регионов с быстрорастущим населением. Эти диспропорции ведут к перераспределению миграционных потоков.

Социальное развитие также неравномерно. В 68 субъектах Федерации заработная плата ниже среднего и составляет 20248 руб., что охватывает 77,6% населения страны. Выделяется лишь Москва, где проживает 8,35% жителей страны, – здесь зарплата выше средней (рис. 2) [2].

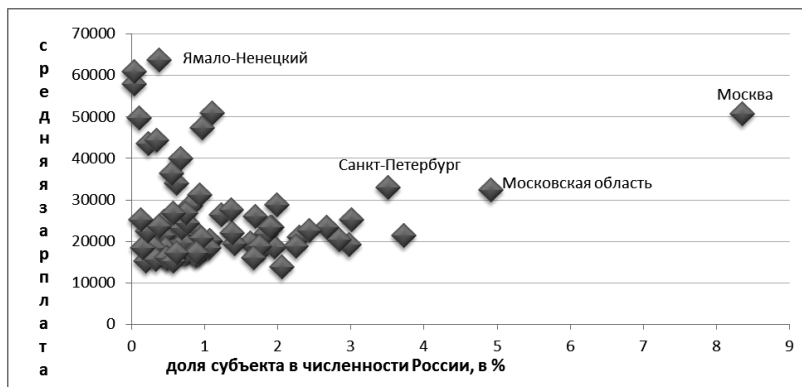

Рис. 2. Дифференциация регионов по уровню заработной платы (по горизонтали – доля населения региона в численности населения страны, по вертикали – средняя зарплата в руб.), по данным Росстата, 2012 г.

Если определять уровень жизни по косвенным показателям (доля расходов на продукты питания и количество автомобилей на 1000 человек), то вновь самыми успешными по уровню жизни будут 15 регионов, беднейшими – 31, из которых самыми бедными – республики Северного Кавказа, а также ряд других национальных республик и областей Центральной России. Данная дифференциация с годами только усиливается, что приводит к росту социальной напряженности и миграционным процессам внутри страны (рис. 3).

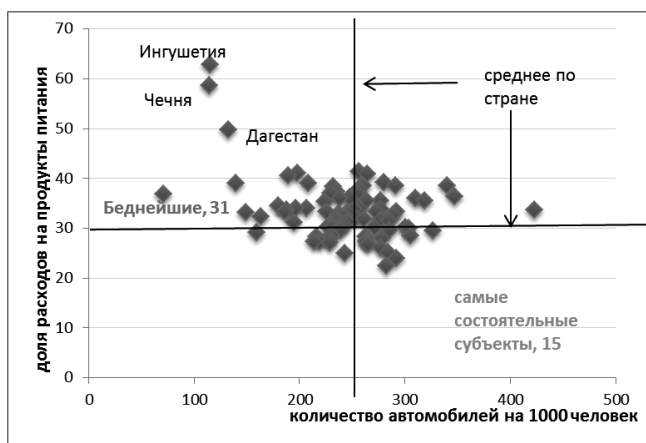

Рис. 3. Уровень жизни населения по регионам (по данным Росстата)

В политической плоскости экономические диспропорции проявляются в том, что в богатых природными ресурсами регионах нарастают сепаратистские настроения. Так, в Тюменской области элита и население негативно отнеслись к повышению норматива отчисления налога в федеральный бюджет.

Драйверами роста российской экономики могут стать отдельные регионы, но ускорение развития только некоторых субъектов увеличит диспропорции и приведет к росту сепаратизма в стране. Сейчас ряд регионов явно выделяются по уровню развития, средней заработной плате, объему валового регионального продукта и инвестиций на душу населения. Это в первую очередь регионы с ярко выраженной сырьевой специализацией: Тюменская область, Ханты-Мансийский и Ямало-

Ненецкий автономные округа. Они оказываются наиболее привлекательными по заработкам для населения соседних субъектов, что создает еще большие диспропорции и риски развития [3].

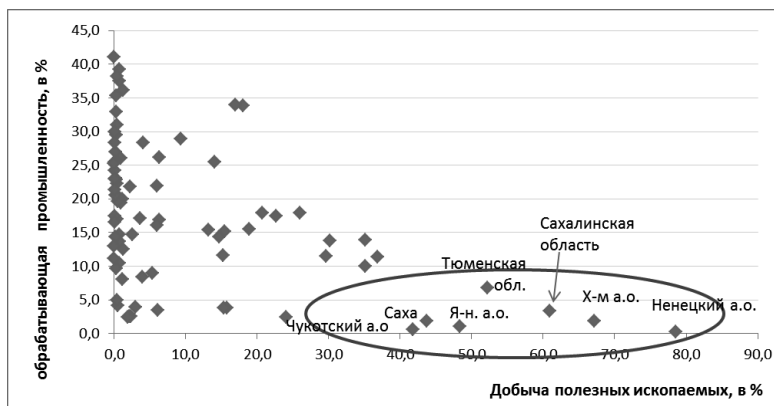

Рис. 4. Доля валовой добавленной стоимости добычи полезных ископаемых и обрабатывающей промышленности по регионам (по данным Росстата)

Таким образом, при стратегическом планировании регионального развития необходимо учитывать качественные и количественные параметры развития, принимать государственно-управленческие акты, нацеленные на стабильный и устойчивый рост субъектов Федерации, учитывать особенности социально-экономического развития и исходить из того, что стабильность государства как устойчивой системы зависит в первую очередь от равномерности и поступательности развития всех его субъектов.

Литература

1. Итоги Всероссийской переписи населения // Российская газета. – 2011. № 5660. – 16 декабря.
2. Регионы России: Социально-экономические показатели / Российский статистический ежегодник. – М.: Росстат, 2013.
3. Возможности и сценарии перехода к постлиберальной модели России. Материалы научного семинара. Вып. № 1–2. – М.: Наука и политика, 2014. – 208 с.

Абрамова О.Д.

АНАЛИЗ СОСТОЯНИЯ ИНВЕСТИЦИОННОГО КЛИМАТА РЕГИОНОВ РОССИИ

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года отмечается, что одним из главных направлений обеспечения национальной безопасности на региональном уровне на среднесрочную перспективу определяется создание механизмов сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов Российской Федерации путем сбалансированного территориального развития. Такой механизм – формирование и управление инвестиционным потенциалом региона. Рассмотрим подробнее основные методики, используемые для определения инвестиционного потенциала региона некоторыми субъектами регионального сегмента отечественной экономики.

Сущность методики *Рейтингового агентства «Эксперт РА»* заключается в использовании двух составляющих инвестиционной привлекательности регионов: инвестиционного потенциала и инвестиционного риска (см.: Концепция проекта «Рейтинг инвестиционной привлекательности регионов России» // Эксперт РА. URL: <http://raexpert.ru/ratings/regions/concept/>).

Инвестиционный потенциал региона представляет совокупность объективных предпосылок для инвестиций, которая зависит от наличия и разнообразия сфер и объектов инвестирования, а также их экономического состояния. Величина инвестиционного потенциала определяется значениями ресурсно-сырьевого, трудового, производственного, инновационного, институционального, инфраструктурного, финансового, потребительского и туристического потенциалов, каждый из которых описывается системой показателей. Ранг региона определяется количественной оценкой его потенциала как доли в суммарном потенциале всех субъектов России.

Инвестиционный риск характеризует вероятность потери инвестиций и дохода от них. Он аккумулирует семь частных видов рисков: экономический, финансовый, политический, социальный, законодательный, экологический и криминальный. Ранг каждого

региона по тому или иному виду риска определяется по значению индекса инвестиционного риска – относительному отклонению от среднероссийского уровня риска, принимаемого за единицу.

Обобщающим показателем инвестиционного потенциала (риска) выступает сумма множества средневзвешенных оценок по группам факторов:

$$I_{nom / риск} = \sum_0^h I_j * k_j^*,$$

где $I_{nom/риск}$ – обобщающая взвешенная оценка инвестиционного потенциала/риска;

I_j – оценка j -го показателя (фактора);

k_j^* – весовой коэффициент, отражающий относительную значимость j -го показателя (фактора) в оценке инвестиционного потенциала;

h – число потенциалов (или рисков).

Оценка весов вклада каждой составляющей в совокупный потенциал получается в результате опросов, проводимых среди экспертов. Результатом является сформированный рейтинг, согласно которому регионы распределены по 12 группам.

Взаимосвязь инвестиций, риска и потенциала характеризуется местом каждого региона в координатной плоскости, по оси ординат которой отложены суммарные инвестиции, приходящиеся на 1% потенциала региона, а по оси абсцисс – индекс инвестиционного риска. «Эксперт РА» публикует рейтинги инвестиционной привлекательности регионов ежегодно. Преимуществом методики является его реализация на практике. К числу недостатков методики следует отнести следующее: трудоемкость и дороговизна; отсутствие объективного критерия достоверности; отсутствие взаимосвязи между составляющими инвестиционной привлекательности и результатом ее реализации; непрозрачность сведения составляющих в интегральный показатель.

В методике рейтинга инвестиционной привлекательности регионов, разработанного *Национальным рейтинговым агентством* (далее – НРА) инвестиционный климат рассматривается как совокупность факторов, влияющих на целесообразность, эффективность и уровень рисков

инвестиционных вложений на территории данного региона. Эти факторы являются активным фоном для всех инвестиционных проектов, реализуемых на территории региона, влияют на риск и доходность данных проектов.

Инвестиционная привлекательность региона складывается из нескольких факторов, каждый из которых может быть оценен с помощью подбора для него прокси-переменных. В рейтинге Национального рейтингового агентства рассматриваются семь факторов региональной инвестиционной привлекательности:

- *обеспеченность региона природными ресурсами и качество окружающей среды;*

- *трудовые ресурсы региона;*

- *региональная инфраструктура* (уровень развития и доступности «жесткой» инфраструктуры – транспортной, энергетической, телекоммуникационной, жилищной и «мягкой» – прежде всего финансовой);

- *внутренний рынок региона (потенциал регионального спроса):* уровень развития внутреннего рынка региона (в том числе масштабы секторов розничной торговли и платных услуг), располагаемые доходы и покупательная способность населения региона;

- *производственный потенциал региональной экономики:* совокупные результаты и особенности экономической деятельности предприятий, работающих в регионе (объем и динамика производства, размер активов, их качество и эффективность их использования);

- *институциональная среда и социально-политическая стабильность:* экспертная оценка эффективности регионального законодательства, регулирующего взаимодействие власти и инвесторов, экспертная оценка благоприятности регионального налогового законодательства (наличие налоговых льгот и возможности их получения), уровень социальной и криминальной напряженности в регионе;

- *финансовая устойчивость регионального бюджета и предприятий региона:* состояние государственных финансов в регионе (сумма налоговых поступлений, сбалансированность бюджета, региональный государственный долг), а также оценка финансового

положения предприятий региона (прибыльность (убыточность) фирм, состояние кредиторской и дебиторской задолженности организаций, наличие инвестиционных ресурсов).

Для оценки перечисленных семи факторов специалистами НРА составлен набор из 53 показателей (прокси-переменных), которые можно разделить на три группы:

1. Статистические, источником которых являются официальные публикации статистических органов и федеральных органов власти.

2. Опросы предпринимательского сообщества, проводимые Росстатом в рамках обследования инвестиционной активности организаций.

3. Экспертные оценки факторов инвестиционной привлекательности региона, статистика по которым не ведется или не публикуется в открытом доступе (мнения специалистов в области прямых и портфельных инвестиций, имеющих опыт работы с инвестиционными проектами в российских регионах).

Процедура присвоения рейтинговых оценок включает в себя несколько этапов. На первом – собираются ряды данных по каждому из 53 используемых показателей для всех регионов, рассматриваемых в рамках исследования. На втором этапе исходные статистические, опросные и экспертные показатели преобразуются в расчетные индикаторы на основе соотнесения значения показателя каждого отдельного региона с минимальным, максимальным и средним значениями среди всех рассматриваемых регионов. Затем с использованием экспертных весов рассчитываются агрегированные оценки всех факторов инвестиционной привлекательности, а также интегральный индекс инвестиционной привлекательности для каждого региона. На заключительном этапе определяются пороговые значения индекса, на основе которых произошло распределение регионов по трем укрупненным категориям и девяти группам инвестиционной привлекательности.

Рейтинговая оценка инвестиционной привлекательности региона присваивается по специальной шкале, разделенной на три категории, внутри каждой из которых выделяются три уровня:

Категория **«Регионы с высоким уровнем инвестиционной привлекательности»:**

- Группа **IC1** (высокая инвестиционная привлекательность – первый уровень);
- Группа **IC2** (высокая инвестиционная привлекательность – второй уровень);
- Группа **IC3** (высокая инвестиционная привлекательность – третий уровень).

Категория **«Регионы со средним уровнем инвестиционной привлекательности»:**

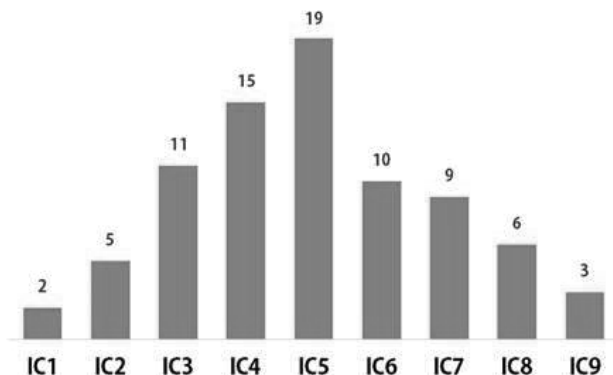
- Группа **IC4** (средняя инвестиционная привлекательность – первый уровень);
- Группа **IC5** (средняя инвестиционная привлекательность – второй уровень);
- Группа **IC6** (средняя инвестиционная привлекательность – третий уровень).

Категория **«Регионы с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности»:**

- Группа **IC7** (умеренная инвестиционная привлекательность – первый уровень);
- Группа **IC8** (умеренная инвестиционная привлекательность – второй уровень)
- Группа **IC9** (умеренная инвестиционная привлекательность – третий уровень)

Рейтинг инвестиционной привлекательности российских регионов 2013 г. показал наличие двух ярко выраженных причин, позволяющих регионам быть привлекательными для инвесторов. Первой причиной является обладание региона базовыми преимуществами, привлекательными для инвесторов. К таким базовым характеристикам относятся богатые запасы природных ресурсов, столичный статус и выгодное географическое положение. Второй причиной роста инвестиционной привлекательности региона является целенаправленная работа по созданию благоприятного инвестиционного климата, способствующая привлечению крупных инвесторов и развитию бизнеса. Регионам, ведущим такую работу, удалось войти в число регионов

с высокой инвестиционной привлекательностью, хотя многие их ближайшие соседи, обладающие аналогичными «стартовыми позициями» получили средний или умеренный рейтинг. Кроме того, высокие оценки нескольких регионов обусловлены комбинацией двух названных причин (например, в случае Татарстана).

Источник: Расчеты НРА

Рис. 1. Количество регионов в группах рейтинга

18 регионов, входящих в группы IC1, IC2 и IC3 рейтинга НРА (категория «высокая инвестиционная привлекательность») в совокупности привлекли более 71% от общего притока ПИИ в Россию без учета офшорных инвестиций, в то время как на долю 18 регионов, обладающих рейтингом IC7, IC8 и IC9 (категория «умеренная инвестиционная привлекательность») пришлось менее 1,8% от притока ПИИ в Россию. Эти цифры могут свидетельствовать о том, что иностранные инвесторы ориентируются при выборе региона в том числе на показатели, включенные в методику оценки инвестиционной привлекательности регионов НРА.

Лидерами рейтинга инвестиционной привлекательности регионов России 2013 г. стали *Москва* и *Сахалинская область*. Эти два региона вошли в группу **IC1** (высокая инвестиционная привлекательность – первый уровень).

Высокая инвестиционная привлекательность Москвы и Сахалинской области подтверждается активностью иностранных инвесторов. По подсчетам экспертов НРА на основе данных Росстата, Москва привлекла в 2012 г. около 23% от общего притока прямых

иностранных инвестиций в Россию без учета офшоров. Сахалинская область, в свою очередь, привлекла около 4% от суммарного притока ПИИ в 2012 г., но при этом заняла по итогам 2012 г. уверенное первое место по показателям притока и накопления прямых иностранных инвестиций в расчете на душу населения.

В группу **IC2** (высокая инвестиционная привлекательность – второй уровень) вошли пять регионов: *Санкт-Петербург, Московская область, Тюменская область* (вместе с входящими в ее состав автономными округами), *Республика Татарстан* (по каждому из семи факторов инвестиционной привлекательности, рассматриваемых в рейтинге, Татарстан входит в число 12 лучших регионов страны); *Белгородская область* (в последнее время регион все активнее использует еще одно свое конкурентное преимущество – плодородные почвы; сельское хозяйство и пищевая промышленность стали настоящими драйверами роста для экономики региона и одними из наиболее привлекательных направлений для инвестиций).

Группа **IC3** (высокая инвестиционная привлекательность – третий уровень) включает 11 регионов. Среди них представлены «ресурсные» регионы (*Камчатский край, Магаданская область, Томская область, Чукотский АО*), традиционные промышленные (*Ленинградская область, Самарская область, Свердловская область, Хабаровский край*) и аграрно-промышленные (*Краснодарский край*) центры. *Калининградская область* является привлекательной для инвестиций как в силу своего стратегического географического положения, так и в силу высокого инфраструктурного и институционального развития. Наконец, *Калужская область*: благодаря созданию благоприятного инвестиционного климата руководству области удалось привлечь в регион крупные иностранные инвестиции, прежде всего в несколько кластеров обрабатывающей промышленности.

Более половины всех регионов России (44 субъекта из 80 рассматриваемых в рамках исследования) имеют «средний» уровень инвестиционной привлекательности (группы **IC4**, **IC5** и **IC6**). Обнадеживающим является тот факт, что многие из них отличаются достаточно хорошим уровнем развития инфраструктуры и высоким качеством институциональной среды.

Достаточно сложной является ситуация с инвестиционной привлекательностью регионов, получивших рейтинги **IC7**, **IC8** и **IC9**. Эти регионы находятся ниже среднероссийского уровня по большинству показателей, включенных в методику НРА. Недостаточно высокая инвестиционная привлекательность большинства этих регионов – результат сочетания низкой обеспеченности природными ресурсами и структурных социально-экономических проблем, на решение которых может потребоваться немало времени и ресурсов. В частности, *республикам Северного Кавказа, Республике Калмыкии и Республике Тыве* необходимо развивать инфраструктуру (в том числе транспортную, телекоммуникационную и финансовую), повышать квалификацию трудовых ресурсов, создавать эффективные институты и решать вопросы социального развития. Что же касается ряда регионов *Центральной России, Поволжья и Северо-Запада*, оказавшихся в числе регионов с умеренным уровнем инвестиционной привлекательности, то для них оптимальным решением может стать использование опыта их ближайших соседей – субъектов Федерации, расположенных в тех же самых макрорегионах, но значительно более успешных в привлечении инвестиций.

Понятно, что любой рейтинг инвестиционной привлекательности в значительной мере зависит от статистических данных, которые учитывают происходящие в регионе изменения с некоторым опозданием. Если руководство региона ведет активную деятельность по повышению инвестиционной привлекательности, то нет необходимости ждать момента, когда эти меры найдут отражение в статистике. Региональные власти могут доносить оперативную информацию о происходящих позитивных изменениях с помощью СМИ, региональных инвестиционных порталов, личных встреч руководителей регионов с потенциальными инвесторами. Если инвестор получит гарантии и убедительные доказательства того, что регион динамично развивается, он может проигнорировать сведения о текущем рейтинге инвестиционной привлекательности.

Многообразие условий и факторов, под воздействием которых происходит развитие субъектов РФ на современном этапе, определяет необходимость в разработке единого системного подхода к оценке

инвестиционной привлекательности регионов, учитывающего все условия и факторы их социально-экономического развития. При разработке новой методики предлагается учитывать как количественные показатели, оказывающие воздействие на инвестиционный климат, так и качественные, к которым относятся отношение к иностранным предпринимателям, степень доверия населения к региональным властям и т. д.

Таким образом, возникает необходимость разработки метода оценки инвестиционного климата, устраняющего перечисленные недостатки и отвечающего следующим критериям:

- наличие интегральной оценки инвестиционного климата как функции от показателей инвестиционной привлекательности и инвестиционной активности;
- возможность регулярного проведения расчетов;
- прозрачность процедуры оценки.

На наш взгляд, при наличии уже имеющихся подходов и методик, исследование региональной инвестиционной проблематики должно основываться на системном подходе, который учитывал бы позитивные и негативные стороны каждой методики в отдельности.

В ноябре 2013 г. В.В. Путин поставил задачу разработать Национальный рейтинг состояния инвестиционного климата субъектов РФ. Цель рейтинга – способствовать формированию равномерно благоприятного инвестиционного климата во всех регионах России. Он должен стать механизмом оценки реализации национальной предпринимательской инициативы. Одновременно должны создаваться стимулы для тех регионов, которые развивают свою экономическую базу, кто сделал смыслом своей работы поддержку деловой инициативы и создание новых производств и рабочих мест.

РАЗВИТИЕ ПРОМЫШЛЕННЫХ ЗОН КАК УСЛОВИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНА

Российское региональное экономическое развитие характеризуется узкой специализацией регионов с крупным масштабом и интегрированным промышленным производством предметов потребления, товаров промышленного назначения и услуг, основанных преимущественно на местных ресурсах и экспертных знаниях [1]. В этом проявляется отечественный опыт кластерной политики, выраженный в созданных в советское время моногородах, наукоградах и разного рода закрытых административно-территориальных образованиях (ЗАТО).

Особый интерес в данном контексте представляют такие ЗАТО, основным назначением которых являлось выполнение государственного оборонного заказа. Промышленные предприятия ЗАТО в период существования СССР имели в своем арсенале передовые технологии, высокую культуру труда, наукоемкое производство и обладали значительным потенциалом развития. Однако в середине 1990-х гг., вследствие выбранного курса на разоружение, во многих закрытых территориальных образованиях госзадание было снято, и ресурсы оказались невостребованными.

Но очевидно, что при создании современной модели инновационной экономики именно эти особенности ЗАТО определяют их конкурентоспособный облик. Для устойчивого развития территории необходима интеграция хозяйствующих субъектов, функционирующих в ЗАТО, в единое региональное экономическое пространство.

Решение проблемы постепенной интеграции территорий данного типа возможно путем создания здесь промышленных парков, ориентированных на наукоемкое производство. Такая форма кластера предназначена не только для совершенствования и переориентации действующих промышленных производств (уже не выполняющих оборонный заказ или выполняющего его в меньшей степени), но и для создания на их базе малых промышленных инновационных предприятий.

Ядром промышленного парка является наукоемкое производство, вокруг которого сосредотачиваются:

- предприятия-резиденты, деятельность которых ориентирована на выполнение заказов предприятий, относящихся к ключевой отрасли;

- резиденты, реализующие инновационные проекты в рамках ключевой отрасли;

- резиденты, реализующие проекты в смежных отраслях, развитие которых является перспективным для экономики ЗАТО.

Как свидетельствует мировая практика, благодаря созданию промышленных парков подобного типа увеличиваются налоговые поступления в бюджет региона, развивается малое и среднее предпринимательство, создаются дополнительные рабочие места и пр.

Таким образом, создание промышленных парков в границах ЗАТО будет способствовать не только экономической интеграции этих территорий, но и экономическому развитию региона в целом посредством развития малого и среднего бизнеса, ориентированного на производство. Также промышленный парк способен оказывать поддержку предпринимателям, реализующим инновационные проекты, и инновационным, действующим на основе взаимодействия с вузами и другими элементами инфраструктуры поддержки инновационной деятельности в регионе.

Чтобы интегрировать ЗАТО в общее экономическое пространство региона, нужно разработать единую модель создания промышленных парков, которую можно будет использовать на территориях данного типа с учетом их специфических особенностей и возможных рисков.

Реализация данного проекта предполагает, что режим ЗАТО вступает в противоречие с инновационным развитием, поскольку при его сохранении в действующем на сегодняшний день правовом и административном формате, возрастают риски и ограничения развития, а возможности для предприятий сокращаются.

Для дальнейшего развития и создания современной инновационной территории необходимо законодательно пересмотреть систему организации охраны поселений, оставив ее исключительно на режимных объектах.

В целях обеспечения эффективного взаимодействия промышленных парков смежных отраслей, расположенных на территории данного типа, представляется целесообразным объединить их в единую сетевую структуру. Конструкция подобного рода расширяет возможности для технопарков в сфере коммуникации и трансфера технологий, позволяя предоставлять больший спектр услуг, достигать улучшенных показателей эффективности и обеспечивать физическое присутствие в значимых для промышленного парка городах или на иных территориях [2].

Интенсивное развитие информационных технологий и инфраструктуры приводит к увеличению скорости передачи информации и движения финансовых потоков. Благодаря этому создаются возможности, позволяющие абстрагироваться от географического фактора в процессе построения сети промышленных парков. Зарубежные специалисты в области пространственного планирования А. Малмберг и П. Маскелл утверждают, что в настоящее время представляется нецелесообразным привязывать использование концепции экономии к одному конкретному пространственному уровню [3, с. 658]. С учетом мирового опыта, вследствие этого будет актуальным создание так называемых виртуальных сетей промышленных парков, расположенных на территориях ЗАТО.

Виртуальная сеть промышленных парков представляет собой объединение промышленных парков, относящихся к смежным отраслям, взаимодействие которых осуществляется в виртуальном пространстве на основе отраслевой совместимости. Фактор географической близости уходит на второй план.

В рамках виртуальной сети промышленных парков будут объединены промышленные парки, научно-исследовательские центры, профильные вузы, финансовые институты, консалтинговые фирмы и другие организации. Границы виртуальной сети промышленных парков определяются территориями ЗАТО. Как представляется, данная инновационная структура может стать весьма перспективным образованием, помогающим повысить эффективность разработки инновационного продукта.

Для реализации подобного проекта с организационной точки зрения необходимо, во-первых, создание центра эффективного взаимодействия промышленных парков». Здесь будет осуществляться информационно-аналитическое планирование, анализ и координация инновационной деятельности промышленных парков. Отсюда же будет производиться методическое, организационное, экспертно-аналитическое и информационное сопровождение развития сети.

Во-вторых, необходимо создание информационного портала, который будет безвозмездно оказывать информационную поддержку предприятиям, входящим в данные промышленные парки. Информационный портал также нужен для содействия выводу на региональные и международные рынки новых продуктов и услуг, обеспечение обратной связи с потенциальными потребителями, координации и продуктивного взаимодействия участников при реализации совместных проектов.

Какие сложности могут возникнуть при реализации проекта? Наиболее серьезна кадровая задача. В настоящее время наблюдается значительный отток экономически активного населения из моногородов, наукоградов и ЗАТО. Вызвано это в основном тем, что в связи с сокращением государственного заказа на градообразующих предприятиях сокращаются рабочие места, снижение популярности технических специальностей также пагубно влияет на данную ситуацию.

Процесс формирования кадрового потенциала может быть ориентирован как на долгосрочную, так и на краткосрочную перспективу. В долгосрочной перспективе представляется необходимым разработать программу по формированию позитивного образа технических и естественнонаучных специальностей. В качестве мер по реализации данной программы предлагается организовать на базе сети промышленных парков встреч со школьниками и проведение профориентационных мастер-классов. Для учащихся старших классов возможно проведение открытых уроков и факультативов, рассказывающих о промышленных специальностях, развитии различных отраслей, ситуации в современной промышленности.

Кроме того, можно проводить дни открытых дверей на предприятиях, входящих в промышленный парк, во время которых должна быть продемонстрирована работа по промышленным специальностям непосредственно в цехах и отделах, рассказано о современных технологиях и оборудовании.

Также в долгосрочной перспективе представляется необходимым сокращение набора студентов для обучения гуманитарным специальностям на бюджетной основе, в свою очередь, увеличивая количество бюджетных мест для обучения техническим и естественнонаучным специальностям. Для повышения престижа последних необходимо вводить целевое обучение от предприятий, входящих в сети промышленных парков и вернуть государственное распределение кадров, получивших образование за счет государства.

Для решения проблемы кадрового потенциала в краткосрочной перспективе целесообразно реализовать программу партнерских соглашений между промышленными парками и профильными вузами. Данная программа предполагает прохождение практики и стажировки студентов на предприятиях промышленного парка и систему грантов для реализации студенческих проектов в рамках промышленного парка.

Актуальным также является поддержка молодых специалистов, работающих в промышленных парках на территориях ЗАТО. Данная поддержка в первую очередь подразумевает предоставление жилья на льготных условиях.

В целом, создание современной полноценной социальной инфраструктуры (многопрофильные больницы и оздоровительные центры, поликлиники, школы, детские сады, спортивные центры, дома культуры), один из основополагающих факторов привлечения молодых специалистов на территории типа ЗАТО.

Таким образом, использование потенциала градообразующих предприятий в качестве фундамента для построения промышленных парков с последующим их объединением в сетевую структуру позволит создать перспективы для развития не только региональной экономики, но и, в конечном счете, позитивно скажется на конкурентоспособности российской промышленности в целом.

Литература

1. Stimson, Robert J., Regional Economic Development Analysis and Planning Strateg; 2nd ed. 2006, XIV, 452 p.
2. Санатов Д. Модели технологических парков / Доклад на семинаре «Креативный город», г. Тольятти, 2009 г. – Электронный ресурс. – URL: http://www.csr-nw.ru/upload/file_category_186.pdf
3. Синергия пространства: региональные инновационные системы, кластеры и перетоки знания. Отв. ред. А.Н. Пилясов. – Смоленск: Ойкумена, 2012. – 760 с.

Титов В.Б.

ВАРИАТИВНЫЙ (РЕГИОНАЛЬНЫЙ) КОМПОНЕНТ ФЕДЕРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СТАНДАРТА КАК ИСТОЧНИК УГРОЗ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Сегодня в Российской Федерации в сфере управления образованием реализуется программно-целевое планирование, на смену которому приходит проектно-целевое планирование. Формирование и развитие системы образования России осуществляется на основе управления образовательными программами, а в дальнейшем будет осуществляться – на основе управления проектами. В этих документах применительно к объему и содержанию образования используются понятия: «основное», «базовое», «вариативное», заменившие понятия второго поколения стандартов, – «федеральное», «региональное», «вузовское». Такая подмена понятий снижает ответственность разработчиков образовательных стандартов перед государством, и не укрепляет региональную безопасность. При негармоничном соотношении федерального (базового обязательного нормативного) и национально-регионального (вариативного инновационного) в образовательной системе вариативный компонент федерального государственного образовательного стандарта может стать источником угроз национальной безопасности.

Иницилируя разнонаправленные процессы, эти понятия являются источником конфликтов как на общепедагогическом (сохранение единства образовательного пространства), так и дидактическом уровнях (ответственность педагога за качество обучения и состояние обучаемых). Необходимо снизить конфликтный потенциал системы образования. Это возможно при наличии у реализуемых педагогической и дидактической систем свойства наблюдаемости, которое формируется, во-первых, в случае ограничения регионального образовательного компонента федеральным и, во-вторых, при полной равноценности вариативного (регионального) и нормативного (федерального) образовательных компонентов (Титов В.Б., «Педагогико-эргономическая парадигма профессионального становления военных педагогических кадров», 2001 г.). Это касается и содержания обучения и ценностей, норм и традиций.

Во втором поколении государственных образовательных стандартов федеральный компонент дополнялся региональным посредством регулирования соотношения обязательной части основной образовательной программы и вариативной части, формируемой участниками образовательного процесса. Осуществлялся принцип преемственности основных программ различных уровней образования и единства образовательного пространства России. Обеспечение единства образовательного пространства стало заботой Министерства образования. Для этого «разрабатывались предложения о формировании системы базовых и дополнительных общеобразовательных программ, обеспечивающих подготовку обучающихся к освоению основных профессиональных образовательных программ высшего и среднего профессионального образования, формировались принципы интеграции образовательных учреждений различных уровней в образовательные комплексы» [1].

В третьем поколении образовательных стандартов вариативная составляющая стала определяться не только направлением подготовки, мнением общественных организаций (учебно-методических объединений), образовательных учреждений и педагогических коллективов, но, и, в еще большей степени, рекомендациями объединений юридических лиц, работодателей, общественных

организаций, в том числе зарубежных. Возникла угроза утраты национальных основ образовательной системы. Степень опасности усиливается еще и тем, что Федеральный закон об образовании, не определяя понятие «образование» и как процесс, и как результат, сводит его к обучению и воспитанию. Таким образом, педагогика не получила тезауруса, имеющего отношение к образованию РФ как суверенного национального государства.

Принятый в декабре 2012 г. Закон «Об образовании в Российской Федерации», в отличие от действовавшего с 1992 г. Закона «Об образовании», содержит не только лишний предлог «в», который отсутствует в названии Министерства, но и юридически закрепляет новую для педагогики категорию «компетенция» как способность применять знания, умения и личностные качества для успешной деятельности в определенной области. Образование сводится к формированию установленной совокупности компетенций, часть из которых относится к педагогически и психологически ненаблюдаемым свойствам личности, ответственность за формирование которых педагогом формальна и не предполагает юридических последствий.

Еще большую неопределенность в образовании привносит сетевая форма реализации образовательных программ и дистанционные образовательные технологии, под которыми понимаются «технологии, реализуемые в основном с применением информационно-телекоммуникационных сетей при опосредованном (на расстоянии) взаимодействии обучающихся и педагогических работников» [2, ст. 15, п. 1.1; 3, ст. 16]. Из образования исчезает понятие «родная школа» и функция передачи социального опыта. За прошедшие двадцать лет стало очевидным, что такая форма обучения может служить для ведущих образовательную деятельность неправительственных организаций инструментом проецирования «мягкой силы», а еще конкретнее – ведения информационной войны против суверенного государства.

Экономика – заказчик «университета XXI в.», утверждают политико-экономические либералы и предлагают международные формы организации системы формирования профессиональных

компетенций. Но немалая часть педагогической общественности считает, что «нужна такая система воспитания и образования, которая бы одновременно формировала человека как гражданина, как всесторонне развитую личность, как профессионала своего дела» [4], созидającego Русский мир. Формирование качеств носителя государственности должно быть базовым педагогическим процессом, ограничивающим саморазрушительный потенциал либеральной идеи.

Конечно, как это и указано в Конституции Российской Федерации, система образования создается для удовлетворения потребности и реализации права «каждого». Соответствующие базовые документы субъектов Федерации в основной своей массе устанавливают право на получение услуги прямо или косвенно, свободно выбрав форму ее получения и вида образовательного учреждения. Присутствует и закрепление права на образование, которое состоит в гарантиях реализации принципа государственной поддержки системы образования и в развитии сети образовательных учреждений (подробный анализ особенностей закрепления гарантий конституционного права на образование в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации можно найти в работе Т.Э. Петросяна [5]).

Но можно ли удовлетворить чаяния государственников (консерваторов) и либералов – стороны педагогического конфликта интересов, имеющего политологическую и геополитическую значимость?

Идея модерации педагогического конфликта ищется сегодня в самой сущности международного сотрудничества между университетами, политики межцивилизационной синергии, связанной с выявлением принципов их взаимодействия. Международные университеты предложено создавать двумя способами. Во-первых, путем реализации программ международного сотрудничества, в рамках которых группа студентов перемещается по кафедрам университетов разных стран. Во-вторых, университет может иметь кампусы в нескольких странах и обеспечивать сопоставительное освоение социокультурных условий разных стран.

Результатом должно стать возникновение «интеграционных мостов», «страновых мостов», «коридоров развития» (Л. Ларусс).

Создается открытое образовательное пространство и формируется трансграничная идентичность.

Россиянам предлагается не только принять западные ценности, но и передать Западу человеческий ресурс. (Как тут ни вспомнить ополчение иезуитами Украины в XV-XVII веках! И следует обратить внимание на то, что одним из эффективных геополитических инструментов оказался именно педагогический – дидактика Я.А. Каменского, изложенная в ставшем классическим труде «Об обучении всех всему».)

«Основу международного университета составляет не столько исследовательский институт, производящий прорывное фундаментальное знание, не столько инновационно-разработническая фирма ... сколько своеобразный театр, форум идентичностей, на котором демонстрируются образцы разностилевого мышления, имеющие разную социокультурную, цивилизационную и возможно конфессиональную подоснову [6]. Подобный театр идентичностей рассматривается в качестве специального института, который в процессе межкультурного диалога между населением стран мира призван сформировать выгодную для транснациональных корпораций профессиональную мобильность высококвалифицированных специалистов.

Поэтому для решения вопросов национальной безопасности путем ограничения вариативного международного и вариативного регионального компонентов образования нормативным государственным, нам необходимо сформулировать и решить для себя основной вопрос образования и вытекающие из него базовый и главный вопросы.

1. Основной вопрос образования. Что первично: обучение или воспитание? Очевидно, что это вопрос философии образования, которая не помогла педагогике раскрыть сущность воспитания в принятом в 2012 году Федеральном законе «Об образовании в Российской Федерации». Воспитание определено как вид образования, деятельность, направленная не на формирование, а уже на «развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающегося...» [3, ст. 2]. Сомнительно, чтобы такая непонятно кем

сформированная совокупность профессионально важных качеств выпускника в виде компетенций и свойств личности (впрочем, весьма своеобразно трактуемых в вариативном компоненте образовательного стандарта, квалификационных требованиях и профессиональных стандартах) является гарантией возникновения интегрирующих социум качеств личности, таких, например, как гражданственность и профессиональная надежность специалиста. Согласно ст. 94 упомянутого закона, в процессе государственной регламентации образовательной деятельности, педагогическая экспертиза вообще не касается вопросов воспитания.

2. **Базовый** вопрос образования. Какие основные ценности Русского мира необходимо гарантированно передавать молодежи и чем можно поступиться из принципа экономии? Ныне действующий Закон об образовании не содержит анонсируемых в ст. 2 «социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в обществе правил, и норм поведения». Проблема, в свете реализуемого Министерством образования и науки РФ компетентностного подхода, является психолого-педагогической. Но о передаче социального опыта предложено говорить на языке урезанной компетенции, понимаемой не как способность и готовность к использованию знаний, умений и свойств личности, а только как способность.

3. **Главный** вопрос. Какую систему образования мы организуем сегодня: Восточную или Западную? Модель педагогики Востока: «звездная команда», передача социального опыта в школе. Модель педагогики Запада: «команда звезд», передача социального опыта в семье. Как известно институт семьи за XX век в России сильно пострадал. Поэтому принципиально важно для нашего государства, чтобы базовое и вариативное в сущности и содержании образования были направлены на создание **образовательной системы РФ**, а не на создание **системы образования в РФ**. Последняя на практике способна стать лишь простой совокупностью аккредитованных в РФ образовательных учреждений и организаций, ведущих образовательную деятельность («иностранных агентов» в том числе). Свойство наблюдаемости прививается искусственно

и забалтывается с использованием понятия «система качества образования», «система управления качеством образования». Образовательная система РФ должна строиться как обладающая атрибутивным свойством наблюдаемости на основе ограничения регионального образовательного компонента федеральным при полной равноценности вариативного (регионального) и нормативного (федерального) как на уровне содержания образования, так и его сущности.

Литература

1. О проблемах сохранения единства образовательного пространства в Российской Федерации: Решение коллегии Министерства образования Российской Федерации от 05 декабря 2000 г. № 19.
2. Закон РФ от 10 июля 1992 г. «Об образовании» № 3266-I. Закон утратил силу с 1 сентября 2013 г. Федеральным законом от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ.
3. Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. – 2012. № 303. – 31 декабря.
4. Столярова Н.К. Система образования в США, СССР и России. Электронный ресурс. – URL: <http://www.nasima-stolyarova.narod.ru/s19.html>
5. Петросян Т.Э. Особенности закрепления гарантий конституционного права на образование в конституциях и уставах субъектов Российской Федерации // Современный мир: сравнительные исследования. – 2013. № 3. – С.13-37.
6. Громыко Ю. Типы и функции университетов в процессах регионостроительства // Энергетика Татарстана. – 2008. № 1. – С.39-44.

ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ТЕРРОРИЗМУ НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

В последние годы в Российской Федерации проведен комплекс организационно-политических и законодательных мер, направленных на совершенствование противодействия террористической угрозе, включая создание Национального антитеррористического комитета (НАК) и Антитеррористических комиссий в субъектах Российской Федерации [1]. В этой связи представляется необходимым коснуться некоторых вопросов стратегического управления в области противодействия терроризму на уровне субъектов Российской Федерации.

Целью противодействия терроризму в Российской Федерации является защита личности, общества и государства от преступлений террористического и экстремистского характера, выявление и устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской и террористической деятельности. При этом мы исходим из того, что терроризм представляет собой наиболее опасную форму политического экстремизма [2].

На заседании Национального антитеррористического комитета Российской Федерации 10 июня 2014 г. председатель НАК А.В. Бортников подчеркивал, что приоритетность в обеспечении региональной безопасности принадлежит, наряду с непосредственной борьбой с экстремизмом и терроризмом, также активному противодействию распространению экстремистских и террористических идеологий и идей, противодействие их пропаганде [3].

В п. 4 ст. 3 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» разъясняется, что под противодействием терроризму понимается «деятельность органов государственной власти и органов местного самоуправления, а также физических и юридических лиц по:

а) предупреждению терроризма, в том числе по выявлению и устранению причин и условий, способствующих совершению террористических актов (профилактика терроризма);

б) выявлению, предупреждению, пресечению, раскрытию и расследованию террористического акта (борьба с терроризмом);

в) минимизации и (или) ликвидации последствий проявлений терроризма».

Остановимся преимущественно на первом из указанных направлений противодействия терроризму в различных субъектах Российской Федерации. Тем более, что Федеральным законом от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ были внесены существенные дополнения в содержание полномочий высшего должностного лица (руководителя высшего исполнительного органа государственной власти) субъекта Российской Федерации (ст. 5.1 Федерального закона от 6 марта 2006 г. № 35-ФЗ «О противодействии терроризму»; ст. 6 Федерального закона от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации») [4].

Так ст. 5.1 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» («Полномочия органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в области противодействия терроризму») требует от руководителя высшего исполнительного органа государственной власти (субъекта Российской Федерации) организовать реализацию государственной политики в области противодействия терроризму, организовать деятельность Антитеррористических комиссий субъекта Российской Федерации, организовывать мониторинг и разработку региональных программ в области профилактики терроризма и экстремизма и выполнения ряда иных функций.

Отметим, что единая государственная политика в области противодействия террористическим и экстремистским угрозам, по нашему мнению, представляет собой основанную на единой нормативной правовой и концептуальной основе деятельность субъектов противодействия терроризму – уполномоченных органов государственной власти и органов местного самоуправления, в компетенцию которых входит проведение мероприятий по противодействию терроризму, негосударственных организаций и объединений граждан (институтов гражданского общества), а также отдельных граждан, оказывающих содействие органам государственной власти и органам местного самоуправления в осуществлении

мероприятий по выявлению, предупреждению (профилактике), пресечению, раскрытию и расследованию террористической и экстремистской деятельности, минимизации и (или) ликвидации их последствий.

Как отмечается по этому поводу в Концепции общественной безопасности в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 20 ноября 2013 г., «уровень террористической угрозы на территории Российской Федерации продолжает оставаться высоким, масштабы последствий террористических актов значительны. Террористы стремятся расширить географию своей деятельности, на территории страны отмечается активность международных террористических организаций, которые привлекают наемников и боевиков, состоящих в экстремистских организациях, и оказывают им финансовую помощь, поставляют оружие» [5].

Поскольку эффективность функционирования систем обеспечения безопасности в немалой степени зависит от так называемого *субъективного фактора*, т. е. способности (профессиональной компетентности) и готовности к выполнению должностными лицами функциональных обязанностей. В этой связи все сотрудники органов исполнительной власти субъектов РФ, призванные обеспечивать противодействие экстремистским и террористическим угрозам, а не только сотрудники правоохранительных органов и ФСБ России, должны хорошо представлять себе сущность и характер этих видов угроз, а также содержание деятельности по их противодействию.

В соответствии с Концепцией противодействия терроризму в Российской Федерации, утвержденной Президентом РФ 5 октября 2009 г., предупреждение (профилактика) терроризма осуществляется по трем основным направлениям:

- созданию и запуску системы противодействия распространению идеологии терроризма и экстремизма;
- непосредственному осуществлению мер правового, организационного, оперативного, административного, режимного, военного и технического характера, направленных на обеспечение антитеррористической защищенности потенциальных объектов террористических посягательств;

– постоянному контролю соблюдения административно-правовых режимов [6, п. 13].

В то же время деятельность Антитеррористических комиссий по предупреждению (профилактике) терроризма предполагает решение следующих основных задач:

а) разработка мер и осуществление мероприятий по устранению причин и условий, способствующих возникновению и распространению терроризма;

б) противодействие распространению идеологии терроризма путем обеспечения защиты единого информационного пространства Российской Федерации; совершенствование системы информационного противодействия терроризму;

в) улучшение социально-экономической, общественно-политической и правовой ситуации в стране;

г) прогнозирование, выявление и устранение террористических угроз, информирование о них органов государственной власти, органов местного самоуправления и общественности;

д) использование законодательно разрешенных методов воздействия на поведение отдельных лиц (групп лиц), склонных к действиям террористического характера;

е) разработка мер и осуществление профилактических мероприятий по противодействию терроризму на территориях субъектов Российской Федерации и других, вытекающих из особенностей социально-экономической и криминогенной обстановки в регионах [6, п. 15].

Данный вопрос приобретает дополнительную актуальность ввиду утверждения Указом Президента РФ в соответствии со ст. 5 Федерального закона № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» порядка объявления о введении в Российской Федерации конкретных уровней – повышенного, высокого или критического террористической опасности [7].

Решение об установлении (отмене) объявляемого уровня террористической опасности, местности (объектах) на которых он объявляется и сроках его введения принимает председатель Антитеррористической комиссии в соответствующем субъекте

Российской Федерации (по согласованию с руководителем территориального органа безопасности), незамедлительно информируя о принятом решении председателя НАК.

Согласно п. 2 «Порядка установления уровней террористической опасности...», на отдельных участках территории РФ (объектах) устанавливаются следующие уровни террористической опасности:

а) повышенный («синий») – при наличии требующей подтверждения информации о реальной возможности совершения террористического акта;

б) высокий («желтый») – при наличии подтвержденной информации о реальной возможности совершения террористического акта;

в) критический («красный») – при наличии информации о совершенном террористическом акте либо о совершении действий, создающих непосредственную угрозу террористического акта.

В заключение в этой связи представляется необходимым подчеркнуть, что все сотрудники органов государственной власти и органов местного самоуправления, в компетенцию которых входит противодействие терроризму, должны быть готовы (обучены) и способны действовать при объявлении того или иного уровня террористической опасности [7].

Литература

1. Указ Президента РФ от 15 февраля 2006 г. № 116-ФЗ «О мерах по противодействию терроризму» // Российская газета. 2006. 17 февраля. № 34; Положение об Антитеррористических комиссиях в субъектах РФ: URL: <http://bazazakonov.ru/doc/?ID=191391>

2. Авдеев Ю.И. Терроризм как социально-политическое явление / Современный терроризм: состояние и перспективы. – М., 2000. – С. 41.

3. В Москве прошло заседание Национального антитеррористического комитета. Официальный сайт НАК РФ. – URL: <http://nac.gov.ru/nakmessage/>

4. Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 130-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: http://base.garant.ru/70648880/#block_2822033#ixzz36sxTRp7s

5. Концепция общественной безопасности в Российской Федерации. 20 ноября 2013 г. – URL: <http://www.kremlin.ru/acts/19653>

6. Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.). – URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/12070277/>

7. Указ Президента РФ от 14 июня 2012 г. № 851 «О порядке установления уровней террористической опасности, предусматривающих принятие дополнительных мер по обеспечению безопасности личности, общества и государства» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2012. № 25, ст. 3315. – 18 июня.

Суслов Е.В.

СТРАТЕГИЧЕСКИЙ БАЛАНС ЭТНИЧЕСКИХ ИНТЕРЕСОВ РОССИЙСКИХ ФИННО-УГОРСКИХ РЕГИОНОВ И НАЦИОНАЛЬНЫХ ИНТЕРЕСОВ СТРАНЫ

Проблема обеспечения национальной безопасности на региональном уровне вызывает некоторые сомнения по поводу актуальности кажущимся отсутствием в ней масштабности и значимости, характерным для государственной безопасности. Но это заблуждение, и причина тому – закономерное отсутствие у субъектов Федерации таких функций, как обеспечение безопасности федеральных автомобильных и железнодорожных путей сообщения, информации и связи, внешней политики и международных отношений, обороны и безопасности, защиты государственной границы и других, формулируемых в соответствии со ст. 71 Конституции Российской Федерации как предметы ведения Российской Федерации.

Вместе с тем региональные элиты не удовлетворены правом решать лишь второстепенные задачи на своей территории, отсюда – противоречия по поводу разграничения компетенции органов государственной власти Федерального центра и субъектов Федерации. Ситуация усугубляется, если регион имеет выраженную этническую окраску и хочет иметь дополнительные властные преференции,

которые иногда выходят за пределы прав на защиту языков и культур. Это может говорить о претензиях на больший объем полномочий и в обеспечении государственной безопасности.

Анализ презентаций политических претензий региональных элит указывает на то, что между содержанием и формой региональной и национальной (государственной) безопасности существует определенное противоречие, заложенное Конституцией РФ. Однако это противоречие имеет ничтожный шанс на приобретение формы реальной угрозы национальной безопасности, если и региональная безопасность будет восприниматься как один из важнейших сегментов, обеспечивающих территориальную целостность и суверенитет государства.

Дополнительным механизмом недопущения потенциальных конфликтов до уровня реальных и тем более деструктивных в отношениях между субъектом Федерации и Федеральным центром является Федеральное коллизийное право [1], направленное на правовое разрешение споров о компетенции, т. е. коллизии между нормами федерального законодательства и законами субъектов Федерации. Применение подобного механизма было продиктовано стремлением пресечь «парад суверенитетов».

Как показывает исторический опыт, нормативных императивов бывает недостаточно для сохранения статус-кво в сфере отношений между центром и регионами, хотя очевидного противостояния между ними за первое десятилетие XXI в. в России зафиксировано не было. Для обеспечения гарантий региональной безопасности в сфере отношений центра и периферии многонациональной страны необходимо, помимо социально-экономических интересов и потребностей, реально оценивать этнокультурные запросы народов России (в нашем случае территорий проживания российских финно-горских народностей*) и общегосударственных (национальных) интересов страны.

* Территория традиционного расселения финно-угорских народов обширна. Они проживают в республиках Карелия, Коми, Марий Эл, Мордовии, Удмуртии; в трех автономных округах – Ненецком, Ханты-Мансийском, Ямало-Ненецком. Представители уральских народов живут компактными группами в Красноярском и Пермском краях, Кировской, Ленинградской, Мурманской, Нижегородской, Пензенской, Самарской, Саратовской, Тверской, Ульяновской и других областях, в Башкортостане, Татарстане, Чувашии [2, с. 3].

В качестве теоретико-методологического «ключа», используемого в данной статье, выбран научный подход, предложенный отечественным исследователем С. Каспэ в работе «Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма» [3]. Его подход базируется на исследованиях ряда западных ученых. Так, одна из идей, сформулированная в работе Ж. Делеза и Ф. Гваттари «Ризома», звучит следующим образом: «В противоположность централизованным (и даже полицентрированными) системам, с их иерархическими коммуникациями и предустановленными связями, *ризома – это ацентрированная система, неиерархическая* (курсив мой. – Е.С.)... » [3, с. 11]. В дополнение к предыдущей идее, усиливая логику децентрации, Каспэ ссылается на Илью Ильина, который считает, что «децентрация есть способ противостояния любой централизованной власти, санкционированному и освященному властью авторитету в его любой форме» [3, с. 11]. Еще одним дополнением является откровение Э. Шилза: «наличие центра неизбежно для общества, но единственный центр не способен господствовать над всем обществом и контролировать его. Когда я использую термин “центр”, я подразумеваю под ним, в собирательном смысле слова, целый кластер центров и контрцентров» [3, с. 35-36]. Резонирует со словами Э. Шилза положение о том, что концепт центра функционирует лишь в тесной связке с концептом периферии. Если центр есть сегмент общества, обеспечивающий его интеграцию, то периферия – подлежащие интеграции элементы, материал, на котором совершается творческая, социогенная функция центра [3, с. 37].

В использованных С. Каспэ работах роль центра не отрицается, напротив, центр (по Шилзу), «представляет собой, прежде всего, локусы сосредоточения наиболее значительных социальных действий, т. е. это такая точка общества, где доминирующие идеи и институты образуют пространство совершения событий, оказывающих критически важные воздействия на членов общества ... функцией центра является производство и распространение в обществе сакрального начала» [3, с. 32], «центры пытаются властвовать над перифериями; в этом смысле всякая власть стремится к экспансии, к насыщению и пропитыванию

собственными эманациями всего социального пространства» [3, с. 38] и, наконец, «усилия центра обычно ограничиваются традициями, недостаточностью ресурсов и возможностей, а также сопротивлением периферий, пассивным или активным. Ответы периферий разнообразны; они колеблются от выраженной или пассивной покорности и самосохранения через изоляцию до попыток отделения, сопротивления или даже завоевания превосходства над центром» [3, с. 39].

Как видим, идея оппозиции «центр - периферии» прослеживается практически во всех приведенных отрывках. Отношения центра и периферии в современном обществе не могут оставаться исключительно субъект-объектными, поскольку они предполагают угасание самоорганизующихся возможностей общностей (в нашем случае финно-угорских) для усиления существующих тенденций этнической аккумуляции и ассимиляции, ведущих к потере жизнестойкости и национальной идентичности финно-угорских народов России. В условиях аутентичной федерализации, к принципам которой трудно, но неизменно мы приближаемся, потребуется субъект-субъектный подход к развитию отношений между центром и периферией.

В обозримой исторической ретроспективе на российских территориях проживания финно-угорских сообществ никогда не было нестабильности и серьезного военного противоборства, поскольку освоение пространства, занимаемого современной Россией, происходило за счет мирной колонизации великороссами. Как отмечает русский историк В.О. Ключевский, «происходило заселение, а не завоевание края, не порабощение или вытеснение туземцев. Могли случаться соседские ссоры и драки; но памятники не помнят ни завоевательных нашествий, ни оборонительных восстаний» [4, с. 42].

В более поздние времена, уже став составной частью Российской империи, территории, населенные финно-угорскими этносами, стали фрагментами российских губерний и уездов и, соответственно, оказались заселенными дисперсно с представителями русского этноса. Однако это не помешало им, несмотря на мощный процесс русификации, сохранить свою национально-культурную идентичность

с опорой на этническую аттракцию*, что, по Шилзу, в отношениях между центром и периферией порождало пассивное сопротивление периферии. Так, хорошо известным историческим фактом является имевшее временами массовый характер переселение марийцев из мест традиционного проживания в междуречье Волги и Камы на территорию современного Башкортостана, Свердловской и Пермской областей. Миграция происходила в знак протеста против насильственной христианизации, однако, признаков вооруженного сопротивления не имела.

В годы советской власти, приобретя статус автономий, эти национально-территориальные образования также не были источниками сепаратистских настроений, поскольку даже географически, кроме Республики Карелия, они располагаются вдали от границ и не в европейской части страны. Так, из соображений геополитического характера в 1940 г. Карельская АССР получила статус союзной республики, шестнадцатой по счету в СССР. Карело-Финская ССР преобразована в Карельскую АССР в июле 1956 г., как отмечалось в официальных документах, в знак доброй воли и отсутствия у СССР агрессивных целей в отношении Финляндии и по причине изменения национального состава ее населения не в пользу коренного населения.

Распад СССР, справедливо названный геополитической катастрофой, резко усилил в России центробежные тенденции и привел финно-угров к естественному и в то же время романтическому по своему содержанию процессу пробуждения национального самосознания. Финно-угорские народы России в очередной раз оказались в состоянии этнической аффиляции, т.е. испытали чувство принадлежности к родственному этнокультурному сообществу. Тем более в постсоветский период истории России финно-угорские национальные республики перестали быть автономиями и получили более высокий статус республик, т.е. образований с некоторыми признаками государственности.

* Аттракция этническая – социально-психологическое явление, отражающее процесс взаимного тяготения лиц той или иной национальности друг к другу [5, с. 30].

В силу присущей для политики инклюзивности в иные сферы человеческой деятельности характерным для 90-х годов XX в. стало проникновение в сферу этнических отношений проблемы распределения власти, распоряжения властными полномочиями. Этот процесс в субъектах Федерации был неминуем в условиях демократизации всех сторон общественной жизни и получил различное организационное оформление. Поэтому общественные объединения и движения финно-угорских народов не могли быть не вовлеченными в этот неоднозначный процесс политизации этничности, хотя главной их целью были и остаются забота о сохранении языка и культуры народов. В конечном счете в проникновении политики в сферу этничности не было ничего противоестественного и антиконституционного. Напротив, мобилизация этнического сознания происходила на фоне трансформации представлений о роли этноса в политике в контексте демократических преобразований. Проблема заключалась в границах распространения этого явления и осознания национально ориентированными региональными элитами предела этих границ.

Финно-угры, по оценке В.О. Ключевского, будучи толерантными и консервативными в смысле поддержания существующего статус-кво, всегда тяготели к России. И даже в период определенной децентрализации страны не доставили хлопот российскому руководству. Однако их естественное стремление к этнокультурной самодостаточности, развитию и укреплению отношений с государствами финно-угорского сообщества (Венгрия, Финляндия и Эстония) ради сохранения своих языков и культур как, впрочем, и самих этносов, возводится некоторыми авторами в ранг угроз безопасности страны. Эти авторы, нагнетая обстановку вокруг российских финно-угров, не оперируют подобного масштаба понятиями, но от этого их рассуждения не менее тревожны. Как справедливо отмечает А.А. Прохожев, «... зачастую анализ угроз национальным интересам России подменяется анализом вызовов; потенциальные угрозы не отделяются от реальных, нередко в ряду реальных угроз анализируются мнимые, не имеющие под собой реальной почвы» [6, с. 129].

Так, в работе Ю.П. Шабаева и А.М. Чариной «Финно-угорский национализм и гражданская консолидация в России (этнополитический анализ)» рассматривается политическая эволюция этнонациональных движений финно-угров РФ. Однозначные выводы о господстве националистических тенденций над гражданскими, о политизации этничности и культурной мистификации в рамках финно-угорского социокультурного феномена представляются гиперболизированными и безосновательно возведенными в ранг опасности для целостности России. Естественное стремление финно-угорских народов России к определенному уровню самоорганизации в виде крепнущих субъектов Федерации не противоречит интересам российского государства, а, напротив, за счет реализации принципа федерализма способствует усилению его политической устойчивости.

Работа В.А. Тишкова и Ю.П. Шабаева «Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу» посвящена критическому анализу, по мнению авторов, искусственно созданной финно-угорской проблемы, в постановке которой заинтересованы определенные политические силы на Западе. Признавая, с одной стороны, факт того, что в России «этнонациональная политика в целом, а особенно политические практики региональных властей не всегда последовательно демократичны и научно обоснованы, не всегда в полной мере соответствуют действующим юридическим нормам...» [7], с другой, – авторы, оставаясь в плену конфликтофобских настроений, не смогли дистанцироваться от однозначно негативной интерпретации этнических (этнополитических) конфликтов в России.

Подобная позиция характерна для исследователей, оценивающих конфликты, особенно этнической природы как явления деструктивного характера. Возможный конструктивный потенциал этнических конфликтов в этих публикациях не обсуждается даже как некоторая вероятность или желательность» [8, с. 95].

Презентация некоторыми учеными тезиса о национально-региональном сепаратизме финно-угров создает опасные прецеденты ложных умозаключений, которые могут привести, с одной стороны, к запретительного характера действиям со стороны Федерального центра по отношению к их этнокультурной самодостаточности,

с другой – к культурной деградации и искусственной ассимиляции этих народов в случае отказа от собственно этнической и шире – групповой идентичности финно-угорских этносов. Обе тенденции упрочению региональной безопасности не способствуют. Перспектива сохраняется за соблюдением стратегического баланса комплекса этнических, социально-экономических интересов финно-угорских регионов, его жителей и государственных интересов России в целях обеспечения ее национальной безопасности.

Литература

1. Конституция Российской Федерации. – М.: Известия, 1996.
2. Финно-угорские народы России: вчера, сегодня, завтра. Отв. редактор А.К. Конюхов. – Сыктывкар, 2008.
3. Каспэ С.И. Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма. – М.: Московская школа политических исследований, 2007.
4. Ключевский В.О. Этнографические следствия русской колонизации Верхнего Поволжья... Влияние природы Верхнего Поволжья на народное хозяйство Великороссии и на племенной характер великоросса / Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1990.
5. Крысько В.Г. Социальная психология: словарь-справочник. – Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2001.
6. Общая теория национальной безопасности / Под общ ред. А.А. Прохожева. Изд. 2-е, доп. – М.: Изд-во РАГС, 2005.
7. Тишков В.А., Шабает Ю.П. Финно-угорская проблема: ответ Евросоюзу. – М.: Институт этнологии и антропологии РАН. Исследования по прикладной и неотложной этнологии. 2007. – № 196.
8. Авксеньев В.А. Соотношение конструкции и деструкции в этнических конфликтах // Демократия: конфликтность и толерантность / Под ред. В.С. Рахманина. – Воронеж: Воронежский госуниверситет, 2002.

Тропин О.В.

НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ

События последних месяцев на Украине еще раз подтвердили утверждение С. Хантингтона об агрессивной сущности Запада: «Запад завоевал мир не из-за превосходства своих идей, ценностей или религии, но скорее превосходством в применении организованного насилия» [1, с. 66]. В этой же работе, из которой приведена цитата, С. Хантингтон представил два прогноза развития отношений между Россией и Украиной: Дж. Мирсхаймера и свой. Первый обосновывал историческую перспективу российско-украинской войны, второй – не военный, но и не бескровный цивилизационный раскол Украины. Получилось что-то среднее. А «помощь» Запада в реализации этих прогнозов и государственного переворота на Украине достаточно очевидна.

В данной эмпирике нас интересует то обстоятельство, что Украина исторически была частью Большой России, одним из ее географических регионов. Даже в ее самоназвании это четко прослеживается. Она была примерно тем, чем является Италия для Западной Европы, ее колыбелью и составной частью.

Развитие, обуславливающее жизнеспособность народа как исторического субъекта, предполагает региональную интеграцию и разделение труда. Если регионы живут в постоянном взаимодействии и общении друг с другом, то не только каждый из них начинает лучше развивать свою часть, но они еще и взаимообогащаются, и намного лучше строят общий дом. Поэтому многонациональное государство в любой форме (федерация, конфедерация, союз) развивается намного лучше унитарного, что и подтверждает историческая тенденция на примере того же Евросоюза.

Запад, заботясь в первую очередь о своем благополучии, использует множество способов дестабилизации не включенной в свое поле периферии. Одним из таких способов является идея «регионализации». Регионализация, по своей сущности, это потеря

государством (союзом государств) устойчивости системы региональной безопасности. Т. е. это неспособность государства (союза) сохранить определенные параметры своей системной организации, приводящая к потере его геополитической и исторической субъектности.

Для России первым историческим опытом потери устойчивости системы региональной безопасности стала так называемая февральская революция. 30 марта 1917 г. французский посол Морис Палеолог отметил в своем дневнике: «Французская Революция начала с объявления Республики **единой и неделимой**. Этому принципу принесены были в жертву тысячи голов, и французское единство было спасено. Русская Революция берет лозунгом: Россия разьединенная и раздробленная...» [2].

В 1918 г. С. Франк в сборнике «Из глубины» писал: «Даже в Смутное время разложение страны не было, кажется, столь всеобщим, потеря национально-государственной соли столь безнадежной, как в наши дни...» [3, с. 299-322]. В этот период Запад ждал пира, ждал, когда он сможет по частям, по отделившимся территориям проглотить Россию. Интервенция 1918 г. стала тому подтверждением.

С катастрофическими потерями преодолев региональный распад и создав экономику, которая по своей эффективности была существенно выше, чем эффективность экономики США, Россия в форме СССР с какой-то фатальной неизбежностью повторила в 1991 г. катастрофу регионального распада [4, с. 16-25].

Третья волна применения против России идеи «регионализации», как способа ее дальнейшей дестабилизации и растаскивания, по времени стала короче первых двух. В дискуссию о «территориальной целостности Российской Федерации» активно включились как «регионалы», так и российское либеральное экспертно-аналитическое сообщество. Одной из площадок их интеллектуальной диффузии стала конференция с красноречивым названием «Какая федерация нам нужна?», проведенная 7 июня 2013 г. Национальным исследовательским университетом «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) и фондом «Либеральная миссия». В продолжение этого разговора в сентябре того же года в «Независимой газете» преподаватель кафедры мировой экономики НИУ ВШЭ И. Макаров публикует статью «Россия

как окрестность Москвы», в которой пытается оправдать регионализацию и предсказать якобы неизбежный распад России. Месяц спустя профессор факультета политологии того же НИУ ВШЭ Е. Альбац в интервью на радио «Эхо Москвы» заявила: «Я, честно говоря, не вижу особой проблемы и если Россия разделится по Уральскому хребту. Я думаю, что это неизбежно» [5].

Идея «регионализации» постсоветской России, активно внедряемая либеральными экспертами и журналистами, по сути, легитимирует «неизбежность» ее расчленения как «несостоявшегося государства», что очень напоминает легитимацию распада СССР как «тоталитарного государства».

Системным дополнением к мнению либеральных «экспертов» служат заявления «регионалов» – местной элиты, этнических, религиозных и прочих организаций – в адрес федерального центра по поводу особого статуса Сибири, Карелии, Поволжья и проч.

Все это в комплексе создает сильное внутреннее напряжение российской политической системы, снятие которого исторически не обходилось в России без крови. Та же Украина, на примере событий 2 мая 2014 г. в Одессе, показала, что крови при разрыве региональных связей может быть много. Украина показала России, что в современном мире существует не только описанный Дж. Вико исторический порядок поступательного развития человечества через циклическую эволюцию отдельных его наций, но и другой порядок – порядок регресса этих наций в случае регионального напряжения. Поэтому проблеме сохранения устойчивости региональной безопасности России, реализации способности российского политического субъекта объединять регионы в историческую целостность должно быть уделено особое внимание.

Противодействовать регионализации – хорошо продуманному и финансируемому процессу – только лишь на правовом или силовом уровне абсолютно бесполезно: болезнь уходит глубоко внутрь государственного организма, и со временем деструктивные процессы просто разрушат государственную форму.

Данную проблему необходимо решать на сущностном уровне. Идее региональной, этнической исключительности, идее интеграции

в «мировое сообщество», идее материального обогащения региональных элит можно противопоставить только более мощные идеи. Как писал уже цитированный нами С. Франк: «Организирующую силу имеют лишь великие положительные идеи, – идеи, содержащие самостоятельное прозрение и зажигающие веру в свою самодовлеющую и первичную ценность. В русском же либерализме вера в ценность духовных начал нации, государства, права и свободы остается философски не уясненной и религиозно, не вдохновленной. Давно ли вообще идеи родины, государства, порядка открылись русскому либеральному общественному сознанию как положительные идеи?» [3, с. 299-322].

Наличие великих положительных идей и способность их принимать и реализовывать напрямую зависит от состояния умов. В них заключена устойчивость как стойкость к разрушающему, прежде всего информационному воздействию, как способность ради чего-то высшего, идеального сохранять определенные параметры системной организации [6].

Модерн и Просвещение, великие проекты развития, абсолютно неоднозначно повлияли на состояние умов. Они безжалостно вычистили из человеческого ума все идеальное, оставив лишь рациональное и логичное. Сделать это было возможно только лишь с помощью механизмов, которые сильно покалечили ядро национальной культуры, вытравив из него мощные символические системы, дававшие человечеству ориентир его движения. Эта пустота и привела к страшной инверсии смысловых систем и человеческого сознания, в котором человеческое «Я» заняло место Высшего Смысла его существования. А любое здание, во главу угла которого положено «Я» или нечто материальное, рано или поздно рухнет. Именно об этом предупреждал человечество, развивая свою теорию социального тления, Ф.М. Достоевский: материальная цель – это начало нашей смерти.

Чтобы восстановить и укрепить состояние умов и обеспечить тем самым устойчивость региональной безопасности России, перед русской цивилизацией и государством встала большая проблема: как в кратчайшие сроки восстановить в ядре национальной культуры России мощные символические системы, которые будут способны

перевести утраченное идеальное в рациональное человеческого сознания, которые будут способны восстановить краеугольный камень российской государственности и русской цивилизации. Без решения этой проблемы российское государство просто не сможет противостоять сонму идей, раздирающих страну на регионы, на территории, которые (при нашей историософской пассивности) Запад будет постепенно «отламывать» и интегрировать в свое пространство.

Литература

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
2. Палеолог М. Царская Россия накануне революции. Государственное издательство. – Москва – Петроград, 1923.
3. Франк С.Л. De Profundis // Из глубины: сборник статей о русской революции. – М.: Новости, 1991.
4. Скобов В.Г., Чернов А.С. Сравнение экономики США, СССР и России // Экономические стратегии. – 2007. № 2.
5. Особое мнение // Эхо Москвы. 2013. 15 октября. Официальный сайт. – URL: <http://www.echo.msk.ru/programs/personalno/1177008-echo/>
6. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. – М.: «Граница», РАГС, 2005.

Данюшина Ю.В.

МЕМЫ МАЙДАНА И УКРАИНСКОГО КРИЗИСА

Как известно, мемом (англ. *meme*) считается единица культурной информации – любая идея, символ, фраза, образ, передаваемые от человека к человеку посредством речи, письма, видео, ритуалов, жестов и т. д. Термин и концепция мема были предложены биологом Р. Докинзом: вся культурная информация состоит из базовых единиц – мемов, так же как биологическая информация состоит из генов [1]. Причем спонтанному массовому распространению подвержена

не всякая информация, а только та, которая каким-либо образом оставляет людей равнодушными к ней.

Мемы могут объединяться в группы для совместного овладения умами носителей и для усиления в борьбе за них, формируя комплексный мем, или мемплекс. Распространяемые через СМИ мемы именуются медиавирусами, в их число входят интернет-мемы (известными примерами последних являются «Превед медвед» или Facerpalm). По нашему мнению, в условиях тотальной дигитализации интернет-мемы служат действенным орудием информационного воздействия и активными инструментами мифологизации общественного сознания, формируя современные социальные мифы.

Украинский кризис – как любое важное социальное событие – породил собственные мемы и мемплексы. Исходным комплексным мемом можно считать само понятие «Евромайдан». Вот как этот мем вербализован в Lurkmore – русскоязычном сатирическом вики-проекте, описывающем феномены сетевого общения, в т. ч. интернет-мемы: «Евромайдан – многосерийная драма с элементами жертвоприношений, фарса, трагикомедии, цирка, перформанса... и реалити-шоу».

Можно провести когнитивный мэппинг (картирование) мемплекса «(Евро)майдан» и определить составляющие его основные *семантические поля*: (1) участники (субъекты) – люди (а иногда и животные), организации, стороны; (2) артефакты (объекты); (3) события; (4) местности; (5) девизы, идеи. Причем каждое когнитивно-семантическое поле в свою очередь распадается на две подобласти, обозначающие противодействующие стороны конфликта (Майдан и Антимайдан), и эти две подобласти выступают во взаимоотношениях пейорации* и троллинга друг к другу.

Так, в число мемов, обозначающих противников «старой власти» (свергнутого в феврале 2014 г. президента В. Януковича), первого семантического поля «участники» входят следующие мемы: *майданички*, *майдауны*, *майданутые*, *онижедети*, *мирные протестанты* (особенно как подписи к изображениям людей, вооруженных дубинами и цепями), *побиті діти* (*избитые дети* – визуальным символом этого мема стало фото

* Пейорация [нем. pejoration, лат. pejoratus – pejorare – ухудшаться] – «ухудшение» какого-либо слова в ходе его функционирования, снижение стилистических характеристик лексической единицы. Источник: <http://dic.academic.ru/>. – Ред.

американской актрисы Хлои Морец с постера к фильму «Carrie» с окровавленным лбом и украинским флагом на щеке, добавленным с помощью фотошопа), *западенцы*. Сюда же входят: *сотник*, *сотня*, *небесная сотня*, *киберсотня*, *псы*, *правосеки*, *нацики* (или *нацагады*), *хунта*, *крымчанка* – *дочь офицера*; *баунти-хантеры*. Еще одним элементом этого поля являются троллинг-именования представителей Западной и Центральной Украины: *укры*, *укропы*, *каклы*.

В число мемов, обозначающих противников Майдана, входят следующие: *антимайданики*, *Беркут*, *беркутята*, *киберберкут*, *Злочинна Влада*. С переходом событий от Киева на юго-восток страны добавились *сепаратисты*, *федералисты*, *Бабай*, *Стрелок*, *ватники*, *колорады* (*колорадские жуки*). Два последних представляют особенный социолингвистический интерес: во-первых, они являются чрезвычайно яркими примерами «расчеловечивания» противника – спецприема, используемого в пропаганде и в информационных войнах, при котором специальная номинация представляет противника не как человека, а как неодушевленный предмет или животное, тем самым ликвидируя естественный гуманизм в отношении к этому противнику.

Во-вторых, эти два интернет-мема в последнее время наглядно демонстрируют явление, которое мы предлагаем назвать «вторичным осваиванием с мелиорацией значения»: эти изначально отрицательные мемы были взяты на вооружение, «освоены» теми, кому они предназначались, и блоггеры-противники Майдана гордо разместили на своих аватарках и в демотиваторах изображения символов американского штата Колорадо, флагов испанского сопротивления (обыгрывая исторические смыслы слова «colorado»), и даже колорадского жука, побеждающего клопа или таракана. Нередко встречаются и соответствующие сетевые ники и мем-фразы (например, ватник часто рифмуется с названием нового защитного военного обмундирования «Ратник»), а также текстовые и визуальные материалы, в которых ватник ассоциируется с трудовыми и военными победами простого народа.

Особого анализа заслуживает и мем (точнее, целый мемплекс) *вежливые люди* (в этот же комплекс входят и мемы *вежливые*, *вежливо*, *вежливость города берет*, *в вежливом Крыме вежливы люди вежливо просят* и т. п.). Автор мема – крымский журналист и общественный деятель Борис Рожин,

в интернете известный под ником «Полковник Кассад» [2, 3]. Исходные «корни» этого мема можно проследить в цитате из книги М. Булгакова «Дни Турбиных»: «Красные уже в Слободке. Через полчаса будут здесь. – А почему стрельбы нет? – Тихо, вежливо идут. И без всякого боя!».

Помимо своей двойной пользы («деликатная номинация» тех, кого прямым текстом называть было нежелательно, и формирование положительных коннотаций), данный мем был еще и эффективно противопоставлен другому мему – онижедети, который утратил свою функцию формирования позитивного общественного мнения (поскольку уже не ассоциировал майдановцев с побитыми полицией детьми, вызывая прежнее сочувствие, а создавал уже сатирические противоречия в сознании граждан, видящих в протестантах опасных боевиков, но не мирных подростков). При этом новый мем *вежливые (люди)* стал именно эту важную роль выполнять, тем самым воплощая социальную функцию мема как средства конструирования общественного сознания.

Вскоре мем вошел в онлайн-лексикографию и разросся до масштабов мемплекса: появились устойчивые выражения, стихи, пословицы и поговорки на эту тему (например, «Вежливость города берет»), был создан твиттер-аккаунт Вежливых людей, сочинен Гимн Вежливых людей, придумана «Азбука Вежливых людей». Мем стал брендом в прямом и переносном смысле: выпускаются одежда и сувениры с соответствующими логотипами и надписями. Наконец, небезынтересным элементом семантического поля «участники» являются животные – *кот* (*спасибо, что я больше не кіт* – с возможной аллюзией на еще одну булгаковскую цитату из «Белой гвардии»: «Так вот спрашиваю: как по-украински “кот”? Он отвечает: “Кит”. Спрашиваю: “А как кит?” А он остановился, вытаращил глаза и молчит. И теперь не кланяется»). Здесь имеет место наложение и синергизация мемов: как известно, коты и прочие «мимишные» животные входят в топы-рейтинги популярности интернет-образов, что и используется для создания синергетического эффекта при добавлении к ним узнаваемых символов украинского конфликта – вербальных и визуальных (кот в камуфляжном костюмчике, собака в маске-балаклаве и т. п.). Успешным использованием синергизации мемов можно считать *вежливую кошку Шойгу* (возникшую из фразы, которую ряд СМИ приписывают российскому министру обороны – «Трудно искать

черную кошку в темной комнате, особенно если ее там нет. Это тем более глупо, если эта кошка умная, смелая и вежливая»).

Второе семантическое поле – **артефакты (объекты)** украинского кризиса – составляют мемы *йолка (или елка), золотой унитаз или золотой батон, печеньки Нуланд, майданский чай, коктейли Молотова, линия Таруты, Георгиевская лента* и др.

Третье поле – **события** – включает собственно мемы *Евромайдан* и *Майдан*, *ленинопад*, *окупендум* и *блеферендум*, *перемога*, *санкції Обамы*, *карусель Псаки*, *русская весна* и др.

Четвертое поле – **местности** – состоит из мемов, представляющих троллинговые именованья стран и территорий – *Укропия, Юкрейн, Внаукраина, Руина, Хохланд, Каклостан, Луганда, Даунбас* и др.

В пятом поле «**девизы и идеи**» сосредоточены мемы-слоганы: *Україна – це Європа!*, *Украина – не Россия; Вы не понимаете Майдана; Панду геть; Топаз, дай команду!*, а также несколько мемов, представляющих старые националистические лозунги, часто сатирически переделанные (вместо *Хто не скаче, той москаль* – новый вариант *мы не скачем, мы – москаль; сало уронили, героям сала (или саван)* – буква «г» может заменяться на «х»; в т.ч. «экономические» варианты таких переделок – *Гривну уронили, Дефолту слава!, Стабільняку на гиялку, здоровый смысл на ножи!*). Здесь же мемы *не все так однозначно; Няш-мяш Крым наш*, а также ряд хэштэговых мемов – *"#SaveOurGuys"* и *"#SaveDonbassPeople"* и т.п.

Проведенный нами социо-дискурсивный обзор мемов украинского кризиса и их когнитивное картирование наглядно показали, что мем может служить мощным орудием пропаганды и информационной войны и является эффективным средством конструирования общественного сознания.

Литература

1. Dawkins, Richard (1989). The Selfish Gene, Oxford University Press. P. 192.
2. Рожин Б. Вежливые люди захватили 2 аэродрома в Крыму. Электронный ресурс. URL: <http://colonelcassad.livejournal.com/1440088.html>
3. Рожин Б. О происхождении «вежливых людей». Электронный ресурс. – URL: <http://colonelcassad.livejournal.com/1500222.html>

РЕФЛЕКСИВНОСТЬ ЖУРНАЛИСТА – СУБЪЕКТА ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНАЛЬНОЙ МАССОВО-КОММУНИКАТИВНОЙ СИСТЕМЫ

Информационная безопасность на региональном уровне имеет массмедийное измерение. Несмотря на территориальную ограниченность и социальную локализованность, позиция журналиста регионального издания в коммуникативной системе сложна и неоднозначна. С одной стороны, он, как член социума, является участником той реальности, в функциях, процессах, мерах и свойствах которой проявляется информация. С другой стороны, как носитель профессиональной социальной роли (миссии), выполняет функцию обеспечения условий информационной устойчивости общества – способности поддерживать жизнеспособность объекта в длении [1, с. 70]. Это процедура информационно-психологического влияния на местную аудиторию с целью формирования ожидаемой ею картины мира. Последняя, являясь содержанием сознания, выступает побудителем желаемого поведения, которое и приводит к необходимым социальным изменениям. Именно их следует рассматривать как существенный элемент системы региональной информационно-коммуникативной безопасности.

Названные позиции часто противоречивы: как член регионального социума, журналист может быть захвачен социально-психологическими процессами и соответствующими эмоциями. Как «управляющая инстанция», он должен не просто рационально видеть и оценивать происходящее, а отслеживать состояния сознания аудитории, прогнозировать результаты динамики развития массовых настроений, представлять, что необходимо для стабилизации социальной ситуации, как этого достичь посредством информационных воздействий, да еще и отдавать отчет своим действиям, настроениям и принятым решениям. Речь идет о рефлексивности (в самом общем смысле – способности отражать собственные психические процессы познания окружающего мира и свое поведение, а также процессы отражения внешней и внутренней реальности окружающих людей) не просто как о специальном необходимом навыке, а как о важной составляющей профессиональной субличности журналиста.

Рефлексивность, как и самосознание в целом, зависит от контекста, в котором действует журналист. В зависимости от содержания окружающей реальности, отражение также может меняться (причем, вероятно, как по сути, так и по форме): чем ближе к реальным событиям, отражаемым с помощью органов чувств (зрения, слуха, ощущений, эмоций), тем более непосредственна передача журналистом событий. И чем более опосредовано анализом, сопоставлением из различных источников восприятие происходящего, тем более вероятны варианты моделирования происходящего, управление им. Первый вариант рефлексии более присущ региональным и местным СМИ, тогда как второй – федеральным.

Специалист масс-медиа не столько осуществляет воздействие на статичный объект – аудиторию, сколько взаимодействует со сложным самоорганизующимся образованием, которое ученые назвали «системой, сравнимой с исследователем по совершенству» [2, с. 408]. То есть, он вступает во взаимодействие, в котором каждый равноправный участник многократно отражает друг друга и таким образом включается в рефлексивные отношения. Процесс влияния в этом случае относится к типу рефлексивного управления.

Основоположник учения о рефлексивном управлении В. Лефевр говорит, что оно является особым методом социального контроля, который осуществляется путем передачи оснований для принятия решений одним из «персонажей» – участников взаимодействия – другому. «Специфика этого метода заключается в том, что генерация информационных воздействий опирается не столько на естественную человеческую интуицию, сколько на особую модель управляемого субъекта. Модель должна отражать не только область его поведения, но также его способность осознавать самого себя и других субъектов, включая и тех, которые пытаются установить контроль над его поведением. То есть модель должна быть рефлексивной» [2, с. 455].

Для нашего исследования важно указать, что рефлексивные системы могут включать в себя разное число компонентов (многочленов). Это может быть журналист; ситуация; отражение этой ситуации журналистом; понимание того, как отразила ситуацию массовая аудитория; как она отразила понимание журналистом своего

понимания и т. д. Связи между членами самые разнообразные: от осознания деталей ситуации журналистом и его собственных эмоций до отражения им сложных социально-политических процессов мирового значения.

В. Лефевр говорит о том, что воздействие может осуществляться непосредственно на «картинку», или представление о мире, которым обладает «персонаж» – в нашем случае, целевая аудитория. Чаще журналист так и действует, поскольку предоставление информации о событии является субъективно акцентированным, что позволяет аудитории обращать внимание на осознанно или спонтанно выделенные фрагменты события.

Более совершенный тип воздействия – это воздействие на сам «экран сознания» (этим понятием обозначается актуальное отражение картины объективной и субъективной реальности, не обязательно впоследствии осознанной персонажем) путем формирования «оператора осознания». Этим термином В. Лефевр именует механизм «присвоения» заданной картины мира, осознание этого мира как собственного» [2, с. 23].

В результате такого управления человек оказывается замкнутым в достаточно узком кругу способов формирования картин мира. Его решения в различных ситуациях могут быть с достаточной уверенностью предсказаны субъектом, осуществившим такую процедуру управления [2, с. 50].

Опишем процесс рефлексивного управления региональной аудиторией СМИ. Журналист, находясь в ситуации информационного повода, заполняет собственный «экран сознания» сведениями из разных источников. Наблюдая, расставляя акценты, выбирая фокусы и точки зрения, то есть «включая» оператор осознания, он структурирует мир вокруг себя, который и транслирует аудитории. Способы формирования оператора осознания могут быть различными. Например, это непосредственное отреагирование эмоций, когда полученная картина мира будет некритичной, или рациональный анализ ситуации, при котором она получается многосторонней и разноплановой. Совсем иной оператор осознания при обесценивании событий (вплоть до того, что событие вообще не будет присутствовать в полученной вследствие работы оператора осознания картине мира) и т. п.

«Экран сознания» аудитории тоже заполняется данными из разных источников, не только масс-медиа, но и непосредственных межличностных формальных или бытовых контактов и т. п. Воспринимая «работу» оператора осознания журналиста, то есть его способ структурирования мира, аудитория «запускает» собственный оператор осознания, который в подавляющем большинстве случаев будет идентичен оператору осознания журналиста. Таким образом осуществляется воздействие на «экран сознания» аудитории, в результате чего сформируется картина мира аудитории. Она также может содержать непосредственные эмоциональные отклики на события. Отсюда – информационное травмирование аудитории при освещении чрезвычайных ситуаций, безразличие, игнорирование ряда важных социальных проблем и т. п.

Информационно-психологическое воздействие осуществляется посредством психолингвистических категорий, заложенных в журналистских текстах. Они отражают характеристики индивидов, производящих и получающих сообщения. Личность всегда коммуницирует со своей системой субъективных смыслов, ценностей, отношений, транслируя их через язык. В тексте закодированы смыслы и индивидуальные значения, содержащиеся в опыте (картине мира) отдельного человека и различных социальных групп. Трансляции коммуникативных смыслов посредством текстов – это один из способов структурирования мира. Таким образом, инструментом познания оператора осознания является психолингвистический анализ.

На уровне информационно-психологическом рефлексивное управление может проводиться с помощью специально заданных в тексте значений (операторов осознания). Они сформулированы относительно социальных явлений, отражающих предполагаемые психологические характеристики участников взаимодействия. Эти представления, индуцируемые намерениями и желаемым отношением к предмету коммуникации (будущей картины мира), отражаются в психолингвистических характеристиках текстов. Но диагностируемые психолингвистические характеристики текстов, как интенции авторов (операторы осознания), не должны

быть идентичными психологическим характеристикам (операторам осознания) аудитории, которая выступает объектом воздействия.

Эти выводы подтверждены при анализе проводимых автором исследований психолингвистических дискурсов, освещенных в СМИ двух типов критических ситуаций: вынужденной миграции и политического скандала [4, 5, 6]. Эти явления характеризуются эмоциональной насыщенностью, масштабностью, социальной значимостью, сложностью в разрешении, непредсказуемостью и опасностью последствий не только для государства, но и для общества в целом. С этой точки зрения они предполагают информационное управление аудиторией с целью предоставления компенсаторных (восполняющих) ресурсов – формирование «компенсаторного» оператора осознания – для смягчения информационной травматизации, сохранения прогосударственной направленности установок социума, профилактики аномии и социальной апатии. То есть, тексты должны содержать такие психолингвистические характеристики, которые не совпадали бы с характеристиками состояний аудитории, а предоставляли возможности для успешного проживания события.

При анализе освещения миграционной проблематики (подробнее см. [4]) были выявлены следующие характеристики воздействия масс-медиа, которые мы относим к «работе» оператора осознания. Региональную прессу отличают жесткость, интолерантность, отчуждение, большая дистанция по отношению к своим героям, преобладание негативной лексики, категории «чужой». Газеты ориентируются на трансляцию идей псевдопатриотизма, предписаний влиятельных меньшинств националистического толка, часто не отражающих реальные потребности ни вынужденных мигрантов, ни социальной среды. Воздействие холодное, отстраненное, порой исключаящее выбор и выражение свободной воли. Такие тексты формируют соответствующее отношение к вынужденным переселенцам: отстраненность, зачастую отсутствие эмпатии, желания помочь.

Муниципальная пресса менее подвержена интолерантному радикализму, нацелена на сотрудничество, совместный поиск выхода из конфликтных ситуаций, поддержку, свободный выбор позиции местного населения и вынужденных переселенцев по отношению

к совместным проблемам. В дискурсе преобладает категория «свой», позитивная лексика.

Объяснить разницу позиций с точки зрения рефлексивного управления можно, на наш взгляд, социально-психологическими особенностями социальных ситуаций, которые формируют экран сознания аудиторий с различным типом социализации.

Так, для местных сообществ характерны: непосредственные личные контакты переселенцев с аутгруппой, прозрачность связей и отношений, большое количество личностно определенной информации. Как следствие, по законам социальной психологии, есть возможность вносить коррективы в предубежденность и формировать персональное отношение «принимающей» стороны к «чужакам». Поэтому и журналист, как представитель аутгруппы, транслирует толерантное отношение в своих материалах.

Что касается жителей крупных социальных образований, то они, как правило, лично не знакомы с переселенцами, формируют отношение к ним на основе предрассудочных представлений, обусловленных закономерностям межгруппового взаимодействия. Это подтверждают и данные социологических опросов, проводимых на территории Ставропольского края с 1997 по 2001 гг., а также осуществленный в 2013 г. анализ Интернет-контента относительно отношения к беженцам из Украины. В глазах местных жителей вынужденные переселенцы выглядят агрессивными, раздражительными, нервными, недоброжелательными, недоверчивыми, высокомерными, наглыми, приспособленцами. Исходя из данных характеристик, поступать по отношению к ним можно двумя способами – конкурируя или игнорируя.

Психолингвистические характеристики текстов, сопровождающих развитие политического скандала (например, по поводу превышения должностных полномочий чиновниками муниципальной администрации), следующие (подробнее см. [6]). Преобладает рациональность, точность, конкретность подачи фактов и их комментариев, эмоциональная холодность, отстраненность, невовлеченность журналистов – авторов материалов в происходящие события, отсутствие перспектив для разрешения ситуации.

Выяснено, что факт, который по всем признакам, структуре и динамике развития соответствует определению политического скандала, по сути таковым не является. Проведенный опрос жителей ряда населенных пунктов Ставропольского края показал, что превышение служебных полномочий, которое является отклонением от юридической нормы, вполне легитимен в общественном сознании. Таким образом, масс-медиа подтверждают имеющуюся в обществе безразличную, отчужденную установку по поводу действий государственных чиновников. Эта общественная установка перенесена журналистами, как членами социума, непосредственно отреагирующими массовые настроения, на страницы газет.

Как мы видим, журналистские рефлексивные практики в обоих случаях одинаковы. Они отражают содержание экрана сознания, идентичное содержанию экрана сознания аудитории, который формируется согласно психологическим и социально-психологическим законам реагирования на критические ситуации. Оператор осознания представляет собой непосредственный, «чистый» отклик на событие. Транслируя его массовой аудитории, журналист структурирует процесс усвоения информации о критических ситуациях таким образом, что последствия реакций оказываются также предопределенными социально-психологическими законами, неуправляемыми внешними воздействиями.

Здесь речь идет о работе компенсаторного оператора осознания, действие которого, по сути, и будет рефлексивным управлением. Для возможности его «запуска» журналисту необходимо в экране сознания отражать, кроме собственного, и состояние аудитории (ее экран сознания, картину мира и прогноз последствий спонтанной работы оператора осознания), других социальных и политически подструктур массовой коммуникации. Только сведя все компоненты вместе можно выстроить желаемую картину мира и осуществить рефлексивное управление, обеспечивающее информационную устойчивость [1] и безопасность социальной системы.

Но не каждый журналист обладает достаточным рефлексивным ресурсом. Профессиональное поведение работников региональных СМИ в экстремальных ситуациях скорее полевое, т. е. несущее непосредственный

отклик на средовые влияния. Оператор осознания структурирует содержание экрана сознания непосредственно, что, согласно социально-психологическим законам работы индивидуальной и групповой психики, не содержит моделируемой картины мира, которая несла бы в себе дополнительные возможности по преодолению критических ситуаций.

Литература

1. Шевченко А.В. Устойчивость политической системы: «человек коммуникативный» против «человека политического» // ПОЛИС. – 2009. № 5. – С. 68-83.
2. Лефевр В.А. Рефлексия. – М.: «Когито-центр», 2003. – 496 с.
3. Новейший философский словарь. – Минск: Харвест, 2001. – С. 1250.
4. Рыбалко О.М. Социально-психологическая адаптация вынужденных переселенцев: информационно-коммуникативный аспект. – Ставрополь: ООО «Мир данных», 2008. – 152 с.
5. Рыбалко О.М. Динамика изменения психолингвистических характеристик текстов СМИ в чрезвычайных ситуациях: компенсаторные возможности / «I-формат. Журналистика провинции». – Вып. 3. – Ставрополь: СтГАУ «Аргус», 2007. С. 108-120.
6. Рыбалко О.М. Психолингвистический дискурс политического скандала / «I-формат. Журналистика провинции». – Вып. 4. – Ставрополь: СГУ, Южный научный центр РАН, 2008. – С. 110-121.

**НАУЧНОЕ ОБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
ИМЕНИ ИВАНА КИРИЛЛОВИЧА МАКАРЕНКО**

ВЫСТУПЛЕНИЯ

Бухтенков А.А.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОДДЕРЖКА НАЦИОНАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОГО БИЗНЕСА – ВАЖНЫЙ ФАКТОР ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СТРАНЫ

Политическая стабильность общества во многом определяется уровнем конструктивного сотрудничества власти и бизнеса, ориентированного на обеспечение национальных интересов государства и общества, упрочение экономической безопасности страны и защиту ее экономического суверенитета от внешних угроз. Для решения экономических и политических проблем страны необходимы совместные усилия власти и бизнес-сообщества. И прежде всего – по формированию института национального бизнеса как важнейшего сегмента экономики.

Задачи формирования в России национального бизнеса могут решаться на региональном уровне путем содействия росту и развитию малого и среднего бизнеса, а также активными усилиями, направленными на перевод в российскую юрисдикцию иностранных предприятий, имеющих российское происхождение, и регистрацией их по территориальному принципу, что существенно укрепит экономическое положение субъектов Федерации [1].

В условиях продолжающегося экономического кризиса, а также санкций стран Запада по отношению к России, первостепенное значение приобретает разработка и осуществление государственных мер по деофшоризации российской экономики.

Не секрет, что финансово-экономические взаимоотношения предприятий и физических лиц с офшорными компаниями ведут к весьма значительному оттоку капиталов из России, что представляет нарастающую угрозу экономической стабильности и безопасности страны.

По оценкам Центрального Банка РФ, вывоз капитала за рубеж по сомнительным схемам в январе–сентябре 2013 года составил около 22 млрд долл. В целом в 2013 году офшоры пополнились за счет российского бизнеса на 39 млрд долл. По мнению экспертов,

в настоящее время девять из десяти сделок, в том числе и с государственным участием, не регулируются российскими законами.

В чем причина? Можно ли вести речь о недостатках российского законодательства, не способствующих привлекательности российской юрисдикции для ведения бизнеса?

Обратимся к зарубежному опыту. Принято считать, что в странах с развитой экономикой официально декларированной законодательной поддержки национального бизнеса как таковой нет. Однако нельзя не учитывать некоторые немаловажные аспекты. Развитые страны осуществляют меры адресной поддержки национальных компаний, субсидируя наименее развитые, а также стратегические отрасли своей экономики. Иногда это реализуется даже в противоречие нормам ВТО.

Во многих странах существуют специальные программы поддержки малого и среднего предпринимательства, которые способствуют росту занятости населения прежде всего на небольших административных территориях. Нельзя не видеть протекционистских механизмов, например, в законодательстве ФРГ. Здесь министерство экономики вправе воспрепятствовать сделкам по покупке немецких компаний компаниями с иностранным капиталом свыше 25%.

Возможности поддерживать национальный бизнес в определенной степени противоречат европейским нормам честной конкуренции, которые создавались, в том числе для того, чтобы предотвратить государственный протекционизм в условиях свободного внутреннего рынка и отсутствия таможенных барьеров. Тем не менее поддержка бизнесу, работающему в Германии, оказывается как в виде субсидий, так и другими формами, к примеру, льготными кредитами. Преимущества немецким компаниям существуют и для некоторых программ, например, для получения кредита, замещающего собственный капитал.

В США законодательные меры экономической политики, направленные на правительственную поддержку компаний с исключительно американским капиталом, фактически отсутствуют. Однако в обращении президента Б. Обамы к Конгрессу в феврале 2013 г. названы мероприятия, в числе которых значительное увеличение числа лоббистов в Госдепартаменте и министерстве торговли США,

призванных активизировать продвижение американского экспорта за рубеж, а также ликвидация налоговых преференций для тех промышленных компаний, которые переводят рабочие места за рубеж.

В ряду предлагаемых мер – снижение налога на прибыль для компаний обрабатывающей промышленности с нынешних 35% (универсальная ставка для всех компаний в США) до 25%. Но при этом – введение полного налогообложения для всех американских компаний на их глобальные прибыли, включая полученные за рубежом. Заметим, что бюджет США на 2013 г. включал расходы в размере 16 млрд долл. на поддержку малого и среднего бизнеса.

Канадские законы предусматривают государственную поддержку бизнеса, однако не принимают во внимание происхождение капитала. Здесь принято считать, что самой эффективной формой этой поддержки являются низкие налоговые ставки. В марте 2013 г. правительство Канады объявило о самом серьезном снижении налогов: ставка налога на прибыль уменьшена с 22 до 15%, а для малого бизнеса – до 11%.

Таким образом, государственные расходы на поддержку бизнеса в странах с развитой экономикой являются значительными, хотя законодательных оснований и официальной целевой ориентации на чисто национальные компании там, как правило, не наблюдается.

Что же касается экономической политики российской власти в нынешних условиях, ее позиция и основные требования к бизнесу обозначены достаточно четко.

Во-первых, доходы российских собственников компаний, зарегистрированных в офшорах, должны облагаться налогами по российским правилам с уплатой налоговых платежей в бюджет России.

Во-вторых, на государственную поддержку и льготы в ближайшем будущем могут рассчитывать только те компании, которые зарегистрированы в российской юрисдикции. Президент России В. Путин объявил, что «компаниям, зарегистрированным в иностранной юрисдикции, нельзя будет пользоваться мерами государственной поддержки, включая кредиты ВЭБа и госгарантии. Им, этим компаниям, также должен быть закрыт доступ к исполнению государственных контрактов и контрактов структур с госучастием» [2].

Официально объявлено о предстоящих сложностях для российского офшорного бизнеса, таких, например, как двойное налогообложение или отлучение от государственных финансов. Однако такие ограничительные меры, по мнению экономистов, должны сочетаться с мерами, стимулирующими к возврату бизнеса и капиталов на родину.

Нельзя не согласиться со специалистами, которые предлагают ввести в российское налоговое законодательство понятие бенефициарного собственника и налогового резидента для юридических лиц, а также разработать правила иностранных контролируемых компаний.

Все эти инструменты борьбы с агрессивным налоговым планированием хорошо знакомы законодательству развитых стран, и их принятие приближает российское налоговое право к международным стандартам. Геополитическое положение Российской Федерации позволяет использовать ее территорию в качестве плацдарма для инвестиций в экономику азиатских стран. Но для того, чтобы международные компании могли использовать нашу страну для регистрации своих холдинговых компаний, Россия должна отвечать стандартным требованиям, предъявляемым к холдинговым юрисдикциям. Именно здесь, по мнению российских экономистов, государству необходимо сосредоточить основные усилия.

Существенным препятствием для ведения бизнеса в России является качество суда. Проблема судов не столько в их предвзятости и даже коррумпированности, сколько в некомпетентности. Суды часто бывают не готовы рассматривать сложные сделки, например, связанные с защитой интеллектуальной собственности.

В связи с этим, в кругах экономистов рассматривается возможность создания единого международного арбитражного суда в рамках Таможенного союза, в который войдут лучшие международные арбитры. Такой суд сконцентрируется на наиболее сложных делах и одновременно будет способствовать повышению профессионального уровня арбитров стран Таможенного союза. В результате российскому бизнесу станет удобнее решать проблемы на родине.

Деофшоризация российской экономики влечет за собой не только политические, экономические, но и нравственные аспекты.

Если отечественные компании станут платить налоги в России, если они не будут уходить от ответственности за страну, вырастет доверие к бизнесу, к институту частной собственности, к ценностям предпринимательства и экономической свободы. А это весьма важно для поступательного развития нашей страны и укрепления общественных отношений.

Говоря о практических шагах в целях национальной ориентации российского бизнеса, необходимо отметить усилия депутатов Государственной думы по разработке законодательных предложений в этом направлении [3]. Сделана попытка сформулировать понятие национального бизнеса, требования и условия, которым он, по мнению разработчиков, должен отвечать. Так, статусом национального бизнеса признается специальный правовой режим российских юридических лиц – коммерческих организаций, зарегистрированных в соответствии с законодательством Российской Федерации, осуществляющих свою деятельность на территории России, подтверждаемый внесением сведений о таком лице в единый государственный реестр национального бизнеса. В него могут войти компании, отвечающие двум главным критериям: локализация производства в России и доля иностранного капитала не более 10%. Объем заемных иностранных средств, объем и условия совершения операций вне юрисдикции Российской Федерации являются при этом определяющими факторами.

Кроме того, компания, рассчитывающая получить статус национальной:

- должна быть создана в соответствии с российским законодательством и осуществлять свою деятельность на территории России;
- эмиссионные бумаги компании должны быть допущены до обращения на российской фондовой бирже;
- обязана принимать участие в социальных проектах и программах Правительства Российской Федерации;
- должна выплачивать в российский бюджет не менее 100 млн руб. в виде налогов ежегодно в течение пяти лет.

Предполагается, что после юридического оформления статуса национальные компании получают право на государственную поддержку, которая может включать:

– сниженные процентные ставки при кредитовании, льготный налоговый режим;

– поддержку в сфере заказов на поставку товаров, услуг и работ для государственных и муниципальных нужд;

– ограничение расценок на услуги госмонополий;

– предоставление государственных и муниципальных гарантий, а также преимущественного права при проведении приватизации и заключении договоров аренды государственного и муниципального имущества, преимущественного права при выделении земельных участков, скидки на коммунальные платежи;

– субсидии на уплату процентов по кредитам и лизинговым платежам;

– содействие в области подготовки и повышения квалификации работников и в иных областях деятельности, которые будут определены последующими законодательными и нормативными актами.

Разработка этих законодательных предложений, хотя и проходит лишь начальную стадию, имеет важное значение, т. к. до последнего времени инициативы законодателей по модернизации российской экономики, как правило, имели целью привлечение иностранных инвестиций. При этом реальных мер по улучшению условий для инвестирования за счет отечественного бизнеса практически не осуществлялось.

Анализ законопроектов позволяет сделать вывод о том, что их разработчики преследуют несколько целей.

Политическую цель: усилить роль российского бизнеса в жизни страны. При этом заказчиком национальной политики должен быть национальный бизнес – сообщество крупных компаний, управляемых ответственной национальной элитой.

Идеологическую цель: создать реальные стимулы для возврата капиталов из-за рубежа, для чего сформировать механизмы, которые сделали бы процесс деофшоризации для корпораций экономически целесообразным.

Протекционистско-экономическую цель: поддержать отечественные компании в конкурентной борьбе с транснациональными корпорациями и иностранными компаниями в рамках ВТО.

Осуществление первых практических шагов в данном направлении представляет собой реальные усилия в интересах системного преобразования внутреннего экономического уклада страны, цель которого – повысить роль национального бизнеса и укрепить экономический суверенитет страны.

Литература

1. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации 12 декабря 2013 года // Официальный сайт Президента РФ: URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825>
2. Выступление Президента Российской Федерации В.В. Путина на съезде Российского союза промышленников и предпринимателей 20 марта 2014 года // Официальный сайт Президента РФ: – URL: <http://kremlin.ru/news/20618>
3. Проект федерального закона Российской Федерации № 37117-6 «О статусе национального бизнеса в Российской Федерации». – URL: <http://asozd2.duma.gov.ru/main.nsf/%28SpravkaNew%29?OpenAgent&RN=371173-6&02>

Кожухов А.В.

ДОМИНАНТЫ АНТИНАРКОТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ РОССИИ

Серьезную угрозу безопасности представляет незаконный оборот наркотиков. Россия находится на втором месте в мире по потреблению героина: на ее долю приходится 1/5 общемирового объема потребления этого наркотика [1]. В стране насчитывается до 8 млн лиц, с разной степенью регулярности употребляющих наркотики, из которых около 1,5 млн – потребители наркотиков опийной группы [2]. В результате ежегодно погибают десятки тысяч человек, из которых преобладающее большинство – молодежь. Только в Москве в 2013 г. от передозировки наркотиков скончалось на 13% больше, чем в предыдущем году. Официально в столице на учете состоит около 41 тыс. наркоманов.

С 2013 г. более чем на треть увеличилось число несовершеннолетних наркопотребителей, каждый из них принес беду семье и близким людям.

Масштабы этого бедствия в других регионах меньше, но тоже вызывают тревогу. В Волгограде в 2014 г. зарегистрировано 4444 подростка, употребляющие наркотики, в 2013 г. – 4502 [3]. Среднеобластной уровень заболеваемости и распространенности наркомании в Саратовской области в 2011 г. на 100 тыс. населения составил 147,9 [4]. В Челябинской области уровень наркомании в 2013 г. на 100 тыс. населения составил 2138,5 [5]. В Курганской области по состоянию на 31 декабря 2013 г. в наркологических учреждениях области на диспансерном учете и профилактическом наблюдении с диагнозом «наркомания» состоят 3619 человек (в 2012 г. – 3674) [6]. В Омской области на 1 января 2012 г. с диагнозом «наркомания» зарегистрировано 6844 человека. Однако эксперты считают, что эту цифру нужно увеличить в 3–4 раза, и полученное число даст наиболее полное представление о реальном количестве страдающих наркотической зависимостью [7].

Действительно, важнейшим фактором, определяющим вектор развития современной наркоситуации в Российской Федерации, является масштабное наркопроизводство в Афганистане и последующее перераспределение преступной продукции через государства-транзитеры к потребителям [8]. Афганистан сохраняет безусловное мировое лидерство по объемам производства опия, героина и гашиша. При этом наблюдается тенденция к росту масштабов производства опия. Так, посевные площади опийного мака в 2014 г. составили 225 тыс. га, а объемов производства опия – до 6,3 тыс. т (в 2013 г. – 209 тыс. га; производство опия – 5,5 тыс. т) [8].

Афганские наркотики поступают в Россию в основном по так называемому «северному» маршруту. В отличие от остальных маршрутов, идущих из Афганистана, «северный» возник относительно недавно: он сформировался лишь в середине 1990-х гг. Характер и масштабы незаконного оборота наркотиков в этом регионе были во многом обусловлены распадом СССР, когда вновь созданные государства внезапно столкнулись с необходимостью самостоятельно осуществлять пограничный контроль, за который прежде отвечали

центральные органы власти. Эти новые границы оставались фактически открытыми до тех пор, пока в 1993–1994 гг. не были созданы новые национальные таможенные службы [9].

«Северный маршрут» привлекает внимание наркоторговцев, прежде всего, прозрачностью границ между странами СНГ и отсутствием жесткого контроля оборота наркотиков в большинстве стран наркотранзита, что позволяет иметь несколько крупных маршрутов на «северном» направлении наркопоставок [10].

Кроме этого, имеется самая тесная взаимосвязь наркопроизводства в Афганистане и с другими элементами системы российской национальной, региональной и глобальной безопасности. Одна из таких угроз – это то, что незаконный оборот наркотиков остается одной из самых характерных форм транснациональной организованной преступности и наиболее прибыльным видом криминальной деятельности.

По мнению аналитиков ООН, на развитие организованной преступности в этом регионе и формирование ее структур повлиял распад СССР. Во-первых, он позволил возобновить когда-то заглохшую приграничную торговлю, восстановить этнические и семейные связи с Афганистаном. Во-вторых, центрально-азиатские государства унаследовали развитую систему железнодорожного и авиационного сообщения с Российской Федерацией и Европой, что стало настоящим подарком для лиц, занимавшихся незаконным оборотом наркотиков и искавших новые рынки и альтернативные выходы в Европу. В-третьих, новые государства в основном очень бедны, а некоторые столкнулись с проблемой погашения политических волнений. Они испытывали недостаток в средствах и изо всех сил пытались встать на ноги, поэтому борьба с транзитом наркотиков не была для них первоочередной задачей.

Некоторые эксперты отмечают сращивание транснациональных преступных группировок, контролирующих поставки наркотиков, с террористическими и экстремистскими сетями, существующими в Центральной Азии. Объясняется это тем, что первые заинтересованы в использовании мощной сетевой инфраструктуры и деятельности экстремистов по обеспечению гарантированного транзита наркотиков,

а вторые – в получении доходов для финансирования своей преступной деятельности [11]. Другим фактором распространения транснациональной преступности в регионе, по нашему мнению, является неспособность центрально-азиатских государств самостоятельно и без финансовой, материально-технической и организационной поддержки крупных государств справляться с наркотрафиком.

Основная угроза заключается в том, что подобная инфильтрация враждебно настроенных элементов может стать катализатором кризисных явлений в российских регионах. В основополагающих российских документах проблеме афганского наркотрафика уделяется определенное внимание. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года текущая ситуация в Афганистане рассматривается как один из факторов, негативно воздействующих на региональную безопасность [12]. В Концепции внешней политики Российской Федерации, продолжающийся кризис в Афганистане определен как угроза национальной безопасности Российской Федерации, а незаконный оборот наркотиков является вызовом, требующим наращивать международные усилия под эгидой ООН [13].

В Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года обращается внимание на то, что ключевым фактором негативного развития наркоситуации в Российской Федерации является масштабное производство опиатов на территории Афганистана и их последующий транснациональный трафик на территорию России [14]. Именно от наркотиков исходят главные угрозы безопасности России со стороны Афганистана.

Основные силы России в противодействии наркопроизводству и распространению наркотиков сосредоточены на международном направлении, поскольку без изменения социальной и экономической ситуации в Афганистане прекратить поставки наркотиков в Россию не представляется возможным. Однако самостоятельно справиться с существующими в стране социальными и экономическими проблемами Кабулу не под силу. Поэтому Россия должна всемерно поддерживать антинаркотическое направление деятельности афганского правительства. Во-первых, потому что это напрямую угрожает нашей

безопасности. Во-вторых, Россия – это основной актор в Центральной Азии, без которого не будет эффективной ни одна система безопасности.

По нашему мнению, антинаркотическим вектором сотрудничества в проводимой Россией внешней политике как в Центрально-Азиатском регионе, так и в Афганистане должна стать проблема разрешения афганского наркопроизводства и, как следствие, наркотрафика. Именно наркотрафик представляет собой серьезнейшую угрозу национальной безопасности России, равно как угрозу региональной и глобальной безопасности, и, как следствие, должен рассматриваться доминирующим элементом в модели российско-афганских отношений по причине его жизненной важности. Это обстоятельство, усиленное общественным давлением, заставляет российские власти действовать более целеустремленно, напористо в деле предотвращения наркопроизводства и противодействия наркотрафику как во внутренней, так и во внешней политике нашего государства.

Рассматривая антинаркотическое сотрудничество России и Афганистана в качестве доминирующего фактора их отношений, нельзя сбрасывать со счетов выгоду и привлекательность этой деятельности, обладающей интегрирующей силой для установления связей с другими участниками международной жизни. С такой точки зрения антинаркотическое направление, несомненно, имеет серьезные преимущества в возможности выступать приоритетным направлением относительно экономических, политических и других.

Литература

1. Наркомания, преступность и мятежники: транснациональная угроза афганского опия: Доклад. 2009 / Управление ООН по наркотикам и преступности. – URL: https://www.unodc.org/documents/data-and-analysis/Afghanistan/Executive_Summary_russian.pdf
2. Выступление директора ФСКН России В.П. Иванова на «правительственном часе» на заседании Совета Федерации по теме «О приоритетных направлениях государственной политики в сфере борьбы с наркоманией», 19 февраля 2014 г., Москва. Официальный сайт ФСКН России. – URL: <http://fskn.gov.ru/>

3. Сковородкин И. В Волгоградской области уровень подростковой наркомании снизился на треть // Волжская правда. – 2014. 3 декабря.
4. Состоялось заседание коллегии УФСКН РФ по Саратовской области. – <http://www.saratov.gov.ru/government/structure/uprzak/news/detail.php?ID=69749>
5. Остановить эпидемию. В Челябинской области живут 40 тысяч наркоманов. – URL: <http://www.magcity74.ru/news/16953-ostanovit-jepidemiju-v-cheljabinskoj-oblasti-zhivut-40-tysjach-narkomanov.html>
6. Доклад о наркоситуации в Курганской области в 2013 году. – URL: <http://www.nm45.ru/novosti/obschestvo/doklad-o-narkosituacii-v-kurganskoj-oblasti-v-2013-godu.html>
7. Васин А. Особенности национальной наркоугрозы // Криминал-Экспресс. – URL: <http://55.fskn.gov.ru/?p=2998>
8. Информационно-аналитическая справка о наркоситуации в Российской Федерации и результатах борьбы с незаконным оборотом наркотиков за 9 месяцев 2014 года. – URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/main/prevent/3939/4052/>
9. Всемирный доклад о наркотиках за 2010 год / Управление ООН по наркотикам и преступности. – Нью-Йорк, 2010. – С. 48. – URL: http://www.dipnsnabr.ru/Pdf/World_Drug_Report_2010_rus.pdf
10. Обзор вероятных путей мирового наркотрафика с учетом жесткости антинаркотической политики отдельных государств. Официальный сайт Аппарата ГАК по Приволжскому федеральному округу. URL: <http://www.pfo.fskn.gov.ru/>
11. Комиссина И.Н. Северный маршрут смерти // Национальная оборона. – 2013. № 1.
12. Указ Президента РФ от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Официальный сайт Совбеза РФ. – URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html>
13. Концепция внешней политики Российской Федерации: утв. Президентом РФ 12 февраля 2013 г. // Официальный сайт МИД России. – URL: <http://www.mid.ru/>
14. Указ Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 г. «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Официальный сайт ГАК. – URL: <http://www.fskn.gov.ru/pages/gak/4605/4604/strategy/index.shtml>

Медведев Д.А.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ В СФЕРЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: АНАЛИЗ ЕВРОПЕЙСКОГО ОПЫТА

В условиях роста глобальной нестабильности обеспечение подготовки и принятия оптимальных решений стратегического характера в области безопасности государства является ключевым условием его полноценного развития.

Российское аналитическое сообщество начинает понимать, что после принятия ряда документов стратегического характера на федеральном уровне, в пересмотре и совершенствовании нуждается вся система аналитического обеспечения стратегирования на уровне регионов России. На абсолютное большинство вызовов национальной безопасности невозможно адекватно реагировать, игнорируя их региональное измерение. В этом убеждает и европейский опыт делегирования субнациональным субъектам полномочий по разработке и осуществлению социально-экономического развития и обеспечения собственной безопасности.

Несмотря на политическую и культурную гетерогенность, общее понимание сути «безопасности» (security) как «сохранности» (safety), обеспеченной превентивными мерами по противодействию угрозам и рискам, позволяет странам Европейского континента иметь общий базис и методологические принципы в области управления региональной безопасностью. На этих базовых концептах выстраивается и общеевропейская аналитическая система обеспечения безопасности регионов.

Европейские государства часто именуют «Европой регионов» – понятием, связанным с кризисом государств-наций на рубеже XX–XXI вв. и пробуждением локальной этничности «на местах». Полномочия территориально-административных и муниципальных единиц в различных европейских государствах значительно разнятся. К примеру, в то время как регионы Бельгии и Германии, Италии и Испании имеют богатый опыт самоуправления и широкие

полномочия в области планирования деятельности в сфере безопасности, полномочия французских, датских, греческих и португальских территориальных единиц в вопросах определения стратегических направлений своего развития и обеспечения безопасности более ограничены.

Тем не менее базирование на общих концептах безопасности позволяет говорить о высокой степени идентичности подходов европейских государств в вопросах региональной безопасности. Так, в рамках Евросоюза осуществляется Общая внешняя политика и политика безопасности ЕС (ОВПБ), в соответствии с которой европейские страны в долгосрочной перспективе нацелены на формирование единых основ стратегирования в области обеспечения государственной и региональной безопасности.

Структура стратегических документов в области региональной безопасности в Европе включает в себя:

- описание состояния региона и его ключевых показателей на текущий момент;
- специфику угроз региона;
- приоритетные направления обеспечения безопасности (два-пять направлений, т. е. целей, дробящихся на подцели);
- институциональные рамки (frameworks) для обеспечения достижения поставленных целей;
- описание ключевых партнеров, обеспечивающих социализацию целей документа, т. е. «процесс доведения цели до потенциально заинтересованных в ее достижении субъектов деятельности, имеющий целью их вовлечение в процесс объективации цели» [1].

Как показывает анализ, стратегии и директивы безопасности на уровне европейских регионов содержат в себе, помимо описания актуальных угроз для конкретного субъекта («потребностей действовать» в системно-деятельностном подходе), также и комплекс мероприятий по их нейтрализации. Описываются также цели деятельности и пути их достижения, включая необходимые средства, ресурсы, исполнителей всех частных подцелей и задач, и временные ограничители.

«Заинтересованности в деятельности» представлены в стратегии в виде двух-трех приоритетных направлений, в которых выявлены (осознаны) стратегические противоречия, рассогласования, мешающие жизнеспособности и полноценному развитию региона. Кроме определения направлений деятельности документы предполагают формирование целевых параметров в данных сферах. То есть, к стратегиям региональной безопасности прилагаются не только индикаторы для фиксирования изменений какого-либо фактора, но и описываются «желаемые коридоры» показателей, достижение которых обеспечит способность региона в длительной перспективе сохранить экономические, социальные, духовно-нравственные условия для развития.

«Целевые коридоры» формируются по каждому индикатору, включенному в приоритетное направление. К примеру, в стратегии обеспечения безопасности графства Западный Йоркшир и города Бредфорда на 2012-2015 гг. (Bradford Community Safety Plan) в качестве одного из приоритетных – обозначено снижение уровня алкогольной зависимости граждан и противодействие наркоторговле [2]. Соответственно, в данном направлении сформулированы показатели (процент людей, излечившихся от алкогольной и наркотической зависимости; процент людей, рассматривающих наркотрафик как проблему региона и т. д.) и желаемые «коридоры показателей».

Изучение документов и директив стратегического планирования в области региональной безопасности стран Европы убеждает в том, что в них содержатся не только принципы обеспечения безопасности, но и модели аналитических процедур синтеза целей (формулирование и анализ целей) и синтеза стратегии (анализ ресурсов и разработка линии целенаправленного поведения). На рис. 1 в качестве примера приведена модель «Партнерство по безопасности» (Safety Partnership), которая используется при аналитическом обеспечении управления безопасностью в некоторых регионах Великобритании.

Одной из ключевых задач региональной политики интеграционных объединений в Европе является сокращение межрегиональных различий и налаживание отношений партнерства между субнациональными

единицами. В частности, в документах ЕС многократно отмечается, что регион – это институциональная ткань Европейского союза.

Рис. 1. Модель обеспечения региональной безопасности с помощью Партнерства по безопасности (Safety Partnership) [2, 3]

Европейское стратегирование базируется на такой важной категории, как ценностное единообразие. В данном случае правомерно говорить не о всесторонней унификации ценностей в европейских регионах, но о согласовании ценностно-целевых установок на региональном и субрегиональном уровнях.

Корректировки в систему целей и ориентиров вносятся на основании ежегодной или ежеквартальной экспертизы (например, ежегодный Strategic Assessment в Великобритании).

Отношение субъекта стратегирования всегда избирательно к миру в целом и к будущему в частности. Как заключил философ-прогнозист А.С. Панарин, ценность и традицию «нельзя читать только как традицию – в ней необходимо высветить альтернативы чаемого будущего» [4]. Интересы и цели стратегического характера, фиксируемые в официальных документах, представляют собой ту самую «избирательность» в форме ценностно-целевых ориентаций, единообразие которых позволяет в некоторой степени синхронизировать и укрепить целостность всей системы европейской безопасности.

Региональную политику ЕС в области экономической безопасности курирует Европейский фонд регионального развития (European Regional Development Fund). В его задачи входит снижение диспропорций в экономическом развитии отдельных регионов стран ЕС. Специализированной организацией, обеспечивающей политику ценностной синхронизации в области безопасности регионов, является EDPOL (European diversity in policing), представляющая орган поддержки европейских служб безопасности (в первую очередь полицейских служб) и связанных с ними лиц, заинтересованных в обеспечении безопасности региона. Задачами данной организации являются:

- содействие решению актуальных проблем безопасности, связанных с культурными особенностями регионов;
- обеспечение службы безопасности необходимыми навыками для удовлетворения разнообразных потребностей общин, которые они обслуживают;
- «управление разнообразием» (management of diversity) на региональном уровне [5].

«Управление разнообразием» подразумевает корректировку ценностных параметров при сохранении самобытности регионов, необходимой для их полноценного развития. Одной из особенностей общественных систем является их поступательное развитие, а значит, усложнение и рост разнообразия. С одной стороны, именно в разнообразии заложен потенциал развития системы, с другой, – как отмечает советский ученый Л.В. Левантовский, чем сложнее организация системы, тем более вероятна потеря ее устойчивости [6].

Таким образом, одним из постулатов обеспечения безопасности субнациональных частей субъекта без угрозы последующей дезинтеграции предполагается развитие единой культуры системного стратегического проектирования и ценностно-целевое единство.

Анализ стратегических документов европейских стран позволил выявить концептуальные положения стратегирования на региональном уровне, в том числе подчеркнул важность ценностно-целевого компонента в стратегическом управлении в области региональной безопасности. Данный тезис особенно актуален для обеспечения региональной безопасности России ввиду необходимости преодоления центробежных сил, возникающих по причине целевой и ценностной рассинхронизации стратегического развития. «Управляемое разнообразие» позволяет системе сохранять потенции к последующему развитию и укреплять целостность всей системы.

Европейский опыт аналитического обеспечения региональной безопасности на основе «желаемого коридора» представляется полезным при разработке и реализации стратегий безопасности в регионах России. Необходимость ежеквартальной корректировки индикаторов на основе экспертных выводов позволяет логически завершить цикл принятия и внедрения стратегических решений в подконтрольной сфере.

Литература

1. Конотопов П.Ю., Курносков Ю.В. Аналитика. Методология, технологические и организационные аспекты информационно-аналитической работы. – М.: Русаки, 2004 г. – С. 245.
2. Bradford Community Safety Plan 2012-2015 // Bradford Metropolitan District Council web-site. Электронный ресурс. – URL: <http://www.bradford.gov.uk/NR/rdonlyres/0913BBDF-11F2-4295-B2B7-9DCD67628CDC/0/CSPPPlan201215.pdf>
3. Stevenage Community Safety Partnership Plan 2011-2014 // Stevenage Borough Council Official web-site. – URL: <http://www.stevenage.gov.uk/content/15953/52128/52131/Community-Safety-Plan-2011-14.pdf>

4. Панарин А.С. Глобальное политическое прогнозирование в условиях стратегической нестабильности. – М.: Эдиториал УРСС, 1999. – С 101.

5. EDPOLMission // Официальный сайт организации EDPOLURL. – URL: http://ed-pol.eu/site/?page_id=33

6. Левантовский Л.В. Особенности границы области устойчивости / Функциональный анализ и его приложения. – 1982. Т.16. Вып.1. – С. 44-48.

Пенкина В.А.

РЕГИОНАЛЬНЫЙ И МЕСТНЫЙ УРОВНИ УПРАВЛЕНИЯ ИНФОРМАЦИОННОЙ БЕЗОПАСНОСТЬЮ (НА ПРИМЕРЕ МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ)

Учитывая опыт «твиттерных» и «цветных» революций, других управляемых деструктивных процессов, осуществляемых в политико-информационном пространстве конкретных населенных пунктов, национальная безопасность России сегодня прямо зависит от обеспечения информационной безопасности локальных территорий, отграниченных от мирового или государственного пространства в том числе и региональными рамками. Однако политика информационной безопасности формируется в основном на федеральном и частично на региональном уровне управления, где и замыкается решение этих вопросов, оставляя муниципальный уровень за пределами общегосударственной системы обеспечения информационной безопасности, что не в полной мере обеспечивает комплексность и единство данной системы. В связи с этим необходимо консолидировать силы и средства территориальных информационных структур, использовать коммуникативный, общественно-политический, культурно-исторический потенциал муниципальных образований.

Новые вызовы и угрозы концептуально отражены в программных документах, где прямо указано, что развитие информационного общества в России базируется на принципе обеспечения национальной

безопасности в информационной сфере [1, 2]. Это условие, расцениваемое как комплексная проблема защиты прав, свобод и законных интересов граждан, общества должно быть оформлено в отдельное правоохранительное направление государственной политики. Однако концептуальные положения указанных документов не содержат реальных механизмов их реализации, на что обращено внимание ученых [3].

На уровне субъектов РФ вопросы защиты национальных интересов, прав и законных интересов граждан и юридических лиц в информационной сфере как правило реализуются в специальных государственных целевых программах. Так, программа Московской области позиционирует регион как незаменимый сегмент в формировании медийного пространства государства и один из самых развитых в России [4]. Но эта оценка сделана с позиции «приоритетного и высокодоходного сектора экономики Московской области». Вопросы обеспечения информационной безопасности в том объеме, который действительно необходим для комплексного коммуникативно-коммуникационного охвата проблем, программа не затрагивает, так как полный перечень мер выходит далеко за рамки полномочий органов исполнительной власти субъекта РФ.

Еще одна областная программа, нацеленная на регулирование сферы общественной безопасности, предусматривая комплексное обеспечение безопасности населения и объектов на территории Московской области, повышение уровня и результативности борьбы с преступностью, тем не менее вопросов информационной безопасности также не касается [5]. Причина та же: данный вопрос находится за пределами полномочий органов исполнительной власти субъектов РФ. И в Уставе Московской области нет указаний на распределение полномочий в сфере обеспечения информационной безопасности [6]. На протяжении многих лет региональная информационная политика охватывала главным образом проблемы, связанные с деятельностью средств массовой информации. Но в связи с развитием информационно-коммуникационных технологий, построением информационного общества содержание региональной информационной политики значительно расширилось, в нее включили развитие телекоммуникаций,

информационных систем, средств и ресурсов, защиту гарантированных Конституцией РФ страны прав граждан и организаций на общедоступную информацию, а также соответствующие аспекты обеспечения информационной безопасности граждан, организаций, общества и государства, что еще раз говорит о необходимости эффективной правовой базы на всех уровнях управления в обеспечении региональной безопасности в информационной сфере.

Само понятие «информационная безопасность» в специальной литературе применяется, как правило, к государству в целом, к юридическим и физическим лицам (в части защиты данных, информации). Что касается регионального масштаба, то *информационная безопасность региона* понимается, в основном, как совокупность защищенности:

- информационных ресурсов юридических и физических лиц от несанкционированного доступа, раскрытия, уничтожения, модификации;
- от утраты доступа к открытым информационным ресурсам;
- от замедления прохождения информации по каналам ее распространения/связи;
- от распространения ложной информации; от фальсификации, умышленной неполноты и несвоевременности представления информации, связанной с регионом;
- от распространения информации, объективно направленной на дестабилизацию социально-экономического положения в регионе [7].

Первая позиция в данном перечне является предметом уголовно-правовой охраны (статьи 159.6, 272-274 УК РФ). Вторая и третья имеют в значительной степени технический характер и связаны с обеспечением бесперебойной работы программно-аппаратного комплекса. Четвертая и пятая позиции чаще всего связаны с конкуренцией внешних и внутрирегиональных политических и бизнес-элит, групп влияния, а, возможно, и экстремистских сил.

Защита контента регионального информационного пространства активизируется в ходе различных избирательных кампаний. Для политической борьбы характерно использование тенденциозной, ложной или фальшивой информации. Ложная информация может

касаться самого широкого круга вопросов и тем: фактов биографий политиков и должностных лиц региона, социально-экономической политики (рост цен, тарифов и т. п.), чрезвычайных ситуаций, санитарно-эпидемиологической и экологической ситуации в регионе, криминальных и террористических угроз и т. п. Заведомо ложная информация может распространяться как устно в виде слухов, так и в печатном и электронном виде.

Действующее законодательство предусматривает методы борьбы с информационными угрозами. В то же время, правовые процедуры принудительного опровержения ложной информации длительны, а сами опровержения, как правило, в отличие от «сенсаций» мало заметны. Борьба с ложной электронной информацией еще более сложна. В любом случае эти задачи возложены на правоохранительные органы. Структуры местного самоуправления и граждане могут лишь инициировать противодействие противоправной деятельности в рамках закона.

В своей практической деятельности региональные и муниципальные органы управления в части информационного влияния на массовое сознание и поведение населения исходят из положений Конституции РФ (ст.ст. 24, 29). В соответствии со ст. 13 Конституции они не вправе навязывать гражданам какую-либо систему взглядов.

Для органов государственной власти субъекта РФ и органов местного самоуправления наиболее эффективным способом обеспечения информационной безопасности и противодействия ложной информации является информационная открытость, оперативность реагирования на заявления и жалобы граждан, реальная доступность сервисов и услуг. В условиях, когда региональная и местная власть открыта, доступна и прозрачна информация о ее деятельности, налицо результаты, на свои обращения граждане получают оперативные и адекватные ответы, любые информационные «диверсии» имеют чрезвычайно мало шансов на успех.

Литература

1. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: утв. Указом Президента РФ от 12.05.2009 г. № 537 (ред. от 01.07.2014) // Собрание законодательства РФ. – 2009. № 20, ст. 2444; – 2014. № 27, ст. 3754.

2. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации: утв. Президентом РФ 07.02.2008 г. № Пр-212 // Российская газета. – 2008. № 34. – 16 февраля.
3. Жигула В.А. Организационное обеспечение информационной безопасности государственных и муниципальных образований Российской Федерации: автореф. дис. канд. соц. наук: 22.00.04. – Ростов-на-Дону, 2012.
4. Государственная программа Московской области «Информационная и внутренняя политика»: утв. постановлением Правительства Московской области от 23.08.2013 г. № 659/37.
5. Государственная программа Московской области «Безопасность Подмоскovie»: утв. постановлением Правительства Московской области от 23.08.2013 г. № 665/38.
6. Устав Московской области (ред. от 23 декабря 2014 г.) // Вестник Московской областной Думы. – 1997. № 1, январь; Ежедневные Новости. Подмоскovie. – 2014. № 244. – 30 декабря.
7. Брумштейн Ю.М., Подгорный А.Н. Информационная безопасность региона: анализ содержания термина, моделей оценки и некоторых вопросов управления // Вестник АГТУ. Сер. Управление. Вычислительная техника и информатика. – 2011. № 1.

Замотаев Д.Ю.

МЕХАНИЗМЫ ВЛИЯНИЯ ЗАРУБЕЖНЫХ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ НА РЕГИОНАЛЬНУЮ БЕЗОПАСНОСТЬ РОССИИ

На протяжении последних десяти лет в научной литературе освещаются различные стороны деятельности международных неправительственных организаций (МНПО), обосновывается их роль в урегулировании конфликтов в Европе, Африке, Азии, ставятся вопросы о транспарентности их деятельности, контроля над ними, финансирования и управления [1].

Неоспоримым является факт, что НПО имеют существенное влияние на формирование общественно-гражданской среды. Множество

неполитических организаций являются институтами гражданского общества, структурами самоорганизации граждан в разных сферах жизнедеятельности [2]. Вместе с тем определенная часть этих организаций претендует на роль судей в вопросах мировоззрения всего общества и государственной политики. В научной литературе для обозначения подобных организаций применяется термин «псевдо-НПО». Их деятельность выходит за рамки общественно-социальной жизни, нередко именно они становятся инструментами деструктивных внутриполитических и внешнеполитических акций политических сил и государств [3, 4].

Как и другие страны, Россия оказалась вовлеченной в процессы коммерциализации и политизации неправительственных организаций. Их скрытая целеориентация и агрессивная интенция приводят к провоцированию экстремизма, сепаратизма, национализма, а также к манипулированию общественным сознанием вплоть до прямого вмешательства во внутренние дела государства [5].

Этому есть многочисленные доказательства. Так, под видом содействия развитию гражданского общества такие МНПО, как «Национальный демократический институт» (NDI), «Международный республиканский институт» (IRI), «Международный фонд электоральных систем» (IFES), Фонд Джорджа Сороса, Институт «Открытого общества» (OSI), «Freedom House», а также ряд других подобных организаций осуществляли свою деятельность в создании «агентуры глобализации», в формировании «пятой колонны» в России. Как правило, эти организации имеют сетевую структуру, распределенную по субъектам Федерации: городам федерального значения.

МНПО на территории бывшего СССР начали появляться еще в конце перестройки. Распространение структур западных фондов на территорию нашей страны преследовало главную цель: изменение идеологического базиса государственной идеологии посредством «войны смыслов» с агрессивным навязыванием западной либеральной идеологии, выраженной наиболее отчетливо в идее «открытого общества» [6]. Примером НПО такого уровня является фонд «Новая Евразия», основанный американским фондом «Евразия», европейским фондом «Мадарьяга» и российским

фондом «Династия». Главным источником финансирования является Агентство при правительстве США по международному развитию (USAid). Фонд «Новая Евразия» проводит идеи нового мирового порядка под эгидой США в российских элитах, создавая «пятую колонну» внутри правящего класса. Именно влияние на элиты, втягивание их в свою сеть позволяет вести «войну смыслов» наиболее эффективно.

В качестве другого примера западной НПО, работающей в России, является «Фридом Хаус» («Freedom House»). Фонд в качестве своей цели ставит достижение и сохранение американской гегемонии, как «гаранта соблюдения прав человека во всем мире». В нашей стране эта организация работает на Северном Кавказе, где функционирует созданный ею «Американский комитет за мир на Кавказе» (АСРК). Главной задачей фонда является сбор, обработка и предоставление информации по положению дел в национальных республиках, а также работа с физическими лицами – журналистами, представителями общин, чиновниками. Эти и многие другие МНПО, зачастую переоформленные под внутристрановые, аккумулировали огромные средства для создания форпостов американского влияния, чаще всего под видом помощи с целью построения «гражданского общества», защиты прав человека, оказания содействия в проведении «демократических» выборов и создании «альтернативной прессы» и т. д. [7].

Анализ деятельности международных НПО свидетельствует, что их работа осуществляется в трех основных направлениях: пропаганда и защита интересов, лоббирование и установление информационной повестки дня. Данные виды деятельности оказывают непосредственное влияние на внутреннюю политику. В частности, пропаганда «демократических ценностей» осуществляется через различные сети по защите интересов различных групп [8].

Влияние международных НПО реализуется по нескольким направлениям:

- 1) информационная политика (обмен информацией, интерпретация актуальных вопросов повестки дня);
- 2) символическая политика (использование символов для повышения осведомленности общества по конкретным темам);

3) «левередж» - усиление рычагов для получения морального или материального преимущества над властными структурами;

4) политика подотчетности [9].

Таким образом, в результате деятельности международных НПО создается целая система приемов и технологий, направленных на оказание выгодного влияния на внутривластную ситуацию в стране. Можно выделить следующие из них:

- информационная обработка общественного мнения, создание негативного образа высшего руководства страны и позитивного образа оппозиции;

- усиление правозащитной риторики со стороны местных и западных правозащитников, создание условий прессинга властей, при которых на уровне общественного сознания трудно уловить грань между правозащитной и провокаторской деятельностью;

- налаживание с помощью «демократической фразеологии» механизма давления «международной общественности» для обеспечения «честных выборов» и «развития демократии»;

- навязывание института международных наблюдателей для контроля решения фактически любой проблемы, создание таких условий, при которых международные наблюдатели становятся действенным инструментом поддержки оппозиции [10, 11, 12].

Говоря о неправительственных общественных организациях в региональном политическом пространстве и их влиянии на развитие гражданского общества, политическую культуру и социальную стабильность, следует четко представлять, о каких общественных организациях идет речь. Можно выделить общую типологизацию:

1. Организации западного типа, объединяющие граждан по их принадлежности к определенному сообществу и оказывающие им психологическую, юридическую, социальную, материальную помощь.

2. Организации «номенклатурного» типа, созданные по инициативе правящей элиты, обслуживающие власть.

3. Организации «этнического» типа, созданные «снизу», но выражающие интересы исключительно одной этнической группы населения [13].

В субъектах Российской Федерации работа зарубежных НПО определяется характером каждого региона. Так, например, в Южном федеральном округе спецификой является противостояние этнических, казачьих и религиозных общественных объединений друг другу.

С целью противостояния подобным механизмам необходима разработка эффективных мер противодействия дестабилизирующей деятельности международных НПО, что предполагает участие государственной и общественной структур. Основополагающим фактором является развитие правовых, экономических и других условий для становления развитого гражданского общества, гражданской идентификации как на национальном, так и на региональном уровне.

В перечень мер следует включить пересмотр государственного финансирования неправительственных организаций, правовое регулирование в свете расширения инструментального арсенала НПО в новой инфокоммуникационной среде, установление тематических платформ для сотрудничества на разных уровнях. Эта стратегия позволит обеспечить национальную безопасность Российской Федерации.

Литература

1. Кутейников А. Новое в исследовании международных организаций // Международные процессы. – 2008. Т. 6. – № 2 (17).
2. Шарп Дж. От диктатуры к демократии / From Dictatorship to Democracy. – The Albert Einstein Institute, 2005. С. 29. – URL: <http://www.aeinstein.org/organizationsb555.html>
3. John Baylis, Steve Smith, Patricia Owens. The Globalization of World Politics. – Oxford University Press Inc., New York, 2011. – P. 328-331.
4. United Nations Charter, Chapter 10: The Economic and Social Council, Article 61-72. Электронный ресурс. – URL: <http://www.un-documents.net/ch-10.htm>
5. Крикунов А., Горелекин В. Неправительственные организации как инструмент «цветных революций» на постсоветском пространстве, 2012. Электронный ресурс. – URL: <http://www.truenet.info/novosti/dobrye-sovety-ot-freedom-house.html>

-
6. Крикунов А., Горепекин В. Неправительственные организации – движущая сила «цветных революций» // Стратегии развития. – 2011. № 2. URL: http://catu.su/index.php?option=com_content&view=article&id=142:-l-r-&catid=38:slideshow&Itemid=28
 7. Минасян Г., Восканян А. Зарубежные НПО – механизм влияния на внутреннюю политику в СНГ // Обозреватель. – 2013. № 3.
 8. Новиков А.П. Материалы к участию в ОБСЕ на Семинаре экспертов по предотвращению злоупотреблений в финансировании терроризма некоммерческими организациями, сентябрь 2009 г. Вена, Австрия.
 9. Margaret E. Keck and Kathryn Sikkink. *Activities beyond Border*. Ithaca, NY: Cornell Univ. Press, 1998. P. 19-25.
 10. Грачев М.Н. Политическая коммуникация: теоретические концепции, модели, векторы развития. – М.: Прометей, 2004.
 11. Жужлов А.А. Гражданское общество современной России в условиях медиатизации политики: дис. ... канд. пол. наук. – Саратов, 2010.
 12. Шерстобитов А.С. Коммуникация в сетевом политическом управлении (на опыте политики в сфере телекоммуникаций в России): дис. ... канд. пол. наук. – СПб, 2010.
 13. Землянский Д.А. Неправительственные общественные организации в политической системе современной России: динамика и позиционирование: дис... канд. пол. наук. – Невинномысск, 2009.

Миронов А.А.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ РИСКИ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ

Обострившаяся в период системного кризиса проблема информационной, коммуникативной безопасности захватывает и сферу стратегического планирования. Ее региональные аспекты в определенной степени отражены в работах современных отечественных исследователей семантической сферы: Ю.В. Данюшиной, Л.М. Земляновой, И.Н. Панарина, Г.Г. Почепцова,

В.В. Силкина, А.И. Смирнова, А.В. Шевченко и др. [1-5]. В частности, подробно исследованы процессы информационного сопровождения и обеспечения политических акций и кампаний. Информационное обеспечение какого-либо действия или процесса представляет собой снабжение акторов процесса необходимой им информацией на всех этапах совершения данного действия. К этому пониманию сводится большинство известных определений из сфер экономики, права, государственного управления, охраны труда и др. В Федеральном законе № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» информационное обеспечение подразумевает также создание информационных систем для участников планирования, и, хотя только подпунктом, но обозначена процедура общественного обсуждения [6]. Информационное сопровождение иногда понимается как синоним обеспечения (см., например, Экономический словарь Финанс). Кроме того, под ним подразумевается также создание необходимого «информационного шума» вокруг действия, что исследуется в сфере PR-технологий. В более нейтральном значении – это может быть доведение до общественности информации о некоем действии, в нашем случае, акте стратегического планирования с освещением поставленных стратегических задач.

Средства массовой информации участвуют в обоих процессах, но степень вовлеченности и роль – разные. В информационном сопровождении стратегического планирования развития российских регионов они осуществляют как минимум две рациональные функции: информирования населения и контроля исполнения стратегических планов. Контролирующая важна для обеспечения эффективной обратной связи между органами власти, социальным, экономическим и политическим секторами стратегируемого регионального объекта. Функция информирования также реализуется во взаимных интересах обоих субъектов – государственных органов, занимающихся стратегическим планированием, и СМИ, освещающих достижение или исполнение намеченного.

Такое согласование процессов соответствует одному из принципов стратегического планирования – прозрачности (открытости), отраженному в упомянутом федеральном законе: «документы стратегического

планирования, за исключением документов или их отдельных положений, в которых содержится информация, относящаяся к государственной, коммерческой, служебной и иной охраняемой законом тайне, подлежат официальному опубликованию» [6]. Из этого закономерно следует функция разъяснения, популяризации действий органов власти с целью формирования активного общественного субъекта социальной практики, который становится третьим участником процесса стратегического планирования. При этом информационное сопровождение влечет за собой семантические риски, которые усиливают вероятность непонимания, расхождения в оценке государственной политики обществом и, как следствие, снижение ее популярности и поддержки, а в худшем варианте – провал прогнозов и планов.

Исторически началом системного и целенаправленного освещения СМИ государственного планирования и реализации стратегических задач можно считать освещение советскими газетами выполнения плана ГОЭЛРО, среднесрочных пятилетних планов – «пятилеток», и в целом деятельности по строительству, восстановлению и развитию государства.

Отдельного внимания заслуживает так называемое «творческое прогнозирование» (самодеятельная футурология), которое можно встретить даже на страницах ведущих союзных газет. Один из ярких примеров приведен в книге И.В. Кузнецова «История отечественной журналистики» (1917-2000) на материале газеты «Комсомольская правда»: «целые развороты [газета] посвящала рассказу о том, что будет в 1950 г. «Всем хочется представить нашу страну через пятилетие, говорится в номере 28 марта 1946 г. – помечтаем же, товарищи, заглянем в будущее» [7]. Изображаемая картина планируемой будущей действительности становилась мощным аттрактором, стимулирующим деятельность людей, желающих воплотить услышанное и воспроизведенное ими мысленно. При высоком уровне доверия печати эта реальность в сознании становится практически синонимом неотвратимого будущего. Организаторами такого прогнозирования затрагивались глубокие, базовые психологические мотивы деятельности.

В настоящее время в прессе чаще встречается ретроспективный, исторический взгляд из настоящего времени в прошлое, а будущее в аналитических статьях авторам видится, как правило, в негативном

свете. Читателю представляется картина актуализировавшегося риска, ставшего угрозой. Сегодня осознание стратегических планов и мотивацию по их достижению СМИ пытаются построить с помощью «страшилок», от которых читатель, ужаснувшись, скорее всего захочет убежать, а более глубокая публицистика укажет еще и в какую сторону. Но возможно ли таким образом направить общественную рефлексию по надежному пути с желаемым, безопасным для всех субъектов данного процесса, финалом? Метание от аттракторов прошлого к попыткам создать такие аттракторы в будущем, при обилии различных симулякров в условиях информационного шума, вызывают такое же хаотичное движение общественной мысли. На языке военной литературы такое движение мысли можно было бы назвать паническим отступлением с неуверенными попытками закрепиться на отдельных рубежах, а не хотя бы организованной обороной с контратаками.

Метод позитивного описания будущего состояния государственной системы используют, как правило, представители государственной власти в программных речах. Такие элементы содержатся в ежегодных посланиях Президента Российской Федерации Федеральному Собранию, которые, согласно ФЗ-172, являются документами стратегического планирования [6]. Например: «В ближайшее десятилетие предприятия ОПК страны будут полностью загружены заказами. Смогут обновить свою производственную базу, создать качественные рабочие места... почти семь миллионов человек. И у специалистов этой отрасли будет стабильная, высокооплачиваемая работа, а значит, и достаток в семьях» [8].

Однако в условиях, когда в стране существует политическая плюральность, порождающая психологическую неустойчивость социума и конфликтный характер государственно-общественного диалога, существует и опасность различного рода искажения смыслового содержания реализации стратегических планов, содержащих идеальную (а можно говорить и об идеологической) компоненту. Отсюда возникают семантические угрозы политической системы. На наш взгляд, стабильность ее развития может быть обеспечена посредством защиты массовых политических коммуникаций от семантических рисков.

Введение понятия «семантический риск» обусловлено множественными примерами семантических сдвижек и «семантических дрейфов» [9], имеющих как естественную, так и искусственную природу. Они проявляются в изменении сущностной основы – идейно-субстратного фундамента – понятий и отдельных слов, служащих материалом для информационного сопровождения культурно-политической трансформации образов, содержащихся в общественном и индивидуальном сознании.

Множество существующих дефиниций риска объединяет ключевой смысл – вероятность наступления неблагоприятного исхода в некоем будущем моменте времени. Первый критерий, служащий основанием для выявления природы информационно-психологической угрозы, – вероятность наступления неблагоприятных событий, их эмоционально-рациональное осмысление и оценка способности субъекта противостоять негативным воздействиям. Такому критерию соответствует понятие риска.

В свою очередь семантика – это раздел семиотики и логики, исследующий отношение языковых выражений к обозначаемым объектам и выражаемому содержанию [10]. Или же раздел лингвистики с тем же объектом исследования. При этом категория смысла рассматривается нами и в философском аспекте как «внеположенная сущность феномена, оправдывающая его существование, связывая его с более широким пластом реальности» [11]. Следовательно, риск в семантической сфере может быть связан с вероятностью нарушения, изменения связи между языковыми единицами или текстом в целом и его выражаемым содержанием (или обозначаемыми объектами). Причем помимо некоего конвенционального значения нарушен будет конкретный, заданный автором сообщения смысл, который предполагается донести до реципиента сообщения. Он должен претерпеть как можно меньше трансформаций при усвоении сознанием или даже вставку в уже существующие картины мира и фреймы. Семантика в итоге и становится ресурсом для противодействия семантическим рискам. Исходя из этого, второй критерий, на основании которого мы говорим именно о семантическом риске – это несоответствие

смыслового содержания, понимания целей планирования между его участниками и общественностью.

В формируемое нами определение необходимо также добавить компонент будущего действия, при котором такие риски могут возникнуть. Информационное сопровождение стратегического планирования заключается в коммуникации – информировании массовой аудитории о конечных целях-аттракторах, тех предполагаемых состояний действительности в будущем, которых необходимо достигнуть (подача информационных, аналитических и художественных материалов, если придерживаться концепции трех основных жанровых направлений). Также риск связан не только с целенаправленным действием, но и с удержанием и воспроизведением полученной информации. Часть «ответственности» за ее искажение на этом этапе могут нести именно средства массовой информации, ее подающие. Следовательно, поле актуальности семантических рисков касается и этой сферы функционирования информации.

Таким образом, *семантический риск* – это вероятность искажения, заданного иницирующим субъектом коммуникации, смысла информации при ее распространении и воспроизведении.

Понятие риска соотносится и с пониманием прогнозирования, в Федеральном законе 172-ФЗ – это «...деятельность участников стратегического планирования по разработке научно обоснованных представлений о рисках социально-экономического развития, об угрозах национальной безопасности Российской Федерации...» [6].

При стратегировании аналитик-прогнозист имеет дело с рядом будущих действий и состояний исследуемых объектов, при этом оценка рисков (т. е., вероятности искажения желаемой, конечной информации – «конечного состояния») в информационной сфере позволит осмыслить угрозы, связанные с информационным сопровождением стратегического планирования.

Семантические риски в современном медийном пространстве оценить непросто в первую очередь оттого, что отсутствует единый системный подход по их идентификации и работе с ними. Классификация семантических рисков – инструмент, приближающей нас к возможности оценки.

Семантические риски с точки зрения источника их возникновения можно разделить на несколько групп.

Информационная политика. Одним из основных субъектов информационного сопровождения являются СМИ. Со стратегическими прогнозами государства их в самом общем плане объединяет устремленность от настоящего положения вещей в будущее. При этом нередко могут совпадать и формы прогнозирования будущего, в прессе это выражается развернутыми аналитическими материалами. В различных ситуациях медиа могут занимать как внутреннюю, так и внешнюю позицию по отношению к процессу стратегического планирования. Первая актуальна, если средства (или одно средство) массовой информации привлекаются в качестве информационного ресурса и перед ними ставятся задачи по информационному обеспечению. Это характерно в первую очередь для государственных СМИ. При этом стоит отметить, что медиа не входят в число участников стратегического планирования [6, ст. 9]. Вторую позицию занимают СМИ, для которых данный процесс является информационным поводом для создания журналистского материала. Сопровождение стратегического планирования в данном случае ограничивается только задачами, которые ставит перед собой редакция или, иначе говоря, редакционной политикой. С позиции акторов стратегического планирования вторая группа СМИ не подвержена прямому влиянию и является основным источником семантических рисков в медиасфере, соответственно именно она является основным источником риска в процессе информационного сопровождения.

Таким образом, информационное сопровождение стратегического планирования делится относительно инициативы его возникновения на два типа: внешнее и внутреннее.

Безопасность информационного сопровождения стратегического планирования заключается в том, чтобы информация о стратегировании не несла угроз срыва планирования или враждебного восприятия аудиторией его целей. Кроме того, она должна защищать стратегирование от возможных информационных атак. Регулирование внутренних источников информирования возможно с помощью выстраивания редакционной политики. Воздействие на внешние источники с целью вмешательства в их редакционную политику невозможно, так как их редакционная политика

охраняется законом о СМИ, и любые способы воздействия считаются противозаконными. Однако для успешного информационного сопровождения участниками планирования или внутренними источниками необходим набор критериев, руководствуясь которыми можно конструктивно сопровождать стратегирование и противодействовать деструктивному влиянию внешних источников.

Деструктивное влияние состоит в формировании негативного отношения аудитории информационного источника (т. е. средства массовой информации или иного непериодического источника) к процессу стратегического планирования или его итоговому документу. Семантический риск возникает при влиянии иных взглядов на стратегическое планирование. Это может достигаться следующими способами:

- 1) Пессимистический прогноз стратегического планирования (с комментариями опубликованного прогноза).
- 2) Ссылка на неуместность стратегирования в данном направлении (например, путем выявления более значимых проблем).
- 3) Демонстрация альтернативного, более успешного прогноза.
- 4) Ссылка на негативный опыт подобного прогнозирования (иллюстрация негативного исторического примера).
- 5) Поиск ложных, враждебных аудитории целей стратегического планирования.

Стоит отметить, что формирование негативного отношения аудитории может производиться внешними источниками как произвольно, так и целенаправленно (в качестве мер противодействия планированию в заданном направлении). Кроме того, критика стратегического планирования может осуществляться с целью повышения качества стратегирования. Отличить конструктивную критику от деструктивной можно путем анализа способов, которые данный информационный источник предлагает в качестве альтернативных, а также элементов риторики, используемых против действующего стратегического плана, документа.

Противодействие деструктивному влиянию и, как следствие, минимизация семантических рисков будет заключаться в выстраивании информационного сопровождения согласно пяти отмеченным выше

угрожаемым направлениям с приведением превентивных контраргументов по каждому из них.

Лингвистическая группа. Семантические риски в данной сфере заключаются в возможности «семантического дрейфа» понятий, используемых при информационном сопровождении планирования. Появление новых политических штампов, негативный опыт использования того или иного слова в средствах массовой информации, художественных произведениях придает новое смысловое наполнение словам.

Главное средство превентивной борьбы с деструктивным влиянием на данном направлении – нейтрализация основных понятий, непрерывный мониторинг участниками информационного сопровождения актуальных общественно-политических текстов. Проведение «терминологической профилактики» (поиска и замены) в случае обнаружения уже использованных слов с выявленной негативной коннотацией. Если замена по тем или иным причинам невозможна, то поиск обоснования, в том числе с привлечением исторического и культурно-лингвистического ресурса, будет главной опорой в очищении нужного понятия от его негативного значения.

Литература

1. Данюшина Ю.В. Лингвокоммуникативные составляющие национальной безопасности // Стратегическое управление в сфере национальной безопасности России: субъекты, ресурсы, технологии: Материалы Первой Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 5 декабря 2012) / Под ред. С.В. Смульского, А.В. Шевченко. – М.: «Издательство «Проспект», 2013. – 248 с.
2. Землянова Л.М. Журналистика и коммуникативистика. Концептуализация медийных процессов в современной зарубежной науке. – М.: МедиаМир, 2012. – 188 с.
3. Силкин В.В. Информация и коммуникация в системе государственной службы (социально-информациологический анализ): Монография. – Саратов, 2005. – 186 с.
4. Смирнов А.И., Кохтюлина И.Н. Глобальная безопасность и «мягкая сила 2.0»: вызовы и возможности для России. – М.: ВНИИгеосистем, 2012. – 276 с.

5. Шевченко А.В. Информационная устойчивость политической системы. Монография. – М.: Изд-во РАГС, «Граница», 2004. – 256 с.
6. Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации». – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_164841/
7. Кузнецов И.В. История отечественной журналистики (1917–2000). Учебное пособие. Хрестоматия. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 640 с.
8. Путин В.В. Послание Президента Федеральному собранию 12.12.2013 г. Официальный сайт Президента РФ – URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/19825>
9. Назаретян А.П. Нелинейное будущее. Мегаисторические, синергетические и культурно-психологические предпосылки глобального прогнозирования. – М.: Издательство МБА, 2013. – 440 с.
10. Философия: Энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.
11. Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 3. Смысл / Ю. Шрейдер. – М.: Мысль, 2010. – 692 с.

Исмоилов Ф.Ш.

ВЛИЯНИЕ «АФГАНСКОГО ФАКТОРА» НА БЕЗОПАСНОСТЬ ПОГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ РОССИИ

«Афганский фактор» – внутренние и внешние вызовы и угрозы, которые исходят из Афганистана: социально-политическая нестабильность, экстремизм, транснациональная преступность. Однако озабоченность вызывает, прежде всего, вывод из Афганистана основных американских воинских контингентов и международных сил содействия безопасности. При всех издержках миссия США сдерживала движение «Талибан», активизацию террористических группировок, а в случае ее прекращения приведет к изменению достигнутого баланса сил, поддерживающих безопасность региона. Все это может иметь серьезные последствия, прежде всего, для государств Центрально-Азиатского региона и России. Последняя

является стратегическим партнером центрально-азиатских государств по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС).

Афганистан имеет огромное значение для приграничных регионов Российской Федерации как в геополитическом, так и в экономическом смысле. Именно поэтому США и его союзники вложили много сил и средств, чтобы продолжать доминировать в регионе. Так, в новой концепции НАТО о «небоевой миссии» в Афганистане, принятой в Брюсселе 5 июня 2013 г., речь идет о новой сверхзадаче под названием «Решительная поддержка», начало которой НАТО планирует на 2015 г. В рамках данной миссии альянс намеревается оказывать помощь властям и силовым структурам Афганистана в подготовке и обучении кадров для армии, а также обеспечивать консультативную поддержку при проведении операций против боевиков. Исходя из новой концепции, НАТО собирается оставить в Афганистане около 12 тыс. военных. Американская администрация настаивает на подписании соглашения, которое позволило бы США продлить контртеррористическую миссию после 2014 г. В случае неподписания этого соглашения США пригрозили «нулевым вариантом», то есть полным выводом своих военнослужащих до конца текущего года.

Один из лидеров Афганистана, Хамид Карзай, отказался подписать документ, сославшись на то, что его подпишет будущий президент страны. Без соглашения миссия не имеет мандата, конкретные аспекты ее деятельности до конца не известны. Однако Министерство обороны США уже разработало план, в соответствии с которым американских военнослужащих разместят в Кабуле, Баграме, Мазари-Шарифе, Джалалабаде, Гардесе, Кандагаре, Гильменде и Герате. Соглашение также определяет особый статус американских военнослужащих, выводя их за пределы афганской юрисдикции, т. е. в случае совершения преступления их будут судить по американским законам.

Полностью зависимому от внешней помощи Афганистану будет трудно уклониться от подписания соглашения с США, и даже если в Афганистане останутся силы американо-натовского контингента, это будет поводом для активизации деятельности талибов, экстремистских и террористических сил.

6 апреля 2014 г. состоялись президентские выборы. Во второй тур прошли два кандидата: Абдулла Абдулла и Ашраф Гани Ахмадзай.

Абдулла Абдулла является фаворитом гонки, хотя его отец пуштун, а мать таджичка, но многолетняя связь с северными группировками делает его чужим в глазах пуштунов – коренного и государствообразующего этноса. У Ашраф Гани Ахмадзая в отличие от Абдуллы «уязвимых мест» нет. Он является представителем влиятельного пуштунского племени Мохаммадзай и пользуется уважением среди пуштунов. Это обстоятельство разделяет Афганистан на две части – на пуштунов и другие этносы. Поэтому «нулевой вариант» для будущего президента Афганистана также нежелателен, так как есть опасная перспектива остаться один на один с талибами и вероятность возобновления гражданской войны. В случае возобновления гражданской войны могут повториться события 1990-го г., когда под давлением движения «Талибан» большей части населения пришлось эмигрировать.

Следствие этого – вероятность массового притока беженцев в Таджикистан и Узбекистан. Этим могут воспользоваться боевики, которые входят в различные группировки с целью объединения с местными религиозно-политическими движениями Центральной Азии и Северного Кавказа, что может привести к организации террористических актов по той же модели, что и в российском Северо-Кавказском регионе.

Ситуация чревата реализацией давней мечты джихадистов – построению глобального халифата силами выходцев из других стран, прошедших обучение в лагерях «Аль-Кайды» и в других террористических организациях. Основными группировками, действующими в Центрально-Азиатском регионе, являются:

1) «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ) – группировка обрела известность после покушения на президента Ислама Каримова в 1999 г. и серии нападений в 2004 г. на американские объекты в Узбекистане. Однако в начале 2000-х гг., в результате силового воздействия на ИДУ, И. Каримов смог вытеснить «Исламское движение Узбекистана» из страны. Воспользовавшись нестабильностью региона, члены ИДУ прорвались в Афганистан, разместив свои базы в северных областях страны под контролем Талибана.

ИДУ активно взаимодействует с пакистанским Талибаном, тем самым помогая северному Афганистану поставлять боевиков и боеприпасы. В зону деятельности данной группировки входят не только Пакистан, Афганистан

и Узбекистан, но и весь Центрально-Азиатский регион. На сегодняшний день ИДУ – это уже не простая террористическая группировка, а серьезная организация, имеющая небольшую армию, состоящую из бойцов разных национальностей, способную захватить не крупный город, как это было в 1990-х гг. в Раштской долине в Таджикистане.

2) «Исламская партия Туркестана» (ИПТ), также известна как «Исламское движение Восточного Туркестана», в отличие от других группировок образовалась в 2008 г. и имеет уйгурский вектор. В зону деятельности ИПТ входит западная провинция Китая Синьцзян, которая граничит с Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном, Пакистаном и Афганистаном. Так как группировка остается замкнутой на своей территории, она ведет видео-пропаганду на многих языках, которая нацелена на русскоговорящих жителей Центрально-Азиатского региона с помощью онлайн-журнала «Исламский Туркестан».

3) «Джунд Аль-Халифат» (Солдаты Халифата) – организация с салафитской идеологией образована в 2011 г. в западном Казахстане. Базируясь на территории Пакистана, она поддерживает связи с группировками Северного Кавказа, в силу того, что западный Казахстан граничит с такими нестабильными регионами, как Дагестан и Чечня.

4) «Хизб ут-Тахрир» (Партия освобождения) образована палестинской диаспорой в 1952 г.; ее цель – борьба за восстановление исламского халифата. Пик популярности данной партии в ЦАР приходился на 1990-е гг., когда в ней насчитывалось около 20 000 человек.

Эти группировки считают своими противниками светские правительства Центрально-Азиатских государств, особенно Казахстана и Киргизии, население которых в большинстве своем не является мусульманами. Из-за продвижения Ираном шиитского ислама, боевики признали его «отступником». В зону деятельности этих группировок входят также Россия и Китай, несмотря на их географическую отдаленность от Афганистана. Вероятность роста экстремистских настроений в данных государствах высока.

Особую озабоченность вызывает афганский наркотрафик. Известно, что за время пребывания в Афганистане воинских контингентов США

и Международных сил содействия безопасности, посевы героина увеличились в разы. Хозяева маковых полей используют Центрально-Азиатский регион как коридор для транзита наркотиков в Россию, а далее в европейские страны. Полученные деньги от продажи героина идут на спонсирование террористических организаций. Наркомафия остается одной из серьезных угроз современному миру.

Согласно действующей Концепции внешней политики Российской Федерации приоритетами ее деятельности в Центрально-Азиатском регионе является создание условий для минимизации реальных и потенциальных рисков и угроз. Один из основных приоритетов России – максимальное смягчение ситуации в Афганистане после вывода войск США и Международных сил содействия безопасности, чтобы не допустить гражданской войны и ее выхода за пределы Афганистана.

Россия и государства региона поддерживают с Афганистаном военнотехническое и гуманитарное сотрудничество, а также предоставляют площадки для переговоров в рамках региональных структур безопасности. Так, например, парламент Афганистана является наблюдателем в Парламентской ассамблее Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ).

Члены ОДКБ заинтересованы в партнерстве спецслужб и вооруженных сил государств региона, в противодействии наркотрафику и терроризму, иным угрозам, исходящим с территории Афганистана. Ситуация в ЦАР осложнена и внутренними проблемами государств региона. Прежде всего, – это межэтническая напряженность, безработица, коррупция и т. д. Особую озабоченность вызывают крупные государства региона – Казахстан и Узбекистан. Здесь наблюдается внутриэлитная борьба за рычаги государственного управления, обусловленная отсутствием института преемственности власти.

Особо остро протекает внутриклановая борьба за лидерство в Узбекистане, на чем паразитирует Исламское движение Узбекистана (ИДУ), используя острые социально-политические проблемы для дискредитации режима Каримова.

Также обостряются межгосударственные противоречия, дающие импульс конфликтного потенциала в ЦАР: пограничный спор, водно-энергетические разногласия и др.

Россия как исторический и стратегический партнер призывает государства региона к консолидации, вместе и по-соседски противостоять вызовам и угрозам современности. В силу исторического, географического, экономического и политического положения Центрально-Азиатского региона наиболее перспективной организацией является Евразийский экономический союз (ЕАЭС). Он даст возможность для аккумуляции сил и средств на модернизацию политической и экономической системы всех государств региона, что позволит противостоять дальнейшей раздробленности региона.

Бессонов А.О.

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ ПЛАНИРОВАНИЕ В КОНТЕКСТЕ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ДУХОВНОЙ ЭКСПАНСИИ

Одна из важнейших сфер, в которой жизненно необходимо формировать стратегические задачи и планировать развитие на несколько шагов вперед, – это духовная сфера жизни социума.

Обеспечение духовной безопасности во всех ее аспектах – культурном, религиозном, информационном, идеологическом – одно из приоритетных направлений обеспечения национальной безопасности. Но, к сожалению, их комплексного отражения в документах государственного регулирования мы не находим. В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года нет даже упоминания о духовной безопасности российского общества, акцент сделан только на аспекте культуры, т. е., лишь на одной составляющей духовной безопасности. Но и стратегические цели в обеспечении безопасности в сфере культуры, заявленные в документе, – расширение доступа широких слоев населения к образцам отечественной и зарубежной культуры, создание условий для творческой самореализации населения, развитие культурного потенциала регионов РФ и поддержка региональных инициатив в сфере культуры, – не ориентированы на устранение обозначенных в Стратегии угроз: засилие продукции массовой

культуры, ориентированной на духовные потребности маргинальных слоев, а также противоправные посягательства на объекты культуры.

В Стратегии заявлено несколько способов решения задач обеспечения национальной безопасности в сфере культуры в среднесрочной и долгосрочной перспективе. По мнению разработчиков, их можно решить «за счет признания первостепенной роли культуры для возрождения и сохранения культурно-нравственных ценностей, укрепления духовного единства многонационального народа Российской Федерации и международного имиджа России, создания системы духовного и патриотического воспитания граждан России, развития общей гуманитарной и информационно-телекоммуникационной среды на пространстве государств - участников Содружества Независимых Государств и в сопредельных регионах» [1]. Все эти задачи, безусловно, затрагивают проблемные места обеспечения духовной безопасности, но не формируют целостного направления внешней и внутренней деятельности стратегических субъектов.

На что, по нашему мнению, следует обратить первоочередное внимание? Во-первых, на создание четкой, ресурсообеспеченной и постоянно реализуемой государственной политики в сфере защиты общественного сознания от деструктивных информационно-психологических воздействий. Организовать действенный государственный контроль над российским информационным пространством, особенно в области распространения иностранной массовой культуры и чуждых нам идеологических ценностей. Во-вторых, актуализировать организационно-правовое и научное обеспечение деятельности ответственных лиц и организаций в сфере защиты общественного сознания россиян от духовной экспансии. В-третьих, перейти от разговоров об отсутствии единой государственной идеологической системы, скрепляющей социум и способной противостоять наплыву западных ценностей и идеологических установок, к ее формированию и реализации. В-четвертых, реально заниматься воспитанием у молодежи и действенной поддержкой у взрослого и старшего поколений чувства патриотизма как одного из основных средств защиты личности от воздействия иностранной идеологии.

Очевидно, что с ускорением темпов развития новых технологий вызовы и угрозы на уровне информационно-психологического противоборства будут возрастать. Учитывая опыт отечественных исследований в области духовной безопасности [2] представляется необходимым выделить следующие организационные и правовые меры обеспечения противодействия духовной экспансии.

1) Создание и утверждение на государственном уровне нового раздела в Стратегии национальной безопасности, который содержал бы следующие позиции: Безопасность в духовной сфере. Формулировка основных угроз и вызовов в духовной (культурной, информационной, идеологической, религиозной) сфере. Определение стратегических целей и задач по обеспечению противодействия духовной экспансии. Разработка методов и средств решения поставленных задач.

2) Разработка и утверждение концепции противодействия духовной экспансии, обеспечивая участие в данном процессе научного сообщества, специалистов-практиков, а также ответственных представителей гражданского общества.

3) Создание системы противодействия духовной экспансии, включающей в себя создание соответствующих структур в Вооруженных силах РФ, ФСБ и ФСО; государственная поддержка национально-ориентированных СМИ, НКО, действующих как внутри страны, так и за рубежом.

4) Создание системы подготовки специалистов, а также ведения новых научных разработок и системного мониторинга в области информационно-психологического противоборства и защиты общественного сознания от духовной экспансии в образовательных учреждениях вооруженных сил и специальных структур.

5) Переосмысление и доработка концепции духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России в соответствии с созданной концепцией противодействия духовной экспансии. Разработка реальных мер внедрения концепции духовного развития в образовательный процесс в общеобразовательных учебных заведениях РФ.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. Официальный сайт – URL: <http://www.rg.ru/2009/05/19/strategia-dok.html>
2. Тонконогов А.В. Обеспечение духовной безопасности современного общества в условиях войны сознания // Проблемы безопасности. – 2010. № 2 (10).

ВЫСТУПЛЕНИЯ ЧЛЕНОВ СТУДЕНЧЕСКОГО СЕКТОРА НАУЧНОГО ОБЩЕСТВА МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ

Ошовский В.М.

ЧТО ТОРМОЗИТ РАЗВИТИЕ ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ПРОГРАММ

Национальная экономическая безопасность является основополагающим фактором в обеспечении межотраслевого баланса регионов России, в росте их экономического потенциала. С этих позиций представляют интерес условия реализации программ в тех субъектах, которые признаны территориями опережающего развития (ТОР). Одним из первых назван макрорегион Дальний Восток. Известно, что в соответствии с Государственной программой развития этой территории до 2025 г. здесь планируется создать эффективно действующую транспортную, инженерную, социальную инфраструктуру. Это позволит снять инфраструктурные ограничения в дальнейшем росте экономики и общества в целом, выровнять условия проживания на Дальнем Востоке с западными регионами страны. На проекты по развитию российского Дальнего Востока Китайский банк развития намерен выделить 5 млрд долл. Это стало известно после переговоров министра по развитию Дальнего Востока Александра Галушки с президентом Китайского банка развития Чжэн Чжицзе.

Инвестиционные приоритеты программы будут сосредоточены на создании территорий опережающего развития, финансировании инфраструктурных проектов и реализации долгосрочных инвестиционных программ в Дальневосточном регионе России [1].

Достижению этой цели в определенной мере способствует Государственная программа «Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона» на период до 2025 года [2]. Однако уже возникшее недофинансирование ее подпрограмм, а также сложности с инвестированием ставят под сомнение возможность достижения нужного для развития региона уровня развития производственной инфраструктуры как отдельной области российской экономики. Как отмечают эксперты, для того чтобы эта программа развития Дальнего Востока и Байкальского региона заработала, необходимо привлечь не менее 379 млрд руб. частных инвестиций. Даже если половину суммы внесет Китай, то нужно найти еще почти столько же и даже значительно больше, если к сумме возмещения по недофинансированным программам будет применен дальневосточный коэффициент [1].

Параллельно с решением проблем финансирования и совершенствования инфраструктуры предпринимаются меры по достижению межотраслевого баланса. Известно, что добывающий сектор экономики Дальнего Востока практически не имеет опоры на хозяйственную систему. Но природные ресурсы могут быть условием эффективного роста экономики, если регион сделает правильный выбор способов их распределения между экспортом и внутренними секторами, которые, в свою очередь, будут расширяться и повышать региональный доход независимо от экспортной базы. Только после достижения приемлемых показателей баланса можно говорить о дальнейшем развитии экономического потенциала региона.

Состояние же инфраструктуры Дальнего Востока требует очень серьезных мер. Плотность железных дорог здесь в 3,6 раза ниже, чем в среднем по России, а в Чукотском автономном округе, Камчатском крае и в Магаданской области они отсутствуют вовсе по причине нестабильности грунта. Основные транспортные артерии Дальнего Востока и Байкальского региона – Транссибирская и Байкало-

Амурская магистрали требуют усиления, так как работают с критическим уровнем загрузки и не модернизировались со времен СССР [3].

Плотность автомобильных дорог с твердым асфальтовым покрытием в 5,6 раза ниже, чем в среднем по России. Часть Дальнего Востока вообще не связана с западной частью страны ни одной дорогой. Требуется завершить строительство дороги «Амур» (Чита - Хабаровск), что позволит связать дорожную сеть Дальнего Востока с опорной сетью дорог страны. Также для развития экономических связей с районами Китая, Южной и Северной Кореи требуется реконструкция дороги «Уссури» (Хабаровск - Владивосток) [3].

Плохая развитость инфраструктуры также пагубно влияет на топливно-энергетический сектор экономики. Известны случаи аварийных разливов нефти: и во время ее массовой добычи, и при бурении скважин. Но даже гиганты типа как «ЛУКОЙЛ» и «Роснефти» не застрахованы от превышения запланированных средств для ликвидации последствий аварий, а в условиях неразвитой инфраструктуры в регионе нет организаций, специализирующихся на проведении таких работ.

Существует и кадровая проблема, решить которую можно путем обеспечения опережающего уровня социального благополучия в ключевых городах Дальневосточного региона, что обеспечит приток высококвалифицированных специалистов.

При разработке стратегий развития субъектов Дальнего Востока важно учитывать и пути, по которым регион в целом, его края и области будут добиваться экономической безопасности. Дискутируются два варианта развития. На заседании правительственной комиссии в г. Комсомольск-на-Амуре (24 октября 2013 г.) главой Минвостокразвития А. Галушкой предложена стратегия, ориентированная преимущественно на привлечение иностранного капитала, и разворот с внутреннего рынка на Азиатско-Тихоокеанский регион (так называемая экспортная модель). Был озвучен ряд преимуществ данной стратегии: расположение Дальнего Востока в центре АТР – нового мирового очага экономического развития, и высокие примерные показатели ВВП АТР –

50 трлн долл. в год. Расчеты показывают, что даже если 2% объема импорта стран АТР будет экспортироваться российским Дальним Востоком, произойдет удвоение ВРП. По мнению экспертов, основной потенциал создается за счет высокотехнологичной продукции путем переработки природных ресурсов [4]. На данный момент условий для этого предостаточно: регион располагает средствами для добычи, но таковых нет для полной переработки полезных ископаемых.

Существует и альтернативная экспортной модели развития региона – кластерная. Ее сторонники полагают, что в первом случае экономика не нарастит нужного потенциала, а иностранные инвесторы «выжмут» из региона последние ресурсы, сделав его сырьевым придатком АТР. Кластерная же политика не допустит ухода прибыли за рубеж, сокращения рабочих мест для коренного населения, позволит сделать российский Дальний Восток локомотивом мирового и российского экономического развития. Акцент следует делать на росте внутреннего потребления при детальной разработке реально действующих инвестиционных проектов.

Таким образом, повсеместное и плановое развитие инфраструктуры исследуемого региона позволит достичь неплохих балансовых показателей, что обеспечит реализацию экономического потенциала и достойное развитие Дальневосточного региона России, не превращая его при этом в экономический придаток АТР. Но никакое развитие не будет возможным без обеспечения экономической безопасности региона, соблюдения баланса интересов между различными отраслями экономики.

Литература

1. Бухарова О. Льготы в чистом поле. На Дальнем Востоке появятся территории опережающего развития // Российская бизнес-газета. – № 944. 2014. – 22 апреля. Электронный ресурс. – URL: <http://www.rg.ru/2014/04/22/vostok.html>

2. Постановление Правительства РФ от 15 апреля 2014 г. № 308 «Об утверждении государственной программы Российской Федерации "Социально-экономическое развитие Дальнего Востока и Байкальского региона"» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2014. 5 мая. – № 18 (часть I), ст. 2154.

3. Лабькин А. Дальнему Востоку прописали экспорт // Эксперт Online. – 2013. 24 октября. – URL: <http://expert.ru/2013/10/24/dalnemu-vostoku-propisali-eksport/>

4. Дмитрий Медведев провел первое заседание Правительственной комиссии по вопросам социально-экономического развития Дальнего Востока. 24 октября 2013 г. – Официальный сайт Правительства РФ: – URL: <http://government.ru/news/7718/>

Сильченков И.А.

ОСОБЕННОСТИ НЕМЕЦКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Германия никогда не соседствовала с Арктикой и не была арктическим государством, тем не менее, всегда рассматривала эту территорию как часть сферы своих интересов. Первую арктическую экспедицию эта страна осуществила в 1868 г. и с тех пор является одним из лидеров в области полярных исследований. При этом вплоть до начала десятых годов XXI в. у нее не было всеобъемлющей и структурированной арктической политики. В большей степени ее деятельность носила только научно-исследовательский характер. Немецкая государственная арктическая политика была сформирована лишь в 2013 г., это свидетельствует о том, что в обозримом будущем страна будет стараться усилить свои позиции в данном регионе.

Согласно изданию «Science for Environment Policy», Германия рассматривает Арктику в качестве:

- объекта для научных исследований;
- зоны свободного судоходства (страна имеет третий по величине торговый флот в мире);
- объекта получения доступа к новым энергетическим ресурсам (Германия обладает новейшим технологическим оборудованием, предназначенным для добычи труднодоступных энергоресурсов);
- зоны для контроля соблюдения строгих экологических стандартов [1, с. 191].

В 2013 г. федеральное правительство Германии разработало общее понимание собственных арктических целей в соответствии с целями и позицией Европейского союза, утвержденными в ноябре 2008 г. Европейской комиссией в докладе под названием «Европейский союз и Арктический регион». Согласно этому докладу, арктическая политика ЕС предусматривает три основных направления: защита и сохранение Арктики, забота о коренном населении; обеспечение устойчивой эксплуатации ресурсов; содействие улучшению процесса международного управления Арктикой. Немецкая арктическая политика полностью согласуется с арктической политикой ЕС.

Германия признает существующие международные соглашения по Арктике. Особое значение имеют Конвенция ООН по морскому праву, Международная Конвенция по предотвращению загрязнения с судов, конвенции по сохранению морской среды и биоразнообразия, а также региональные соглашения. Для того, чтобы эффективно разрешались межстрановые противоречия в Арктическом регионе, Германия выступает за создание «Полярного Кодекса» Международной морской организацией. Федеральное правительство Германии также ратует за многостороннее сотрудничество с Арктическим советом в качестве официального органа для разрешения любых проблем и сложностей.

Германия заявляет о том, что способна предоставить экспертные знания в области исследований и высоких технологий в области соблюдения экологических стандартов и экономического развития региона. Она позиционирует себя как партнер Российской Федерации в освоении арктических шельфов. Энергетические интересы Германии на европейском Севере России сосредоточены вокруг газа Штокмановского месторождения и долговременных хранилищ ядерных материалов. «В перспективе ядерное хранение трансформируется в захоронение. Германия является удобным партнером России в Арктике, не претендуя на собственный сектор там. Предполагается построить трубопроводы “Газпрома” “Баренцево море – Выборг” и “Nord Stream”» [2, с. 72].

Большое значение немецкое федеральное правительство уделяет защите и поддержанию уникальной окружающей среды в Арктике,

сохранению ее биоразнообразия. Правительство ФРГ особо подчеркивает важность тщательного управления арктическим регионом для обеспечения глобальной охраны окружающей среды.

Несмотря на то, что Германия как обладатель статуса наблюдателя в Арктическом совете имеет возможность более полно участвовать в его деятельности и иметь право голоса в арктических вопросах, ее полномочия значительно меньше, чем у стран-участников Совета, к числу которых относится Российская Федерация. Поэтому немецкая сторона выражает недовольство по поводу планируемого введения ряда ограничений для стран-наблюдателей, которые обсуждались на Встрече на уровне министров в городе Нуук весной 2013 г., и настаивает на равноправном диалоге всех обладателей арктических интересов. В противном случае, утверждают официальные представители Германии, если Совет продолжит политику ограничений, наблюдатели будут искать другие пути достижения своих арктических интересов.

Стоит особо отметить, что германская сторона особо обеспокоена тем, что пять стран, граничащих с Арктикой – Россия, Канада, Соединенные Штаты Америки, Норвегия и Дания – планируют поделить ранее покрытый льдами океан между собой. Германия заявляет, что есть риск того, что Арктика будет полностью разделена между данными государствами, когда растают льды, обеспечив доступ к морскому дну [3, с. 38].

В этой связи страны, граничащие с Арктикой, уже заявили о своих территориальных претензиях в ООН. Германия, однако же, хочет убедиться, что регион останется «общим наследием всего человечества», что вызывает озабоченность претендентов попыткой вмешательства Германии их дела. «Никто кроме пограничных стран не должен озабочиваться вопросом повторения территориальных претензий в Арктике», – считает Рольф Эйнар Фифе, главный международный юридический эксперт в норвежском министерстве иностранных дел [3, с. 39].

Несмотря на то, что Германия является партнером России в освоении арктического региона, в дальнейшем она может проявить активность в вопросе распределения труднодоступных энергоресурсов, а также и в военной сфере. Военное присутствие здесь США, Канады,

Норвегии и Исландии является заявкой на активное участие в экономическом освоении. На наш взгляд, реализация арктической политики Германии также не исключает возможности военного контроля за распределением энергоресурсов региона. Официально Германия заявляет лишь о своих экологических, навигационных, технологических интересах в Арктике.

Вместе с тем от Германии исходит потенциальная опасность оспаривания права России на энергетические ресурсы Арктики в ближайшей перспективе. С нашей точки зрения, Российская Федерация должна принимать меры превентивного характера по недопущению усиления позиций Германии и ряда других стран в Арктике. Для этого нашей стране необходимо усилить свое присутствие в арктическом регионе, твердо отстаивать свои арктические интересы в условиях международной конкуренции. Необходимо наращивать присутствие России на территории Заполярного круга. Важными шагами будут увеличение числа российских научно-исследовательских экспедиций в Арктику, геолого-разведывательные работы, прокладка транспортных путей вглубь региона. Этому будет способствовать и регулярное проведение учений с участием войск Российской Федерации, долгосрочное размещение там российских военных объектов.

Литература

1. Sustainable Phosphorus Use // Science for Environment Policy. – 2013. № 10. – P. 182-215.
2. Комлева Е.В. Энергия Арктики: интересы и потенциал Германии как партнера России // Геополитика. – 2008. № 1. – С. 67-92.
3. Швегерль К., Зайдлер К. Берлин вступает в борьбу за Арктику? // Мурманский вестник. – 2011. № 4. – С. 22-54.
4. Воронков Л. Интересы России в Арктике [Электронный ресурс] // Российский совет по международным делам. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=732#top (дата обращения 01.05.14).

Стрижаков М.В.

ИНТЕРЕСЫ ИНДИИ В АРКТИКЕ: СОЮЗ С РОССИЕЙ

Индия занимает лидирующие позиции среди азиатских стран с развивающейся экономикой. Понятно ее стремление присутствовать и решать важные геополитические задачи в Арктике. Страна включена в качестве наблюдателя в Арктический совет в 2013 г., хотя присутствует в Арктике с 1981 г. Более 30 лет назад премьер-министр страны Индира Ганди подписала указ о создании Департамента океанических исследований. Но в тот момент приоритетным направлением было изучение Антарктиды. Интерес же к арктическим землям у Индии появился недавно. Первая экспедиция в этот регион была проведена в августе 2007 г., затем они следовали по три – четыре в год. В 2008 г. создана арктическая научно-исследовательская станция на Шпицбергене. В связи с тем, что у Индии отсутствуют корабли, предназначенные для данного региона, Дели планирует покупку ледоколов у приарктических стран. В настоящее время Индия арендует корабли у России и Норвегии [1].

Делами Арктики в Индии занимается Департамент океанических исследований. Как таковой стратегии, в которой бы полностью раскрывались пути развития и регулировались политические и экономические отношения в регионе, у этой страны нет. Но стратегия необходима для комплексного освоения региона, к которому устремлены интересы Индии, по следующим направлениям:

- исследования в области изменения климата и глобального потепления;
- добыча нефти и газа в целях обеспечения энергетической безопасности;
- освоение новых экономически выгодных морских путей;
- добыча и производство продуктов питания, в условиях их нехватки для стремительно растущего населения планеты [1].

В Индии в последние годы развивается промышленный комплекс и в связи с этим увеличивается потребление энергоресурсов, которые она импортирует. Международное энергетическое агентство подсчитало, что уже до 2030 г. эта страна станет второй после Китая,

стимулирующей рост мирового спроса на энергоресурсы. На нее будет приходиться до 15% увеличения мировых потребностей в энергии.

Для достижения своих целей Индия, безусловно, стремится стать полноправным членом Арктического совета, что позволит ей в полной мере влиять на политику в регионе. Но страны-члены Совета не торопятся принимать ее в свои ряды. Дело в том, что Индию не устраивает стремление Совета признать суверенные права его членов на весь сектор Арктики. Дели же выступает за распространение на регион принципов Договора по Антарктиде, который был заключен в Вашингтоне в 1959 г. (Главная цель этого документа – обеспечить использование Антарктики в интересах всего человечества. Также предусматривается свобода научных исследований и поощряется международное сотрудничество. Запрещаются любые ядерные взрывы и захоронения радиоактивных материалов в этом регионе). Иначе говоря, Индия хочет иметь равные права со странами-членами Арктического совета.

Направив свои интересы в Арктику, Индия стала нуждаться в сильном союзнике и нашла его в лице России. Согласованные действия реализуются по ряду направлений. Так, Индия выразила заинтересованность в совместных с Россией разведке углеводородов. Это было заявлено на 14-ом российско-индийском саммите, который прошел в октябре 2013 г. в Москве. Были подтверждены ранее принятые договоренности по соглашению о сотрудничестве в нефтегазовой сфере от 21 декабря 2010 г. Индия выразила заинтересованность в разведке месторождений в Арктике совместно с российскими компаниями. Как говорится в совместном заявлении по итогам встречи, Россия и Индия договорились создать совместную исследовательскую группу для изучения возможности прямой наземной транспортировки российских углеводородов в Индию [2]. Индийская сторона также подтвердила заинтересованность крупнейшей индийской государственной нефтегазовой корпорации Oil and Natural Gas Corporation Limited (ONGC) в разведке месторождений в Арктике совместно с ведущими российскими компаниями. Партнером может стать «Роснефть».

Компания ONGC Group – партнер России по совместной разведке месторождений на острове Ямал.

В начале октября 2012 г. дочерняя структура российского газового холдинга Газпром, Gazprom Marketing and Trading Singapore подписала юридически обязательный 20-летний договор купли-продажи сжиженного природного газа с индийской GAIL. GAIL – крупная индийская газовая компания, которая занимается всеми аспектами газового бизнеса. В соответствии с условиями соглашения GAIL получает 2,5 млн т в год сжиженного природного газа (эквивалентно 3,5 млрд добываемого) [3].

Заинтересованность Индии в Северном морском пути очевидна. Так как участок морского пути через Индийский океан лежит у берегов Индии, то индийское правительство заинтересовано в сохранении того, чтобы судоходство продолжалось через Суэцкий канал. Но, понимая важность СМП для мирового судоходства, оно наращивает и свои потенциалы по его развитию.

В данном сотрудничестве много положительного и для России, экономика которой зависит от экспорта энергоресурсов. А Индия, как один из импортеров, нуждается в приобретении энергоресурсов у России.

Литература

1. Лунев С. Индия устремилась в Арктику [Arctic Melting Glaciers to Speed Up Global Warming: Researchers // The Indian Express (Delhi), 30.06.2011] // Сайт Российского совета по международным делам. 2012. 2 апреля. URL: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=280#top
2. Совместное заявление по итогам российско-индийского саммита // ИА REGNUM. – 2013. 21 октября. – URL: <http://www.regnum.ru/news/1722435.html>
3. Россия изучит возможность прокладки нефте- и газопроводов в Индию // РИА Новости. – 2013. 21 октября. – URL: <http://ria.ru/economy/20131021/971574370.html>

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ЯПОНСКОЙ АРКТИЧЕСКОЙ СТРАТЕГИИ

Япония присоединилась к гонке арктических интересов сравнительно поздно, несмотря на то, что начало ее деятельности в регионе приходится на начало XX в. В процессе формирования государственной политики Японии в области освоения Арктики участвуют государственные органы, коммерческие организации, независимые учреждения. На уровне министерств это Министерство иностранных дел; Министерство земли, инфраструктуры, транспорта и туризма; Министерство образования, культуры, спорта, науки и технологии; Министерство обороны. Среди научно-исследовательских организаций, аналитических центров и независимых агентств активно проявляют себя Национальный институт полярных исследований (NIPR); Японский институт международных отношений (JIА); Японское агентство морских геологических наук и технологий Японское агентство сухопутных и морских наук и технологий (JAMSTEC), Институт исследования низких температур (ILTS); Японский Консорциум исследования арктической окружающей среды (JCAR); Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA) [1].

Частную заинтересованность проявляют в основном энергетические и судоходные компании. Спектр интересов Японии в Арктическом регионе традиционен: добыча полезных ископаемых, освоение Северного морского пути, научно-исследовательская работа, развитие ледокольного судостроения.

С 2013 г. Япония является постоянным наблюдателем Арктического совета, что позволяет ей присутствовать на его заседаниях и выдвигать собственные стратегии развития Арктики. В последнее время страна начала постепенно наращивать усилия по укреплению своих позиций в регионе, но с умеренной осторожностью, считая, что любые решения должны приниматься Советом с участием всех заинтересованных государств. При этом Япония, апеллируя к статусу морской державы, претендует на

самое активное участие в нормотворческом регулировании международной арктической политики. Поэтому ей крайне необходимо получить статус постоянного члена Арктического совета.

На сегодняшний день полноценной стратегии Японии в Арктическом регионе нет, но работа над ней ведется с конца 2000-х гг. В 2013 г. был опубликован исследовательский проект «Управление Арктикой и дипломатическая стратегия Японии» (*«Arctic Governance and Japan's Diplomatic Strategy»*), на который опирается политика Японии в этой сфере ее интересов. Приоритетным направлением является Северный морской путь (СМП). В связи с глобальным потеплением количество месяцев, открытых для навигации, увеличивается, что повышает коммерческий потенциал этой транспортной магистрали. Это, в частности, экономия топлива (СМП составляет 7,223 км, а путь через Суэцкий канал почти в три раза длиннее) и экономия времени (перевозка грузов через Суэцкий канал занимает около 35 дней, а Севморпутем – до 20).

Немаловажное значение имеет и фактор физической безопасности – отсутствие пиратов. В проливе Малакка и Аденском заливе активно действуют пираты, которые грабят суда и похищают их экипажи с целью получения выкупа. Это приводит к более высокой страховой премии за перевозчиков и увеличению риска потери жизней. Транзитом по СМП корабли могут существенно снизить возможность встреч с морскими бандитами [1].

Несмотря на очевидные преимущества СМП, Япония рассматривает его как перспективу участия в освоении Арктики. Это может быть связано с несколькими причинами:

- наличие недостаточного количества собственных ледоколов и их дорогостоящая аренда;
- слабая развитость инфраструктуры вдоль Северного морского пути;
- экономические издержки от применения дизельного топлива, т. к. широко используемое топливо из нефтепродуктов загрязняет окружающую среду, что недопустимо.

Чтобы снизить степень зависимости от экономических обстоятельств, японское правительство финансирует промышленность и науку для развития собственных средств, необходимых

для использования Северного морского пути и Арктики в будущем. Так, участие в разведке недр поможет обеспечить стабильные поставки нефти в Японию и повысить энергетическую безопасность страны. Нефть – основной энергетический ресурс Японии, доля которого в энергобалансе страны около 50%. К тому же импорт энергоносителей Японии значительно вырос из-за аварии на Фукусиме [2].

Для занятия научной деятельностью в арктическом регионе Япония обладает несколькими институтами и учреждениями. Это Национальный институт полярных исследований (NIPR), Японское агентство морских геологических наук и технологий (JAMSTEC), Японское агентство аэрокосмических исследований (JAXA), а также университеты. Спектр направлений научной деятельности довольно широк. Например, Национальный институт полярных исследований изучает Арктику и Антарктику с 1959 г., сосредоточившись на наблюдениях за климатом; изучении динамики изменения морского льда; биогеохимических наблюдениях в Северном Ледовитом океане. NIPR имеет соглашения о сотрудничестве более чем с 20 странами, в том числе и Россией, в частности с Институтом мерзлотоведения им. П.И. Мельникова Сибирского отделения Российской академии наук.

Взаимодействие Японии с Россией носит взаимовыгодный характер. Налаживая отношения с нашей страной, Япония стремится воспользоваться потенциалом Арктики и обрести поддержку в противостоянии напористой политике Китая. Оно также позволит японским энергетическим и морским транспортным компаниям, а также научным институтам получить доступ к интересующим их объектам, что, в свою очередь, позволит Токио расширить список поставщиков энергоресурсов и маршрутов перевозок. Японские порты получают преимущества перед своими конкурентами (Сингапур, Шанхай, Гонконг) [3].

Для России это сотрудничество также выгодно. Во-первых, оно дает основания для сохранения позиций на Дальнем Востоке в случае непредвиденных обстоятельств в отношениях с Китаем, и наладить тесные партнерские отношения с другими государствами Азии.

Во-вторых, так как экономика России зависит от экспорта энергетических ресурсов, а Япония зависима от импорта этих ресурсов, то обоюдно расширяется клиентская торговая база.

В-третьих, Россия отстает от своих главных конкурентов в сфере технологий, которые необходимы для ведения деятельности в Арктическом регионе. Японские ноу-хау в области добычи энергии и морских операций могут оказаться чрезвычайно полезными для российских компаний [4].

Литература

1. Sinclair J. Japan and the Arctic: Not so poles apart // JOGMEC Washington Office. – 2014. Vol. 48, n. 2.
2. Nikkei/Japanese energy firms to explore for oil in Arctic/Business Trends/ NIKKEI ASIAN REVIEW. 22.12.2013. Электронный ресурс. – URL: <http://asia.nikkei.com/Business/Trends/Japanese-energy-firms-to-explore-for-oil-in-Arctic>
3. Переговоры «2+2» между Россией и Японией: расхождение в вопросах о Китае и Северных территориях, усиление содействия в сфере безопасности ("Asahi Shimbun, Япония). Электронный ресурс. – URL: <http://inosmi.ru/world/20131105/214479205.html>
4. Россия и Япония: друзья по Арктике (Japan and Russia: Arctic Friends // The Diplomat – Япония. 01.02.2014). Электронный ресурс. – URL: <http://inosmi.ru/world/20140203/217114226.html>

АННОТАЦИИ / ABSTRACTS

АБРАМОВА Ольга Дмитриевна,

доктор политических наук, профессор,

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС)

Анализ состояния инвестиционного климата регионов России

Аннотация: Статья посвящена механизмам сокращения уровня межрегиональной дифференциации в социально-экономическом развитии субъектов России посредством управления инвестиционным потенциалом региона. Рассмотрены некоторые методики составления рейтингов инвестиционной привлекательности крупнейшими российскими рейтинговыми агентствами.

Ключевые слова: инвестиционный потенциал, инвестиционная привлекательность, инвестиционный риск, межрегиональная дифференциация, рейтинговое агентство.

Olga ABRAMOVA,

Doctor of Political Sciences, Professor, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)

Analysis of an investment climate condition of the Russian regions

Abstract: The article is devoted to mechanisms of reduction of the interregional differentiation level in social and economic development of the subjects of Russia by means of regional investment potential management. Also the author considers methods of drawing up investment ratings conducted by largest Russian rating agencies.

Keywords: investment potential, investment appeal, investment risk, interregional differentiation, rating agency.

БАЛАШОВ Кирилл Александрович,

директор Департамента развития, комплексной оценки деятельности субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления Министерства регионального развития Российской Федерации

Правовые основы и лучшие практики организации планирования и управления в сфере региональной безопасности

Аннотация: Проанализированы условия осуществления региональными органами власти исполнительно-распорядительной деятельности в сфере безопасности. Раскрыт позитивный опыт функционирования административных структур Костромской, Рязанской, Тверской областей и города федерального значения Москва.

Ключевые слова: федерализм, федеративные отношения, децентрализация полномочий, принцип равноправия, предмет совместного ведения.

Kirill BALASHOV,

Director of the Department of Development,
Complex Activity Assessment of the Subjects of the Russian Federation
and Local Governments of the Ministry of Regional Development
of the Russian Federation

**Legal bases and the best practice of planning and management
organization in the sphere of regional security**

Abstract: The article is concerned with the conditions of executive and administrative implementation activity by regional authorities in the security sphere. Best practices of administrative structures functioning in Kostroma, Ryazan, Tver areas and the city with the federal status Moscow are exemplified.

Keywords: federalism, federal relations, decentralization of powers, principle of equality, subject of joint competence.

БЕССОНОВ Аркадий Олегович,

аспирант 2 курса РАНХиГС

**Стратегическое планирование в контексте противодействия
духовной экспансии**

Аннотация: В статье рассмотрены проблемы стратегического планирования в обеспечении противодействия духовной экспансии стран Запада против России, а также защиты общественного сознания современного российского общества в условиях информационно-психологических войн.

Ключевые слова: стратегическое планирование, духовная экспансия, духовная безопасность, информационно-психологическая война, российское общество.

Arkady BESSONOV,

second-year post-graduate student, RANEPА

Strategic planning in the context of counteraction to spiritual expansion

Abstract: The article is concerned with the main problems of realization of the strategic planning in the sphere of the spiritual expansion counteraction from the West to Russia, and the protection of the modern Russian society social consciousness in the terms of information and psychological wars.

Keywords: strategic planning, spiritual expansion, spiritual security, information and psychological wars, Russian society.

БУХТЕНКОВ Александр Андреевич,
аспирант 2 курса, РАНХиГС

**Государственная поддержка национально-ориентированного бизнеса –
важный фактор экономической безопасности страны**

Аннотация: В статье рассматриваются концептуальные подходы и меры, предпринимаемые органами власти Российской Федерации по формированию национально-ориентированного бизнеса как вектора развития экономики России, укрепляющего экономическую безопасность страны и политическую стабильность российского общества.

Ключевые слова: политическая стабильность, экономическая безопасность, национально-ориентированный бизнес, деофшоризация.

Alexander BUKHTENKOV,
second-year post-graduate student, RANEPА

**The state support of the national-oriented business as an important factor
of economic security of the country**

Abstract: The article is concerned with conceptual approaches to and measures of formation, undertaken by the authorities of the Russian Federation, of the national-oriented business as a vector of the development of economy of Russia, strengthening economic security of the country and political stability of the Russian society.

Keywords: political stability, economic security, the national-oriented business, deoffshorization.

ДАНЮШИНА Юлия Владимировна,
доктор филологических наук, профессор,
Государственный университет управления

Мемы Майдана и украинского кризиса

Аннотация: В статье описываются и классифицируются мемы, появившиеся в ходе событий украинского кризиса 2013 – весны 2014 гг. Проведено когнитивное картирование мемплекса «(Евро)майдан» и определены составляющие его основные семантические поля. Сделан вывод о том, что мем является мощным орудием информационной войны и средством конструирования общественного сознания региональных сообществ.

Ключевые слова: мем; интернет; информационные войны; пропаганда; когнитивный мэппинг.

Yulia DANYUSHINA,
Doctor of Philology, Professor,
State University of Management, Moscow

Maidan and Ukraine crisis memes

Abstract: The paper describes and classifies the web memes that appeared during the events of the Ukrainian crisis of 2013 - spring of 2014. A cognitive mapping of the memplex "(Euro) Maidan" and its constituent basic semantic fields are provided. The author concludes that the meme is a powerful tool of information warfare and the means of public consciousness construction of the regional communities.

Keywords: meme, the Internet, information wars, propaganda, cognitive mapping.

ЗАМОТАЕВ Дмитрий Юрьевич,
аспирант 2 курса, РАНХиГС

**Механизмы влияния зарубежных неправительственных организаций
на региональную безопасность России**

Аннотация: В статье рассматривается деятельность зарубежных НПО, направленная на стабилизацию социально-политического климата и ослабление национальной безопасности. Исследуются основные направления их деятельности и механизмы влияния на внутреннюю политику.

Ключевые слова: международные неправительственные организации, НПО, механизмы влияния, национальная безопасность.

Dmitry ZAMOTAYEV,
second-year post-graduate student, RANEPA

**Mechanisms of influence of the foreign non-governmental organizations
on regional security of Russia**

Abstract: The article examines the activity of foreign NGO aimed at destabilization of the socio-political climate and weakening of the national security. The main aims of their activity and mechanisms of influence on domestic policy are investigated.

Keywords: non-governmental organizations, NGO, international NGO, influence mechanisms, national security.

ИСМОИЛОВ Фируз Шамсуллоевич,
аспирант 2 курса, РАНХиГС

**Влияние «афганского фактора»
на безопасность пограничных регионов России**

Аннотация: Рассмотрены условия реализации основных направлений Концепции внешней политики Российской Федерации в Центрально-Азиатском регионе с целью минимизации реальных и потенциальных рисков и угроз для приграничных регионов России.

Ключевые слова: Афганистан, военно-техническое сотрудничество, гуманитарная помощь, наркотрафик, небоевая миссия.

Firuz ISMOILOV,

second-year post-graduate student, RANEPА

**The influence of “the Afghan factor” on the safety
of the Russian boundary regions**

Abstract: The author analyzes implementation conditions of the main directions of the Foreign Policy Concept of the Russian Federation in the Central Asian region in order to minimize real and potential risks and threats for the Russian border regions.

Keywords: Afghanistan, military and technical cooperation, humanitarian aid, drug traffic, noncombat mission.

КОЖУХОВ Алексей Владимирович,

соискатель РАНХиГС

Доминанты антинаркотической политики России

Аннотация: Проведен анализ доминирующих факторов распространения транснациональной наркотической угрозы в ряде российских регионов. Выявлены причины неспособности афганского правительства и властей центрально-азиатских государств самостоятельно, без комплексной поддержки России и других стран справляться с наркотрафиком.

Ключевые слова: антинаркотическая политика, Афганистан, незаконный оборот наркотиков, наркопотребители, наркотранзит.

Alexey KOZHUKHOV,

candidate for a degree, RANEPА

Dominants of the Russian anti-drugs policy

Abstract: The analysis of the dominating factors of transnational narcotic threat distribution in a number of the Russian regions is carried out. The author reveals reasons of disability of the Afghan government and the authorities of the Central Asian states to cope with drug trafficking independently without complex support of Russia and other countries.

Keywords: anti-drugs policy, Afghanistan, drug abusing population, drug trafficking.

КРАВЧЕНКО Людмила Игоревна,

аспирантка 2 курса, РАНХиГС

**Экономические и социально-демографические дисбалансы
регионального развития**

Аннотация: В статье рассматриваются полюса диспропорций регионального развития, угрозы, источником которых является рост диспропорций социально-экономического развития государства; приведены примеры негативных последствий дифференциации регионов по демографическим и социально-экономическим показателям.

Ключевые слова: диспропорции развития, регионы, демография, социально-экономическое положение, полюс роста.

Lyudmila KRAVCHENKO,
second-year post-graduate student, RANEPА

Economic and social - demographic imbalances of regional development

Abstract: The article deals with the disparities poles of regional development, threats arising from the growing disparities of socio-economic development of the state; examples of the negative effects of differentiation of regions on the demographic and socio-economic indicators are given.

Keywords: development disparities, regions, demographics, socio-economic status, pole of growth.

КУКЛИНА Евгения Анатольевна,
доктор экономических наук, профессор,
заведующая кафедрой макроэкономического регулирования,
Северо-Западный институт управления РАНХиГС

Региональная безопасность в условиях современных вызовов и угроз

Аннотация: Рассмотрены условия, факторы и тенденции формирования технологической безопасности России. Приведены некоторые показатели, определяющие ее параметры, разработана модель пространства устойчивого развития региона, основанная на принципе жизнеспособности экономической территории.

Ключевые слова: жизнеспособность региона, устойчивое развитие, экономическая безопасность, технологическая безопасность, финансовая экономика.

Evgenia KUKLINA,
Doctor of Economics, Professor, Head of Chair of Macroeconomic Regulation,
North-Western Institute of Management, RANEPА

Regional security in the terms of present-day challenges and threats

Abstract: The article is concerned with the conditions, factors and tendencies of the Russian technological security. Some indicators defining its parameters are revealed, the author also created a regional space sustainable development model based on the principle of viability of the economic territory.

Keywords: viability of the region, sustainable development, economic security, technological security, financial economy.

ЛЫЖИН Дмитрий Николаевич,

начальник сектора биоэкономики и устойчивого развития,
Российский институт стратегических исследований (РИСИ);
аспирант 2 курса, РАНХиГС

**Актуальные направления обеспечения продовольственной
безопасности Крыма**

Аннотация: В работе рассматриваются отдельные аспекты обеспечения продовольственной безопасности Крыма в условиях его вхождения в состав Российской Федерации. Особое внимание уделяется проблемам обеспечения региона пресной водой. Предложен ряд мероприятий по модернизации региональных агропромышленного и рыбопромышленного комплексов.

Ключевые слова: Крым, продовольственная безопасность, пресная вода, агропромышленный комплекс, рыбопромышленный комплекс.

Dmitry LYZHIN,

Chief of Sector of Bioeconomics and Sustainable Development,
Russian Institute for Strategic Studies (RISS);
second-year post-graduate student, RANEPA

Topical directions of food security of the Crimea

Abstract: The author considers some aspects of ensuring the Crimea food security under the conditions of its entry into the Russian Federation. Special attention is paid to problems of providing the region with fresh water. A number of actions for modernization of regional agro-industrial and fishing complexes are offered.

Keywords: the Crimea, food security, fresh water, agro-industrial complex, fishing complex.

НАЗАРОВ Владимир Павлович,

заместитель Секретаря Совета Безопасности Российской Федерации

**Региональные аспекты обеспечения национальной безопасности
Российской Федерации: задачи стратегического планирования**

Аннотация: Автор анализирует широкий спектр проблем государственной политики регионального развития страны, представляющих системный вызов национальной безопасности России. Наиболее важными являются вопросы совершенствования систем документов обеспечения национальной безопасности, оценки состояния национальной безопасности, в том числе на региональном уровне. Названы первоочередные задачи обеспечения региональной безопасности, требующие научно-практической проработки.

Ключевые слова: модель государственного управления, политика регионального развития, стратегическое планирование, мониторинг.

Vladimir NAZAROV,

Deputy Secretary of the Security Council of the Russian Federation

**Regional aspects of national security of the Russian Federation:
tasks of strategic planning**

Abstract: The author analyzes a wide range of problems of the regional development state policy challenging the Russian national security. Most important issues of document systems improvement ensuring the national security and assessment of the national security conditions including the regional level are highlighted. Scientific and practical priorities of ensuring regional security study are revealed.

Keywords: model of public administration, politician of regional development, strategic planning, monitoring.

МАЦНЕВ Дмитрий Алексеевич,

доктор экономических наук, профессор, РАНХиГС

**Динамика развития регионов России в среднесрочной
и долгосрочной перспективе**

Аннотация: Анализируется проблема снижения уровня рисков и угроз экономическому развитию российских регионов. Исследована региональная структура экономического пространства России в разрезе федеральных округов. Предлагаются три сценария устранения причин неравномерного развития российских макрорегионов.

Ключевые слова: региональное развитие, мирохозяйственные связи, экономический прогноз, региональное экономическое пространство.

Dmitry MATSNEV,

Doctor of Economics, Professor, RANEPA

**Dynamics of the Russian Regions development in the medium-term
and long-term outlook**

Abstract. The author analyses the problem of reducing the level of risks and threats to the economic development of the Russian regions. The regional structure of economic space of the Russian Federal Districts is researched. The author offers three scenarios to remove the causes of uneven development of the Russian macro-regions.

Keywords: regional development, the world economy relations, economic forecast, regional economic space.

МЕДВЕДЕВ Дмитрий Андреевич,
ассистент Факультета национальной безопасности, РАНХиГС

**Методологические особенности стратегического управления в сфере
региональной безопасности: анализ европейского опыта**

Аннотация: В статье анализируется европейский опыт стратегического управления региональной безопасностью. Выявлены методологические принципы стратегирования, описана модель «партнерство по безопасности» для аналитического обеспечения принятия стратегических решений в области безопасности на уровне регионов. Обоснована необходимость ценностной синхронизации и «управления разнообразием» для обеспечения региональной безопасности.

Ключевые слова: стратегическое управление, региональная безопасность, управление разнообразием, европейский опыт.

Dmitry MEDVEDEV,
assistant of the Faculty of National Security, RANEPA

**Methodological features of strategic management
in the regional security area: analysis of the European experience**

Abstract: The author analyzes the European experience in strategic management in the area of regional security. He also reveals methodological principles, analytical model of strategic Partnership in regional security realm. The necessity of value uniformity and management of diversity is substantiated.

Keywords: strategic management, regional security, management of diversity, European experience.

МИРОНОВ Алексей Алексеевич,
аспирант 2 курса, РАНХиГС

Семантические риски стратегического планирования

Аннотация: Рассматривается проблема возникновения семантических рисков при информационном сопровождении стратегического планирования развития российских регионов средствами массовой информации. Исследование актуально в связи с увеличением источников информационных угроз для общественного сознания и необходимостью противодействия внутренней лингвокультурной экспансии.

Ключевые слова: информационная безопасность, семантический риск, информационное сопровождение, стратегическое планирование.

Alexey MIRONOV,
second-year post-graduate student, RANEPА

Semantic risks of providing strategic planning

Abstract: The problem of emergence of semantic risks during the information support of strategic planning of development by mass media of the Russian regions is considered. The study is topical due to the increased sources of information threats to public awareness and the need to counter the internal linguo-cultural expansion.

Keywords: information security, semantic risk, information support, strategic planning.

МИХАЙЛЕНКО Александр Николаевич,
доктор политических наук, профессор, РАНХиГС

Проблемы и перспективы развития Крыма

Аннотация: Рассматриваются направления перспектив интегрирования Крыма в политическую, социальную и хозяйственную структуру Российской Федерации. Автор оценивает ресурсы и возможности благоприятного развития воссоединения, а также внутренние и внешние угрозы этому долгосрочному процессу.

Ключевые слова: воссоединение Крыма и России, крымское направление, полуостров Крым, российский Крым, крымско-татарский народ.

Alexander MIKHAYLENKO,
Doctor of Political Sciences, Professor, RANEPА

Problems and perspectives of the Crimea development

Abstract: The directions of integration of the Crimea in political, social and economic structure of the Russian Federation are considered. The author estimates resources and possibilities of favorable development of reunion and also internal and external threats to this long-term process.

Keywords: reunion of the Crimea and Russia, Crimean direction, the peninsula of Crimea, Russian Crimea, Crimean Tatar people.

ОШОВСКИЙ Виталий Михайлович,
студент 1 курса ФНБ, РАНХиГС

Что тормозит развитие дальневосточных программ

Аннотация: В статье рассматриваются вопросы реализации государственной программы развития Дальнего Востока. Автор сравнивает преимущества и недостатки двух моделей развития: экспортной и кластерной.

Ключевые слова: Дальний Восток, ТОР, межотраслевой баланс, экономическая безопасность, развитость инфраструктуры, сырьевой потенциал, экономический рост, экспортная модель, кластерная модель, АТР.

Vitaly OSHOVSKY,

first-year student, Faculty of National Security, RANEPА

What hampers the Far East development programmes?

Abstract: The article is concerned with the issues of realization of the state program of development of the Far East. The author compares advantages and disadvantages of two models of development: export and cluster.

Keywords: the Far East, territories of advanced development, multisectoral balance, economic security, development of infrastructure, raw potential, economic growth, export model, cluster model, the Asia-Pacific Region.

ПЕНКИНА Валентина Александровна,

аспирантка 2 курса, РАНХиГС

Региональный и местный уровни управления информационной безопасностью (на примере Московской области)

Аннотация: Показаны значение, правовые и организационные аспекты деятельность органов власти субъекта РФ и муниципальных образований в сфере информационной безопасности в части информационного влияния на массовое сознание и поведение населения.

Ключевые слова: региональная безопасность, информационная безопасность, региональное управление, муниципальное образование.

Valentina PENKINA,

second-year post-graduate student, RANEPА

Regional and local levels of information security management (on the example of Moscow Region)

Abstract: The article is concerned with the importance, legal and organizational activity aspects of the territorial subject authorities of the Russian Federation and municipalities in the sphere of information security regarding the information influence on mass consciousness and behavior of the population.

Keywords: regional security, information security, regional government, municipality.

РОДИОНОВ Михаил Александрович,
доктор военных наук, профессор, РАНХиГС

**Проблемы аналитического обеспечения
принятия стратегических решений на региональном уровне**

Аннотация: Разработка и принятие стратегических управленческих решений на региональном уровне в современных условиях немыслимы без эффективной информационно-аналитической поддержки. Автор рассматривает проблему рационального состава и характеристик комплекса средств информатизации при автоматизации процессов разработки и принятия стратегических решений.

Ключевые слова: автоматизированное управление, информационные технологии управления, системный подход, стратегические управленческие решения, средства информатизации.

Mikhail RODIONOV,
Doctor of Military Sciences, Professor, RANEPA

Problems of analytical ensuring of strategic decisions at the regional level

Abstract: Development and adoption of strategic administrative decisions at the regional level in modern conditions are inconceivable without effective information and analytical support. The author considers the issue of rational structure and characteristics of a complex means of informatization at the automation of strategic decision-making.

Keywords: automated management, information technologies of management, system approach, strategic administrative decisions, means of informatization.

РЫБАЛКО Оксана Михайловна,
эксперт Научно-образовательного центра «Региональное
медийное пространство», кандидат психологических наук

**Рефлексивность журналиста – субъекта обеспечения безопасности
региональной массово-коммуникативной системы**

Аннотация: Обосновано утверждение о том, что информационная безопасность на региональном уровне имеет массмедийное измерение. Описан процесс рефлексивного управления региональной аудиторией средств массовой информации. Сделаны выводы о результативности профессиональной подготовки работников региональных СМИ для работы в экстремальных ситуациях.

Ключевые слова: информационное управление, информационная устойчивость, миграционный дискурс, муниципальная пресса, региональные массмедиа, рефлексивное управление, оператор осознания.

Oksana RYBALKO,

expert of the Scientific and Educational Center "Regional media space",
Candidate of Psychological Sciences

**Journalist as subject reflexivity
of providing the regional mass and communicative system**

Abstract: The author states that information security at the regional level has mass media measurement. The process of reflexive management of regional audience of mass media is considered. Conclusions on productivity of vocational extreme situations training of regional mass media employees are drawn.

Keywords: information management, information stability, migratory discourse, municipal press, regional mass media, reflexive management, operator of understanding.

РЫЖОВ Геннадий Борисович,

доктор военных наук, профессор, Военная академия
Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации

**Национальная безопасность Российской Федерации в Арктическом регионе:
проблемы и пути решения**

Аннотация: Обоснована необходимость разработки Арктической стратегии Российской Федерации. Проведен анализ экономических, политических, военных, геополитических факторов, влияющих на деятельность России и международных субъектов в Арктике, сформулированы принципы обеспечения безопасности морской деятельности России в арктическом регионе.

Ключевые слова: Арктика, Арктический регион, Арктический сектор России, Северный морской путь, приарктические государства, Арктическая стратегия Российской Федерации.

Gennady RYZHOV,

Doctor of Military Sciences, Professor, Military Academy
of the General Staff of the Armed Forces of the Russian Federation

**National security of the Russian Federation in the Arctic region:
problems and solutions**

Abstract: The author proves the necessity of the development of the Arctic strategy of the Russian Federation. The article is based on the analysis of the economic, political, military, geopolitical factors influencing the activity of Russia and international actors in the Arctic. The principles of safety of the sea activity of Russia in the Arctic region are formulated.

Keywords: Arctic, Arctic region, Arctic sector of Russia, Northern Sea Route, subarctic states, Arctic strategy of the Russian Federation.

СИЛЬЧЕНКОВ Иван Александрович,
студент 2 курса ФНБ, РАНХиГС

Особенности немецкой арктической политики

Аннотация: Проанализирована роль Германии как государства-наблюдателя в Арктическом Совете. Выявлены угрозы для Российской Федерации в случае расширения влияния этого государства в Арктике.

Ключевые слова: арктическая политика Германии; арктическая политика Европейского Союза; Арктический регион; Арктический совет.

Ivan SILCHENKOV,
second-year student, Faculty of National Security, RANEPa

Features of the German arctic policy

Abstract: The analysis reveals the role of Germany as an observer state in the Arctic Council. It also predicts possible threats for the Russian Federation in terms of German growing influence in the Arctic.

Keywords: Arctic policy of Germany; Arctic policy of the European Union; Arctic region; Arctic Council.

СТАРИКОВА Ольга Владимировна,
аспирантка 1 курса, Северо-Западный институт управления, РАНХиГС

**Развитие промышленных зон
как условие экономической безопасности региона**

Аннотация: В последнее десятилетие в России в целях повышения конкурентоспособности отдельных отраслей и регионов для внедрения инноваций активно применяется кластерная политика. Автор анализирует ее исполнение с позиций обеспечения экономической безопасности закрытых административно-территориальных образований.

Ключевые слова: кластерная политика, наукоград, закрытые административно-территориальные образования, промышленный парк.

Olga STARIKOVA,
first-year post-graduate student,
North-Western Institute of Management, RANEPa

**Industrial zones development as condition of regional economic
security ensuring**

Abstract: During the last decade in Russia, in order to increase competitiveness of separate branches and regions Russian authorities utilize the cluster policy. The author analyzes the execution of this policy from the point of view of providing economic security of the closed administrative-territorial formations.

Keywords: cluster policy, the science city, the closed administrative-territorial formations, industrial park.

СТРИЖАКОВ Максим Владимирович,
студент 2 курса ФНБ, РАНХиГС

Интересы Индии в Арктике: союз с Россией

Аннотация: Проанализированы приоритетные направления индийской внешнеэкономической и внешнеполитической стратегии в Арктике и основные задачи индийского правительства, которые заключаются в разработке углеводородных месторождений в регионе и освоении северного морского пути совместно с другими Арктическими странами.

Ключевые слова: Арктика, Антарктика, Арктический регион, Арктический совет, страна-наблюдатель, Департамент океанических исследований Правительства Индии.

Maxim STRIZHAKOV,
second-year student, Faculty of National Security, RANEPa

Interests of India in the Arctic: the union with Russia

Abstract: This article describes the main priorities of Indian economic and foreign policy strategy in the Arctic region. The author reveals the main goal facing the Indian government which is the development of hydrocarbon deposits in the region and the involvement of the Northern Sea Route with other Arctic countries.

Keywords: Arctic, Antarctic, Arctic region, Arctic Council, country observer, Department of Oceanic Researches of the Government of India.

СУРГУЛАДЗЕ Вахтанг Шотович,
кандидат философских наук, старший научный сотрудник,
Российский институт стратегических исследований (РИСИ)

Безопасность России в контексте геополитической концепции Х. Маккиндера

Аннотация: Для обеспечения стратегической безопасности России, ее целостности как федеративного государства российским ученым необходимо изучать геополитические концепции Запада, разрабатывать собственные подходы к разрешению проблем в сфере международных отношений, укреплять национальное самосознание, генетически вобравшее силу единства ее территорий и культур, влиять на национальную информационную безопасность.

Ключевые слова: Россия; геополитика; Хартленд; Х. Маккиндер; идеология; Н. Данилевский; осевой регион.

Vakhtang SURGULADZE,

Candidate of Philosophical Sciences, Senior Researcher,
Russian Institute for Strategic Studies (RISS)

Russian security in the context of the geopolitical concept of H. Makkinder

Abstract: The author states that in order to provide the strategic security of the Russian Federation it is necessary to study Western geopolitical concepts. The Russian Federation should produce its own geopolitical approach to solve the problems in the field of international relations, strengthening national identity and national information security.

Keywords: Russia, geopolitics, Heartland; H. Mackinder; ideology, N. Danilevsky, axial region.

СУСЛОВ Евгений Валерианович,

кандидат политических наук, доцент,
Марийский государственный университет, г. Йошкар-Ола

Стратегический баланс этнических интересов российских финно-угорских регионов и национальных интересов страны

Аннотация: Показано, что территориальная целостность и суверенитет государства обеспечиваются разумной этнокультурной политикой, проводимой в регионах. Проведен анализ угроз, сопутствующих этнокультурному развитию финно-угорских народов России.

Ключевые слова: региональная безопасность, пространственная организация, финно-угорская общность, федерализм, этнический конфликт.

Evgeny SUSLOV,

Candidate of Political Sciences, Associate Professor,
Mari State University, Yoshkar-Ola

Strategic balance of ethnic interests of the Russian Finno-Ugric regions and national interests of the country

Abstract: The author states that territorial integrity and the sovereignty of the state are provided with the reasonable ethno-cultural policy pursued in regions. The analysis of the ethno-cultural development threats to the Finno-Ugric peoples of Russia is carried out.

Keywords: regional security, spatial organization, Finno-Ugric community, federalism, ethnic conflict.

ТИТОВ Валерий Борисович,

доктор педагогических наук, профессор,

Военная академия Ракетных войск стратегического назначения имени Петра Великого

**Вариативный (региональный) компонент
федерального государственного образовательного стандарта
как источник угроз национальной безопасности**

Аннотация: Автор утверждает, что с введением в России третьего поколения образовательных стандартов, значительно расширяющих рамки регионального компонента в программах обучения, сетевой формы реализации образовательных программ и дистанционных образовательных технологий, возникла угроза утраты национальных основ образовательной системы Российской Федерации.

Ключевые слова: воспитание, государственный образовательный стандарт, образовательная система, региональный компонент, международный университет.

Valery TITOV,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor,

Military Academy of Strategic Missile Forces named after Peter the Great

**Variable (regional) component of the federal state educational standard
as source of national security threats**

Abstract: The author proves that with the introduction in Russia of the third generation educational standards which significantly expand a regional component in programs of training, a network form of educational programs realization and programmes delivered via distance education appears the threat of loss of the national bases of the Russian educational system.

Keywords: education, state educational standard, educational system, regional component, international university.

ТРОПИН Олег Владимирович,

кандидат политических наук,

пилот авиакомпании «Трансаэро»

**Национальная культура
как фактор устойчивости региональной безопасности России**

Аннотация: Рассмотрена геополитическая идея «регионализации», направленная на лишение государства (союза) способности сохранять конституирующие параметры его системной организации, приводящая к потере геополитической и исторической субъектности. Выделена роль духовности и национальной культуры в противостоянии деструктивным процессам.

Ключевые слова: регионализация, исторический субъект, национальная культура, информационная устойчивость, региональная безопасность.

Oleg TROPIN,

Candidate of Political Sciences,
Pilot of the Transaero Airlines

National culture as factor of the Russian regional security sustainability

Abstract: The author states that the geopolitical idea of "regionalization" directed at deprivation of ability of the state (union) to keep the constituting parameters of its system organization leading to the loss of geopolitical and historical subjectivity. The role of spirituality and national culture in opposition to destructive processes is underlined.

Keywords: regionalization, historical subject, national culture, information stability, regional security.

ХЛОБУСТОВ Олег Максимович,

эксперт Фонда национальной и международной безопасности,
кандидат исторических наук

**Повышение эффективности противодействия терроризму
на региональном уровне**

Аннотация: Изучены правовые условия деятельности органов государственного и муниципального управления, в компетенцию которых входит противодействие терроризму. Проанализирована степень готовности и способности специалистов действовать при объявлении определенного уровня террористической опасности.

Ключевые слова: Национальный антитеррористический комитет, противодействие терроризму, политический экстремизм, угрозы социально-политической безопасности, международный терроризм.

Oleg KHLOBUSTOV,

expert of the National and International Security Fund,
Candidate of Historical Sciences

Increase of efficiency of counteraction to terrorism at the regional level

Abstract: The article deals with the legal conditions of activity of the public and municipal administrative bodies, competence of which includes counteraction to terrorism. It also analyzes degree of readiness and ability of experts to work at warning of a certain level of terrorist danger.

Keywords: National anti-terrorist committee, counteraction to terrorism, political extremism, threats to socio-political safety, international terrorism.

ШЕВЧЕНКО Алевтина Владимировна,
доктор политических наук, профессор, РАНХиГС

**Оценка деятельности органов управления субъектов Федерации
в сфере региональной безопасности**

Аннотация: Показатель степени региональной безопасности при оценке эффективности управления субъектами Федерации не учитывается. В статье дается анализ причин отсутствия такого параметра и предлагаются меры совершенствования системы учета полезной деятельности органов исполнительной власти в сфере региональной безопасности.

Ключевые слова: безопасность, национальная безопасность, регион, региональная политика, угроза безопасности.

Alevtina SHEVCHENKO,
Doctor of Political Sciences, Professor, RANEPA

**The activity assessment of governmental bodies of the subjects
of the Russian Federation in the regional security sphere**

Abstract: The degree index of the regional security is not considered in the activity assessment of governmental bodies of the subjects of the Russian Federation. The article reveals the reasons of the absence of this parameter and offers options to improve the system of regional security.

Keywords: security, national security, region, regional policy, threat to security.

ШКРУМ Валерия Ильинична, студентка 2 курса ФНБ, РАНХиГС

ПЕТРОВ Филипп Владимирович, студент 2 курса ФНБ, РАНХиГС

Некоторые аспекты японской арктической стратегии

Аннотация: Целью данной статьи является выявление основных направлений политики Японии в Арктическом регионе и степени их влияния на национальные интересы России.

Ключевые слова: Арктический регион, Арктический Совет, постоянный наблюдатель Арктического Совета, Северный морской путь.

Valery SHKRUM, second-year student, Faculty of National Security, RANEPA

Philip PETROV, second-year student, Faculty of National Security, RANEPA

Some aspects of the Japanese Arctic strategy

Abstract: The purpose of this article is to identify the main directions of policy of Japan in the Arctic region and the degree of their influence on national interests of Russia.

Keywords: Arctic region, Arctic Council, permanent observer of the Arctic Council, the Northern Sea Route.

К сведению

**ФАКУЛЬТЕТ
НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ**

Подготовка специалистов:

АСПИРАНТУРА

Направление 41.06.01 «Политические науки и регионоведение»

специализация:

**23.00.04 «Политические проблемы международных отношений,
глобального и регионального развития» (политические науки)**

МАГИСТРАТУРА

Направление "Государственное и муниципальное управление"

по программам:

«Государственное управление и национальная безопасность»

**«Государственное управление и внешнеполитическая
деятельность России»**

СПЕЦИАЛИТЕТ

Программа «Экономическая безопасность»

специализация:

«Экономико-правовое обеспечение экономической безопасности»

Адрес сайта Факультета: <http://natsbez.ranepa.ru/>

Телефоны для справок: **(499)956-09-30**

(499)956-05-17

тел./факс: **(499)956-05-61**

Научное издание

Смольский Сергей Владимирович
Шевченко Алевтина Владимировна

СТРАТЕГИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ
В СФЕРЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ.
РЕГИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ
Сборник докладов и выступлений

Подписано в печать 17.11.2014. Бум. офсетная. Формат 60×90 1/16.

Гарнитура Таймс. Печать офсетная. Усл. печ. л. 14,25.

Тираж 500 экз. Заказ №.211П

ООО «Издательство «Прспект»
119606, г. Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 2